ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ФЛОРА КОЛЛИНЗ

18+

ИНТРИЖКА

Интрижка
Флора Коллинз

Аннотация
Флора Коллинз. Интрижка
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
Часть вторая
  Глава 1. Одилия
  Глава 2. Вера
  Глава 3. Одилия

Глава 4. Вера
Глава 5. Одилия
Глава 6. Вера
Глава 7. Одилия
Глава 8. Вера
Глава 9. Одилия
Глава 10. Вера
Глава 11. Одилия
Глава 12. Вера
Глава 13. Одилия
Глава 14. Вера
Глава 15. Одилия
Глава 16. Вера
Глава 17. Одилия
Глава 18. Вера
Глава 19. Одилия
Часть третья
Глава 1. Том
Глава 2. Вера
Глава 3. Том
Глава 4. Вера
Глава 5. Том
Глава 6. Вера
Глава 7. Том
Глава 8. Вера
Глава 9. Том

Глава 10. Одилия
Эпилог
Благодарности от автора

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вера – молода, амбициозна и привыкла добиваться своего. Она построила отличную карьеру в модном бренде, а вот личная жизнь так и не сложилась. Но все меняется, когда в эксклюзивном приложении для знакомств Вера встречает Тома. Том – успешный бизнесмен, он в разводе и по выходным навещает свою маленькую дочь.

Но однажды Тома и его жену Одилию находят мертвыми, и выясняется, что все это время он лгал Вере, а Одилия вовсе не была «бывшей». Пресса обвиняет в их смерти Веру, и девушка теряет работу, репутацию и друзей.

Год спустя Вера решает разобраться в об-

стоятельствах смерти Тома и Одилии. Оказывается, за небольшой интрижкой успешного бизнесмена скрывается что-то большее и есть люди, которые пойдут на все, чтобы сохранить в тайне свои самые грязные секреты.

Флора Коллинз
Интрижка

Flora Collins
A SMALL AFFAIR
Печатается с разрешения InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency.

© Flora Collins, 2022
© Перевод. Е. Шурупова, 2024

Школа перевода В. Баканова, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Посвящается Эндрю, моему лучшему другу, в каком-то смысле мужу. Вечно буду благодарна, что новости о нашем «браке» еще не угодили на страницы таблоидов

Часть первая

Глава 1

Год назад

Мы познакомились в эксклюзивном приложении — скучном до ужаса, как и все они. Белый текст на черном фоне. Там положено работать в определенной области, иметь определенное образование и *родословную*, чтобы отделить себя от сброда.

Странно (а может, вовсе не странно), однако я хорошо помню тот миг, когда у нас случился мэтч[1]. Я сидела на диване под вязаным пледом, закинув ноги на ноги своего лучшего друга и соседа по квартире. Мы включили «Настоящих домохозяек» (уже не помню, какой выпуск), но не замечали друг друга и происходящего на экране. Типичные миллениалы, сидящие в телефоне, погруженные в плохие новости.

От всей души мечтаю туда вернуться. Сидеть рядом с Куином на оливково-зеленом диване, который мы откопали в благотворительном магазине в Вест-Виллидж, не обращать друг на

---

[1] Сноски: 1
От англ. *match* — совпадение, пара.

друга внимания — и чтобы никакие призраки нас не разделяли, не лежали тяжестью у меня на сердце. Не портили мне жизнь. Не портили мои отношения с людьми.

— Эй, не подвинешься? Уже ноги затекли, — пожаловался Куин, сбросил с себя плед, едва не попав мне по лицу, и начал разминаться. Затем поплелся на кухню за пивом и наблюдал за моим лицом в свете телеэкрана — я по-прежнему сидела в телефоне.

Я подняла голову.

— Хочешь помочь? Опять в приложениях для знакомств сижу.

Куин сходился и расходился с Сэмом вот уже семь лет, еще с тех пор, как мы учились на втором курсе университета. На то время они полгода как расстались. Наверняка скоро опять помирятся: они редко встречались с другими людьми.

Но Куин любил косвенно участвовать в моей жизни. Любил внимательно изучать парней, которых я приводила домой, расспрашивать о них, оценивать их одежду, волосы, парфюм, лица, выпытывать мельчайшие подробности о нашем сексе, их поведении наутро, вызнавать: прижимали ли они меня к себе ночью? слушали ли мои указания в постели, интересовались, чего

я хочу, что мне нужно?..

Поэтому я ничуть не удивилась, когда Куин плюхнулся обратно на диван, выхватил у меня телефон и начал листать профили.

— И все эти люди тебя лайкнули? — спросил он, скользя взглядом по экрану. Я кивнула. — Обалдеть, Вера, да ты сто лет сюда не заходила! Под пятьдесят лайков набралось.

Снова кивнула. Я на несколько месяцев забыла о свиданиях — в основном из-за новых обязанностей по работе. Мне они были вполне по силам, просто не хотелось распыляться. А когда с кем-то встречаешься, этого не избежать — если честно, сами походы на свидания меня выматывали.

Впрочем, к тому времени я уже разобралась, что и как. Хотела начать заново, вернуться к свиданиям, как и любая женщина наивно полагая, будто следующий мужчина окажется совсем не таким, как предыдущий. А еще мне было скучно. Вот это бесит больше всего. Скучно, видите ли! Вся жизнь насмарку лишь потому, что не купила нормальный вибратор.

— Значит, надо лайкать их в ответ? И тогда вы пара?

— Ага. Я бы показала, но телефон у тебя.

Бесполезно, он уже взялся за свое.

— Слушай, у нас ведь разные вкусы, — продолжила я. — Ты отсеиваешь симпатичных парней!

Однако Куин телефон не отдал.

— Детка, у меня вкус получше твоего. Уж поверь.

Вот я и поверила.

Через несколько минут Куин вернул мобильник. Пролайкал в ответ всего троих: высокого качка, без меры увлеченного селфи; занудного с виду интеллектуала с блестящим образованием и почти полным отсутствием шеи…

…и Его. Тома Ньюберна. Он был старше меня, старше всех мужчин, с которыми я встречалась. Тридцать семь лет — на десять больше, чем тогда мне. Волевой квадратный подбородок. Блестящие темные волосы. Изящной формы рот. Один ребенок. Либерал.

Он написал почти сразу. Телефон завибрировал, и вдруг мелькнула мысль: а ведь нельзя узнать, когда он меня лайкнул — может, он ждал несколько месяцев, со дня моей регистрации.

Любишь «С широко закрытыми глазами»?[2]

Я улыбнулась: это он отметил, как я заполнила

---

[2] Сноски: 2

«*С широко закрытыми глазами*» — фильм Стэнли Кубрика о тайных мечтах благополучной с виду супружеской пары. — *Здесь и далее примеч. пер.*

графу «О чем вы готовы говорить без умолку?» Написала: «О ядовито-зеленом платье из коллекции Гальяно для “Диор”, которое Николь Кидман надела на вручение “Оскара” в 1997». Хитроумный ход: так можно с легкостью отсеять мужчин, которые способны без раздумий отправить меня в категорию «любительниц тряпок» и свайпнуть влево.

Я напечатала ответ. Потом стерла. Напечатала снова. Куин обо мне уже позабыл — сам засел в телефоне. Впрочем, я не нуждалась в его мнении.

Да, но если хочешь увидеть по-настоящему винтажную Кидман, подойдет «Умереть во имя»[3].

Наверное, это и стало началом конца.

---

[3] Сноски: 3

«*Умереть во имя*» — фильм Гаса Ван Сента о карьеристке, готовой на все ради славы.

Глава 2

Сейчас

В маминой спальне для гостей я только и делаю, что сижу в раздумьях.

Мама никогда не обладала хорошим вкусом. Даже с таким чудесным пейзажем за окном ее дом выглядит пресным и холодным. Кричаще-яркие обои с вишенками почему-то кажутся тусклыми, хотя она прожила тут всего несколько лет. Шторы тонкие, из пеньки, и уродливые. На прикроватной тумбочке — лампа в виде целующихся лебедей, мама откопала ее на блошином рынке; у лебеди-девочки сколота эмаль на глазу.

Я привыкла подолгу смотреть на эту одноглазую лебедь. Мне случается целыми днями не выходить из комнаты, и она не осуждает. В отличие от ближайших моих друзей.

После всего случившегося мне пришлось покинуть город. Я выросла в Уэстчестере, оттуда до Манхэттена рукой подать, но родители развелись, когда мне было чуть за двадцать, отец переехал в Сиэтл, а мать продала дом в Уэстчестере и купила этот, поменьше и поближе к северу,

в округе Хадсон-Вэлли.

Мама слишком радовалась моему приезду. Братья давно жили отдельно — Оливер за границей, а Тео на Среднем Западе. Я угодила ей в руки, едва ступив на порог, задыхаясь от дыма шалфея, которым она «очищала» дом.

Мать обняла меня, сказала, что все будет хорошо, потрепала по щеке, побрызгала мою подушку лавандой, чтобы лучше спалось. Кстати, сработало.

Лишь несколько дней спустя, когда мы поздним вечером пили дорогой листовой чай, я вдруг вспомнила, почему редко приезжала в гости. Потому что моя мать, несмотря на благие с виду намерения и любовь к новомодным духовным практикам, могла быть отменной стервой.

Она накрыла мою руку своей.

— Понимаю тебя, милая. Меня все до единого осуждали после того случая с твоим отцом. Я стала врагом номер один. Помнишь, как твои братья три месяца со мной не разговаривали?

Она щелкнула языком, и я сердито выдернула руку; в висках стучало от злости.

— Ты понятия не имеешь, каково мне! Ты знала, что делаешь, когда изменяла папе с Майком. Вы с отцом всего лишь развелись, у тебя на руках

нет крови.

Я с шумом задвинула стул, чай пролился на уродливый кафельный пол, а я ушла в свою нелепую комнату с вишенками на обоях и заплакала. Плакала и плакала, пока голова не начала раскалываться.

Вообще я редко плачу. Сами попытки выдавить из себя слезы слишком утомительны. Когда я впервые услышала новости, от которых рухнула моя прежняя жизнь, я тоже не плакала — поначалу. Не сразу в глазах заблестела влага. Даже на допросе в полицейском участке я сохраняла невозмутимость. Отказывалась показать слабость, пусть и в такую минуту.

Кто-то (скорее всего, в «Твиттере») назвал меня хладнокровной сукой, социопаткой. Это неправда, у меня есть чувства. Просто я их подавляю, заталкиваю в самый темный уголок души, куда редко заглядываю: там же таятся печаль, сомнения в собственных силах — любое чувство, способное предательски застигнуть врасплох. Возможно, это такой метод выживания. Кто его разберет, я у психотерапевта никогда не бывала.

А сейчас я размякла, прямо-таки расплылась от чувств. Временами никак не удается прогнать ненужные мысли. Что бы я ни делала, в памяти

непрерывной чередой вспыхивают заголовки «Нью-Йорк пост», описания в мельчайших издевательских подробностях; мой мозг — бесконечное слайд-шоу.

Странно, воображение не подсовывает мне отрывки случившегося, не переносит на место преступления. Перед глазами мелькают заголовки во всю ширину полосы, жирный шрифт, черный курсив на экране телефона. Я теряюсь в буквах и пустом пространстве между ними. Даже год спустя.

Меня просили ничего из этого не читать.

А я, конечно, прочла. Конечно, прочла.

Глава 3

Год назад

Наше первое свидание прошло в ресторанчике «Пиккола кучина»[4] в Нижнем Ист-Сайде. Было начало весны. Я надела черное платье с длинными рукавами и нежной цветочной вышивкой, а ногти с квадратными кончиками, эдакие гробики, выкрасила в бордовый, мой коронный. Собрала волосы в высокую прическу, подвела глаза. Надела дорогое белье — розовое, полупрозрачное — и лакированные босоножки на шпильках.

Он опаздывал, а я разбиралась с письмами по работе, раз выдалась минутка, и не заметила, как он подошел к столику. Не сразу ощутила его присутствие, его взгляд. Когда подняла голову, он уже улыбался.

Он пришел в темно-синем пиджаке и голубой рубашке с золотыми запонками. В чинос цвета хаки. Хорошо составил костюм. Волосы зачесал назад. Рубашка неброско подчеркивала синеву

---

[4] Сноски: 4
Piccola cucina — маленькая кухонька (*итал.*).

глаз. Лицо с виду увлажненное, губы тоже — но в меру. Видно было, что ухаживает за собой без чьей-то подсказки. Он кого-то смутно напоминал — возможно, череду симпатичных мужчин, в чьи глаза я не раз вот так смотрела за столиком манхэттенских ресторанов.

— Долго ждала? — спросил он, опустившись в маленькое деревянное кресло напротив.

Я спрятала телефон в сумочку, переключившись на режим «Не беспокоить», чтобы уведомления не портили ужин.

— Думала, ты забыл. — Я лукаво улыбнулась и отпила воды.

— Тебя? Никогда! — Он жестом подозвал официанта и заказал бутылку каберне.

Он расспрашивал обо мне и внимательно слушал. Заказал тунца. Я заказала пасту с рикоттой и баклажанами. В последний раз ела еще в обед. На втором бокале я слегка захмелела, открылась ему.

— У меня было счастливое детство. Можно сказать, идеальное. Один брат на четыре года старше, другой — на девять лет, поэтому они иногда дразнились, но без злобы. Никаких особых трений между нами не было. Мама занималась домом. Папа каждый день ездил в город на работу

и всегда к шести возвращался. В полседьмого семья собиралась за ужином. В нашем районе жила целая куча семей с детьми моего возраста, поэтому тосковать не приходилось. Я скучаю по дому детства. Иногда приезжаю на него посмотреть. Он всего в двадцати минутах от Центрального вокзала. Там сейчас живет молодая семья, вся в тренде. Детей назвали Лист и Оранжина. Написали их имена краской на детской площадке, вот откуда я знаю. Наверное, считаешь меня чокнутой? — хихикнула я.

Он улыбнулся в ответ и отпил вина.

— Отнюдь. Ты наблюдательна, только и всего. И любишь поностальгировать. В ностальгии нет ничего плохого.

Он был сооснователем логистического предприятия «Снапи». Жил в Бруклин-Хайтс, в отличие от большинства коллег, очень любил живописность этого района, богатую историю каждой симпатичной дорожки. Вырос в Коннектикуте. Имел трехлетнюю дочь, Пенелопу. Жил отдельно от жены, они улаживали вопрос с разводом.

— Тебя это не пугает? — спросил он, нанизывая кусочек тунца на вилку.

— Что не пугает?

Мое лицо уже раскраснелось от вина.

— Что у меня есть ребенок. Что я был женат.

Я покачала головой.

— Ничего, лишь бы не было второй тайной семьи, а то и третьей.

— А у тебя мрачный юмор! — засмеялся он.

Я кивнула, подмигнув.

Он спросил меня о работе и сразу заслужил балл в свою пользу. Многие мужчины не принимают работу в индустрии моды всерьез, а это, между прочим, сложный интеллектуальный труд, важный для экономики. Без таланта, напористости, острого глаза и деловой жилки в этой среде не пробиться.

Я тогда руководила продажами в маленькой, но растущей компании по производству одежды — называлась она «Магдалина», в честь бабушки основательницы. Мне нравилось там работать. Я дышала своим делом, погружалась в него с головой: до того, как я получила место в «Магдалине», жизнь казалась какой-то неправильной, точно еще не началась как следует. Я любила трудные задачи — искать новые торговые сети и площадки для сбыта; любила прилив восторга, когда удавалось найти нового покупателя. Любила поломать голову над маркетинговыми стратегиями, понаблюдать их в действии.

Любила власть и чувствовала себя божеством, способным ваять компанию по своей задумке. Любила гордую мысль, что через несколько лет компания достигнет большой славы. Любила Худу, основательницу «Магдалины», — она помнила каждую обложку «Вог» со дня его создания, пекла самое пряное имбирное печенье и делала самый крепкий джин с цветками бузины. Одежду я тоже любила. Удобство и стиль, универсальный крой и материалы. Изысканные сочетания цветов, чувственные ткани, уместность для всех времен года. Такую я и сама ношу.

Я до того хотела там работать, что разыскала девушку, которая тоже пыталась туда попасть и шла нога в ногу со мной, — мы разок-другой виделись через общих знакомых. Написала ей вечером накануне последнего этапа собеседования и предложила выпить — вроде как заключить перемирие и отпраздновать успех. Как я и задумывала, один коктейльчик перешел в семь, и в девять утра бедняжка на собеседование не явилась.

Разумеется, это я от Тома скрыла.

Я жалела людей, которые не любят своих начальников, а по воскресеньям с ужасом ждут предстоящей недели. Худа частенько говорила,

что в профессиональном плане мы выросли вместе: три года назад, когда меня наняли, наша команда состояла всего из трех человек — ее, меня и Лэндена (он занимался интерфейсом сайта). Теперь команда насчитывала уже десятерых. Прошлым летом у меня впервые появилась стажерка. В компании поговаривали об открытии магазина в Сохо — настоящего, не онлайн. Хотя работе я уделяла больше времени, чем знакомые, меня это ничуть не расстраивало. Я любила свое дело.

— Рад, что это так увлекает тебя. Без этого трудно прожить. Деньги, конечно, штука неплохая. Семья — еще лучше. Но страсть — вот что по-настоящему подстегивает человека.

Он помешал коктейль соломинкой. Мы уже закончили с вином.

— А чем увлечен ты?

Я коснулась его ноги кончиком обуви — ребяческий жест, но игривый.

— Наверное, в этом моя беда. Нет у меня увлечения. И не было никогда. Просто хотел трудиться изо всех сил, заработать побольше денег.

Он встретился со мной взглядом и не отводил глаз, пока официант клал на стол чек и забирал пустые бокалы.

Когда мы вышли в прохладную апрельскую ночь, он спросил, можно ли взять меня за руку. Спросил, можно ли поцеловать — а его мягкие губы манили. Спросил, хочу ли я поехать к нему. Он вызвал такси, а когда мы переходили Бруклинский мост, я держала его за руку — тоже мягкую, без выпирающих костяшек. Было приятно. И сам он был приятным.

Нам оставалось всего два свидания.

Глава 4

Сейчас

— Сеструха, у тебя тонна писем, — беззаботно щебечет Куин по «Фейстайму», закрывая веб-камеру подбородком. Замечательно.

— Выбрось, и всех делов, *сеструха*. Все равно там сплошной мусор. — Я прислоняю телефон к изголовью кровати и ложусь на живот.

— Нет, настоящих писем! Не от интернет-провайдера. Приехала бы, забрала, — надувает губы Куин, и нижняя под этим углом выглядит огромной. У Куина очень привлекательные черты, пухлые губы, выразительные карие глаза, а темные волосы коротко подстрижены, выгодно открывая лицо.

— В основном признания в любви, полагаю. От фанатов, — улыбаюсь я.

Первое время я частенько их получала. Папарацци выведали мой адрес в Краун-Хайтс, и теперь меня могли достать в любое время. Когда я переехала, предложила Куину найти местечко в Вашингтон-Хайтс или где-то еще, лишь бы на другом конце города. Он отказался: ему нрави-

лась наша квартирка, смежная с его спальней ванная, мансардное окно в гостиной. Подумаешь, заваливаются иногда какие-то чудики и грозятся убить бывшую соседку!

— Я твои письма не читаю, пока сама не попросишь, забыла? — Куин кладет телефон экраном вверх, и я ничего кроме потолка не вижу. — Правда, приходится их хватать поскорее, пока эта пронырливая стерва Хамано не заметила. Покоя не дает, выспрашивает про тебя. А я такой: «Позвони ей сама. Вера еще жива».

Я хихикаю. Теперь я могу смеяться только с Куином — и над этой историей, и вообще. Черный юмор, своеобразный. Но он всегда таким был. А когда кладу трубку, меня затягивает обратно, и я понимаю: нет ни капельки смешного в том, что случилось. В том, кем я стала.

После переезда я сдала свою комнату женщине по имени Хамано, знакомой Куина. У Хамано загорелись глаза, когда он в конце концов рассказал ей, кто я такая и почему сорвалась из города посреди месяца. Она целыми днями расспрашивала Куина обо мне, пока он не велел ей либо заткнуться, либо искать другую квартиру. Очевидно, от его угроз мало толку, раз вопросы не прекратились.

— А теперь что хочет узнать? Мой размер обуви или номер страхового?

Поначалу меня изводили тролли. Мужчины, которых манил образ соблазнительницы, толкнувшей Тома на такой поступок. Женщины, обзывавшие меня алчной потаскушкой. Еще больше мужчин, которые пытались подстеречь меня у дома. И еще больше — тех, которые пытались выяснить «интересные факты» обо мне; бывшие одноклассники, которыми я командовала в школе, выкладывали мои фото из выпускного альбома на «Реддите» и смаковали каждую мелочь. Грозились убить моих братьев. Грозились убить их детей. Прислали на мою прежнюю работу кучку собачьего дерьма. В «Твиттере» мне написывали так называемые современные ведьмы — спрашивали, какое заклинание я наложила на Тома.

Сменив пять номеров, пережив бесконечные письма на свой адрес и граффити на нескольких офисах «Магдалины» (с надписью «убийца паскудная» — по-моему, не оригинально и неточно, никаких паскуд я не убивала…) и удалив все аккаунты в соцсетях, я переехала.

Куин сказал, что письма слать прекратили. Что все кроме Хамано потеряли ко мне интерес.

Потому и удивляет белый конверт, которым он размахивает перед камерой — мое имя начертано женским почерком с наклоном и завитушками. Обратного адреса нет.

Зато есть почтовая марка. Из знакомого города. Сглатываю ком и держусь молодцом, только вот скулы сводит от натянутой улыбки.

— Вчера пришло. Честное слово, Хамано уже хотела вскрыть конверт, будто и не заметила твоего имени! Гляди. — Куин стучит по нему ногтем, и у меня мутнеет в глазах. — Еле у нее выхватил. В общем, вскрывать не стану, это подсудное дело. Лучше использую вместо приманки, иначе не приедешь повидать *moi*[5]. — Куин наигранно хлопает ресницами.

— Выброс. Я не шучу. — Наверное, мой голос звучит резче обычного: лицо Куина смягчается, и он убирает конверт из кадра.

— Ладно, ладно. Слово дамы — закон. Ты все равно приезжай повидаться. Пожа-а-луйста. Я же твой са-амый лучший друг!

Куин опять надувает губы, а по щеке стекает одинокая слезинка. У него много талантов — заплакать по желанию, например.

---

[5] Сноски: 5
Меня (*фр.*).

Конверта не видно, можно вздохнуть спокойно. Улыбнуться (на сей раз искренне) и в порыве признательности сдаться:

— Ладно уж, так и быть. Только никаких привычных мест! Нью-Йоркский ботанический сад, суббота.

Куин ликует, соглашается, телефон выскальзывает камерой вниз на деревянный пол, и мгновение на другом конце я вижу лишь непроглядную тьму.

Глава 5

Год назад

Я никогда не относилась к тем женщинам, которые выискивают в соцсетях бывших своего парня. Или кого угодно, честно говоря.

Знаю, многие накануне первого свидания пробивают имя мужчины в «Гугле», «Фейсбуке»[6], «Твиттере», «Линкдине» — любом источнике информации, какой только есть. Я понимаю, женщинам осторожность не повредит. Одна моя подруга отыскала некролог отца того парня, с которым собиралась на свидание, перебрала с алкоголем и спросила, ходит ли он к психологу, чтобы справиться со столь неожиданной утратой. Парень удивился, потом растерянность уступила место отвращению, и тут подруга вспомнила: он-то ей об этом не рассказывал. Стоит ли говорить, что второго свидания не последовало.

Я предпочитала чистый лист. Хотела все важное услышать от самого Тома и сложить о нем

---

[6] Сноски: 6

Социальная сеть, принадлежащая компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

собственное мнение. Встречаться без предубеждений куда интереснее. Он решает, с какой стороны себя показать, а я постепенно выстраиваю картину из мелочей. Узнаю его, не портя впечатление сведениями из соцсетей.

В ту первую ночь мы приехали в Бруклин-Хайтс, долго поднимались по крыльцу к черной дубовой двери его краснокирпичного дома. Том завел меня в прихожую с высокими потолками, гладкими стенами и цветными кляксами в рамках — единственными яркими пятнами в минималистичном интерьере. Мы вошли в просторную кухню с огромной плитой и впечатляющих размеров гарнитуром из шлифованного гранита. Том предложил мне хромированный стул с кожаным сиденьем и налил нам скотча в хрустальные бокалы. Безупречные кубики льда тоже отличались хрустальной прозрачностью.

Не сказать, чтобы дом меня впечатлил. Я к тому времени повидала немало до неприличия роскошных домов в Нью-Йорке. Встречалась с мужчинами в отелях, где за ночь отдаешь несколько тысяч, с мужчинами из далеких, загадочных мест — они проводили вечер в городе, а после улетали в Европу, Южную Америку или Калифорнию. Мой парень университетских вре-

мен жил на Пятой авеню; его швейцар в ливрее величал меня «мисс Макдоналд».

С Томом все было иначе. Даже у нуворишей есть заученная привычка рассказывать о своем неприличном богатстве как бы невзначай, они гордятся им куда больше потомственных богачей, хотя понимают: хвастаться достатком и выражать свой восторг неуместно. А Том наслаждался этим великолепием. Жаждал его показать. Точно выиграл дом в лотерею вместе с мебелью и теперь гордо демонстрировал добычу. Не боялся проявить чувства, и я это посчитала милым, даже трогательным. Большинство мужчин, особенно наделенных властью, стараются не выдавать волнения.

— Давай покажу комнаты! — предложил он, тряхнув льдом в бокале.

Потом взял меня за руку и провел из кухни в гостиную. На стене висели портреты его дочери и бывшей жены; я не стала смущенно опускать взгляд — напротив, подошла посмотреть поближе.

— Прошу прощения. Как-никак половина дома принадлежит ей, — объяснил Том.

Бывшая жена была красива — высокая женщина с волосами пепельного оттенка и ласковой

улыбкой. Дочь походила на отца.

— Ничего, — ответила я, и он проводил меня в столовую, а после в свой кабинет без окон, который называл гробницей: старенький газовый камин с мраморной облицовкой, обшитые слегка безвкусными панелями стены, а на них картины девятнадцатого века — их явно слишком часто реставрировали, и каждая была подсвечена латунной лампой. Еще бы лисьи головы на стену, и получилась бы настоящая берлога.

Противоположный конец дома выходил в сад. Том включил свет, и за раздвижной дверью показались качели и перевернутая красная тележка около увядающих, потемневших гортензий, которые следовало подрезать еще зимой. Тут до меня дошло, что дом он показывал в общем-то молча. Ни слова об истории постройки, о происхождении мебели, о картинах на стене. Но я ничего против не имела. Молчание было по-своему приятно.

После мы поднялись в библиотеку, где всюду лежали богато иллюстрированные энциклопедии для гостей, а книги на полках выглядели совсем свежими, нечитанными. Том поставил музыку — что-то модное, вроде «Бич хауз».

— Что скажешь? — наконец поинтересовался он, отпив скотча.

— Маловат домишко, — ухмыльнулась я.

Его брови удивленно вскинулись, а я улыбнулась уже по-настоящему.

— А-а… Неплохо! — прыснул он.

— Вижу, ты гордишься домом.

Он снял пиджак и провел рукой по волосам.

— Верно. По правде сказать, о мебели и прочем я мало знаю. Мы — с бывшей женой — наняли дизайнера как раз для таких вопросов. Но дом замечательный, согласись? И музыкальный центр прекрасный. Люблю иногда прилечь здесь, на диване, включить музыку на полную и закрыть глаза. Такой кайф, звук словно бы проходит через все тело. Звукоизоляция здесь отличная, так что соседи не жалуются.

Я уже перестала слушать. Он был такой милый, такой беззащитный — даже в собственном доме. Темные волосы совсем растрепались, рубашка помялась. Я остановила его поцелуем на полуслове, прикусила нижнюю губу, услышала тихий стон, и мы помогли друг другу раздеться.

Мы так и не осмотрели дом до конца. Он так и не показал второй этаж. А я и не думала просить. Может, когда он уснул на диване в обнимку со мной, шумно посапывая и щекоча мне лицо щетиной, мне следовало тихонько встать, на

цыпочках пройти к выходу из библиотеки и на ощупь подняться на третий этаж, — и тогда все сложилось бы иначе.

А может, и нет, кто знает. Может, я видела лишь то, что хотела видеть. В каком-то смысле эта истина мне дается тяжелее всего.

Глава 6

Сейчас

Я каждый день просыпаюсь в шесть утра под жужжание маминого блендера. Она готовит нечто с капустой кейл, коллагеном и пыльцой. В общем, смесь, за которую в городе готовы отдать долларов пятьдесят, не меньше. Раньше я ворчала, накрывала голову подушкой и пыталась снова уснуть. Сон тогда играл очень важную роль. Только во сне я могла спастись от мыслей, которые лихорадочно носились в голове, как ни пытайся от них отвлечься.

Теперь же мне нравится этот звук. Хороший будильник, да и мама так поглощена собой, что и не подумает бросить свою затею со смузи в такую рань. Обычно я иду на кухню, варю кофе и сижу с матерью, и пусть себе ворчит, что от сливок в кофе я заработаю рак, что она намерена уединиться в горах на недельку, и что медитация поможет мне избавиться от боли, стыда и жить счастливо, как прежде.

— Ничто не длится вечно, — частенько щебечет она.

Сегодня на ней вышитый восточный халат до колен, седеющие каштановые волосы собраны в пучок, очки сдвинуты на нос.

— Как спалось? Лавандовый спрей еще помогает?

Кивнув, включаю кофемашину — пришлось купить, ведь мама отказалась от кофеина три года назад.

— Помогает, мам, помогает. — Добавляю канцерогенных сливок в напиток и сажусь рядом. Светает; изумительная желто-оранжевая акварель неба окрашивает пейзаж в золотистые тона.

— Какие планы на день?

Мама отпивает зеленый смузи через металлическую трубочку. Она спрашивает это каждое утро, хотя ответ всегда один: пялиться в стену, взяться за книгу и бросить, посмотреть целый сезон «Офиса». Еще немного поспать. В прежней жизни я и не мечтала о свободном времени, не наслаждалась одиночеством и бездельем. Все время чем-нибудь занимала голову, трудилась над каким-нибудь проектом, разбиралась с какой-нибудь задачей. Постоянно отменяла встречи с друзьями и оставалась в офисе допоздна — предпочитала большинству людей

уединение безлюдных коридоров, тусклый свет и гудение вентиляционной системы. Всегда находилось больше дел, больше оптовых компаний, с которыми нужно связаться, больше просьб об интервью, отчетов по расходам, товаров для публикации в интернет-магазине с описаниями от рекламного агентства, которые доводить до ума приходится мне.

«Магдалина» — не мое детище, но иногда мне приходилось играть роль матери. Компания была для меня вроде крестной дочери, а в уединенные минуты я с досадой думала: крестницу-то пришлось удочерить. Даже Худа не так часто засиживалась допоздна.

А в новой жизни, где заняться нечем, я гнию заживо, понемногу становлюсь овощем и, похоже, навсегда такой останусь. Увлеченная сторона моей натуры ушла в спячку, и боюсь, ее уже не пробудить. Порой я даю мыслям волю и воображаю, что телефон гудит от сообщений, что знакомые — не все, но хотя бы кто-то! — хотят увидеться, приглашают меня в разные места, нуждаются в моем присутствии, совете.

Однако сегодня все иначе.

— Собираюсь в город.

Мать удивленно распахивает глаза и всплес-

кивает руками; бессчетные кольца звякают друг об друга.

— Умница! Сбегаешь кое за чем? Я тебе дам список.

Едва держусь, чтобы не закатить глаза.

— Я не в Манхэттен, мам. Так, съездить ненадолго.

Она с досадой поджимает губы и заглатывает остатки смузи.

— Возвращайся обратно, — напрямик заявляет она, избегая моего взгляда и крутя на пальцах кольца. — Я месяцами пыталась до тебя достучаться, никак не выходит. Аура у тебя совсем разладилась. Надо сменить обстановку.

Стискиваю зубы.

— Ну вот, сменила.

— Ты здесь не один месяц живешь, а еще никуда с мной не сходила. Ни на йогу, ни пообедать. Даже в кино! Обещаю, тебя здесь никто не узнает. — Мать включает воду. Грязной посуде не место в доме.

Устало протираю глаза — ее фокусы давно известны.

— Ладно, так и быть. Схожу в магазин. Составь список, а я постараюсь все найти.

Мать с улыбкой отворачивается от раковины

ко мне.

— Во сколько уезжаешь?

Отвечаю. Она предлагает подбросить до вокзала. Маленькая победа. Сначала поеду в Манхэттен, а попозже загляну в Ботанический сад.

Примерно в семь мать устраивает второй сеанс медитации. Я обычно в это время по несколько часов пялюсь в стену, но сегодня утром, приободренная будущей поездкой, делаю кое-что другое, кое-что жалкое и с оттенком мазохизма — пишу Худе, своей прежней начальнице.

Прошлую ночь я провела, читая в «Гугле» про «Магдалину». Разумеется, я даже после увольнения следила за фирмой со стороны. Там постарались, чтобы мои имя и лицо с ней больше не ассоциировались; помимо же этой крохотной перемены к худшему, у них все постепенно шло на лад. Публикации в «Вог», «Кат», «Нью-Йорк таймс». Небольшое, но важное выступление на нью-йоркской неделе моды в прошлом феврале. Обновленная страничка на «Шопифай».

Компания процветает. И я должна ей в этом помогать. Этим и занималась последние несколько лет. Худа не раз говорила: ее планы сбылись благодаря мне, я — ее тайный ингредиент. Твердый орешек. Своим первым стажером я руководила

строго, даже слишком строго, зато компания достигла высот, и Худа могла сиять в лучах успеха, пока я улыбалась в стороне.

А потом меня вышвырнули, не сказав спасибо.

Мамина хитрая попытка отправить меня в Нью-Йорк послужила последним толчком к действию — знаком, как сказала бы она сама, — что пора припереть Худу к стенке, хватит ждать. Поезд шумит колесами, а я смотрю на экран телефона в ожидании трех точек — знака, что Худа печатает. Знаю, сегодня суббота, но она точно будет в офисе на Юнион-сквер. И она точно видела мое сообщение. В прежние времена она отвечала за минуту, не дольше. Один раз даже ответила на срочный звонок посреди секса с парнем — я кое-что уточняла насчет оптового заказа для бутика в Майами. А теперь Худа упорно молчит; меня так и подмывает отправить селфи в поезде, как бы намек: «Да-да, тварь, я еду. Хочешь ты этого или нет».

Заветный сигнал раздается, лишь когда я схожу с поезда на Центральном вокзале.

«Конечно. В 12 у меня будет полчаса. Увидимся в “Старбаксе” на Пятнадцатой».

Худу приходится ждать — очевидно, показывает, кто тут главная. Выбираю столик у входа

и потягиваю матча-латте, даже не притворяясь, будто читаю книгу или что-нибудь в телефоне. Пусть сразу заметит мой серьезный настрой. У меня с собой папка, отчеты о доходах, статьи, записи со всех совещаний за последние несколько лет. Вещественные доказательства моей порядочности, важной роли в компании — и все в распечатках на маминой переработанной бумаге.

Худа наконец заходит — и тотчас привлекает всеобщее внимание, как обычно. Шесть футов роста, выше всех мужчин в кофейне. Стрижка-пикси на темных волосах, черное платье-футляр нашей — то есть, ее — фирмы, сверху накинуто пальто из искусственного меха, хотя на улице тепло. Да еще ботильоны с красными каблуками добавляют роста.

Теперь, когда компания заметно расширилась, вид у Худы стал еще более неприступный, как у типичной сторонницы высокой моды, а она все же не такая. Будь она до сих пор моей начальницей и спрашивай моего совета, я предложила бы сбавить обороты. «Магдалина» — бренд для всех, он расширяет узкие рамки высокой моды. Очередной раз гадаю, кто теперь задает направление, с кем она теперь советуется, если я ушла.

Попробуй догадайся, у нее сейчас столько сотрудников…

Худа садится за столик сразу, минуя кассу, и пристраивает длинные ноги в тесноте. Пальто и солнцезащитные очки остаются на ней — она словно показывает, что времени мало и я не стою даже получаса.

Надо же, как все изменилось.

— Вера, как дела? Как тебе у мамы дома? — бесстрастно спрашивает Худа, поджимая губы. Без всяких «рада тебя видеть».

Вижу, она не шутила. Полчаса, не больше. Обойдемся без любезностей.

— Фигово. Хочу обратно на работу, а тут расписано, что и как. — Открываю папку, двигаю к ней и листаю страницы с данными, которые успела собрать. — Прошло восемь месяцев с тех пор, как ты меня… отстранила. Я наблюдала за развитием «Магдалины». Впечатляет. Показ прошел великолепно. Знаю, ты всегда мечтала добиться высокой оценки от раздела «Стиль» в «Таймс», так что поздравляю. — Худа чуть улыбается уголком губ. — Линейка брюк тоже замечательная — тех, с завязками на поясе, у которых ткань сделана по новой технологии плетения. — Умолкаю: пусть насладится комплиментом, а уж потом я

совершу решающий бросок. — Но без меня тебе не обойтись. — Я стучу пальцем по папке. — Да, компания растет, зато по графику на пятой странице видно, что охват в соцсетях упал после моего ухода. В «Инстаграме»[7] затишье, плюс пришлось обратиться к более дешевому производству. Когда «Барнис» обанкротился, пришла пора задуматься о финансах. Я восхищаюсь переходом на продажи онлайн, правда. Однако сайт не отвечает стандартам, необходимым для выхода на международный рынок. И вопрос с пунктами выдачи нужно серьезно пересмотреть. Уверена, с такими сроками доставки люди добавляют вещи в корзину и уходят с сайта, ничего не купив.

Я тараторю без умолку, листая тщательно собранные данные, графики и планы развития, которые распечатывала всю неделю. Наконец, откидываюсь на стуле, отпиваю из стакана и смотрю Худе в глаза — впрочем, за темными очками их не разглядеть.

— Слушай. Прошло восемь месяцев. Не такая уж я важная персона, чтобы о том случае до сих пор вспоминали. Я ведь не преступница. Я ничего

[7] Сноски: 7

Социальная сеть, принадлежащая компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

не сделала, Худа! Если хочешь, поработаю удаленно, у мамы дома. Необязательно возвращаться в офис. — Умолкаю, испытующе разглядывая ее лицо.

Худа со вздохом отодвигает папку и скрещивает руки на груди. Улыбается мне печально, с жалостью.

— Спасибо, что столько всего подготовила. Вижу, ты немало потрудилась. Но пойми, Вера, мы нашли тебе замену. Ты и сама знаешь. Сейчас открытых вакансий нет. — Она закусывает губу. — И потом, это портит имидж компании. Нельзя уволить человека, а потом вдруг взять обратно — со стороны покажется, что мы необязательны, сами не знаем, чего хотим. Сотрудники неправильно поймут.

Глаза щиплет. Проглатываю остатки гордости и перехожу к мольбам:

— А если на фриланс? Можешь урезать мне зарплату и рабочие дни. Что захочешь. Мне нужно чем-то заниматься. Меня никто не хочет брать. А ты меня знаешь, Худа! Знаешь, как я усердно работаю. Я, считай, с нуля создала бренд…

Последнее говорить не стоило — Худа недовольно поджимает губы.

— Да, ты многое привнесла в «Магдалину». Но

мы из-за тебя стольких инвесторов потеряли, Вера! — выплевывает она; я вздрагиваю и цепляюсь за стол. — Да, ты умная и способная. И все же не смогла сохранить свою личную жизнь в тайне. Я такого не одобряю. Мои сотрудники боятся, как бы твоя репутация не повредила компании. И тебя саму побаиваются. Даже будь у меня возможность взять тебя обратно, я бы не смогла. Я бы переполошила всех сотрудников, не дала бы им работать спокойно. А я не допущу, чтобы они боялись ходить на работу. Не могу поступиться нашей феминистской идеей и принять тебя обратно. Не могу, и все. — Она поправляет прядь волос; носы ее ботинок направлены к выходу. Тон ее смягчается. — Мы здорово поработали вместе, Вера. Я к тебе хорошо относилась. Да и сейчас хорошо отношусь. Тем не менее я руководитель, и порой приходится принимать трудные решения — распрощаться с тобой, например. Навсегда. Поэтому ты и получила выплаты по увольнению. Ты еще оклемаешься. Как я сказала, ты умная. — Худа встает и аккуратно задвигает стул. — Мне пора. Удачи, Вера.

И вот она уходит; каблуки цокают по полу, а папка, над которой я часами работала, лежит передо мной на столе. Худа не удосужилась ее

забрать.

— Ну и катись! — кричу я вслед, переполошив нескольких посетителей «Старбакса». Бариста взглядом просит меня на выход. И я ухожу, по пути швырнув папку в ближайший мусорный контейнер.

В Ботанический сад приезжаю злая. Покупка дурацких травяных настоек и дорогущего чая для мамы не больно-то меня успокоила.

Куин в розарии, как мы и договаривались: в ушах эйрподсы, на голове — сиреневая панамка. Я подхожу со спины и кладу руки ему на плечи. Куин подскакивает от испуга и легонько меня толкает.

— Господи, Вера! До смерти напугала. — Он вынимает наушники и обнимает меня. Ко мне уже давно никто кроме мамы не прикасался, поэтому я каменею, и Куин отступает. — Так, кое-кто не с той ноги встал в мамочкиной гостевой спальне.

Закатываю глаза.

— И я рада встрече.

Куин изучает меня взглядом; безупречно выщипанная бровь приподнята под полями панамы.

— Похоже, загородная жизнь не по тебе. Вроде свежим воздухом дышала, а вернулась еще бледнее прежнего, вся понурая.

— Ничего не поделать, я оттуда еще не скоро уеду. — Рассказываю ему о встрече с Худой.

Куин морщится.

— Господи, Вера! Обычно работу выпрашивают повежливее… И почему ты себя так ведешь, будто на работе тебе никто в подметки не годится? Это не очень приятно.

Я иду следом за ним по саду, не обращая внимания на цветы.

— Потому что так и есть, вот почему.

Куин качает головой.

— Оправдываешь себя…

— А ты святой! Несколько месяцев меня не видел и первым же делом отчитываешь. — Мы переходим из розария к хвойным деревьям.

— Потому что у тебя злой вид! Брови нахмурила, так и до морщин недалеко.

Дергаю Куина за рюкзак, и он останавливается на полушаге.

— Задолбало, что меня зовут злой или стервозной! Ты ведь помнишь!

Друг поворачивается ко мне и вздыхает.

— Знаю, знаю. Прости. Ты не заслужила.

Надеюсь, он и правда так думает. Помимо прочего, меня и в таких грехах обвиняют. Якобы я хитрая. Жестокая. Иду по головам. Взрывной

характер, своенравная. В общем-то, это правда. Я всегда гордилась своей решительностью, остроумием, неумением ходить вокруг да около. Потому меня и взяли в «Магдалину», потому я и взлетела к успеху ракетой — и это в индустрии, которая жует людей и выплевывает, едва они переступают порог! И если на пути к успеху я заслужила репутацию стервы, что с того? Я не собиралась ни с кем любезничать, особенно если человек того не стоит. Но без последствий не обошлось, как и всегда в жизни; эти качества мне вышли боком.

— Расскажи про себя, — прошу я.

Куин отвечает. Он журналист, штатный сотрудник известной медийной компании. Начальник постоянно поручает ему пустые темы, дурацкие обзоры на тренды в соцсетях, интервью с бестолковыми гуру по уходу за кожей. Куин отбился от рук и написал изобличительную статью о корейских «школах» поп-музыки — заведениях, где выжимают все соки из юных мечтателей, которые приезжают в Сеул в надежде добиться славы BTS или Blackpink. Он даже взял интервью у двух-трех таких новичков, когда навещал кузенов в Сеуле. Только вот начальник отказался публиковать материал. В отличие от меня, Куин

не из тех, кто добивается своего, и если ему отказали, не признает обиды.

— Читала мою последнюю заметку о дочке той фитнес-инфлюэнсерши, Марджори Джералд? Родители хотят создать для нее целую линейку кухонной утвари — говорят, она сама ее разработала, точно признанный кулинарный гений. Ей шесть! — Куин качает головой и быстренько затягивается электронкой. — Ох уж эти бруклинские богачи со своими семейками! Все вокруг им должны. Думал, я насмотрелся на таких людей, когда работал в сфере обслуживания, но эти никакого сравнения не выдерживают.

Куин болтает, а я слушаю; взгляд мой скользит по столпотворению в саду. Я снова в большом городе, среди людей, которые не разделяют со мной ДНК — до чего же странно после стольких месяцев одиночества…

Перед нами идет женщина; одной рукой она держится за живот, другой ведет белокурого ребенка. Меня словно током бьет: в памяти мелькает Пенелопа, ее карие глаза, густые ресницы. Потом Одилия. Их портреты на стене его кирпичного дома. Ее фото в газете. Ее фото в интернете. Ее фото рядом с моими. Я столбенею, закрываю глаза, сжимаю руки в кулаки. В груди горит, серд-

це колотится.

Видимо, Куин не замечает и идет дальше: в ухе звучит не его голос, а ворчание незнакомца — просит отойти; вокруг протискиваются люди. Миг — и я открываю глаза, а Куин ведет меня к скамейке.

— Вера, ты чего?

Качаю головой и растираю виски указательными пальцами.

— Не знаю. Я ненормальная. Не будем об этом. Забей.

Но Куин берет меня за руку и усаживает обратно на скамейку.

— Вообще-то, я хотел тебе кое-что показать. Не знаю, станет тебе легче или нет.

— Снотворное? — ухмыляюсь я. — Ты вроде давно слез с ксанакса.

Почесав в затылке, друг ставит рюкзак себе на колени и после недолгих поисков достает знакомый белый конверт. Сердце у меня колотится где-то в горле.

— Какого черта ты его принес?! Я же просила — выбрось!

Отодвигаюсь, встаю и быстрым шагом ухожу, шагая чуть ли не «в ногу» с коляской: очередная мамочка воркует над своим ребенком.

Куин тотчас меня догоняет.

— Вот потому и принес! — запоздало объясняет он. — Тебе нужно его прочитать.

Скрещиваю руки на груди и отвечаю злым взглядом.

— Отвали, Куин! Сама разберусь, что мне делать. Нечего брать мои письма без спроса.

Он трет лицо и отводит меня в сторонку, заметив встревоженный взгляд мамочки с ребенком.

— Я его прочел, Вера. Ты тоже прочти. Мне кажется, тебе станет легче. Думаю, ты поняла, от кого оно.

Сердито вырываю письмо у Куина из рук, не боясь помять бумагу: я очень зла, что он меня заставил, но иначе все уши прожужжит. Куин аккуратно вскрыл конверт по верхнему шву, а я все равно разрываю его, как дикое животное. Будь моя воля, и зубы пустила бы в ход.

Рваная марка Мичигана опускается на землю.

Тяжеленький конверт. На самый дорогой тариф не тянет, но все равно увесистый. Думаю об этом, а не о словах на бумаге; руки дрожат, видные краешком глаза цветы расплываются.

Церемония памяти. Дань уважения ее жизни через год после смерти. «Одилия Ньюберн» — гласит изысканный розовый шрифт с завитушками,

точно это приглашение на свадьбу или праздник в честь будущей мамочки.

Рву приглашение на куски, и они разлетаются среди цветов.

Глава 7

Год назад

Я вернулась с первого свидания рано утром; небо восхищало чистой синевой, а вагон метро оказался пустым. Через четыре часа меня ждали в офисе, я не выспалась, а спина ныла от ночи на диване, на котором мы оба вырубились.

Однако усталости не было.

Я раскинулась на пуховом одеяле, мягко поигрывая пучком густых волосков, которые оставила на лобке, и глядела на скользящие по потолку тени.

Ночь была приятная. Размеренная и мягкая, когда нужно — грубовато-страстная. Можно сказать, игривая. Пожалуй, в ней крылось что-то личное, в отличие от других свиданий на одну ночь. На столе — фото его дочери в серебряной рамке. Подушки выбирал декоратор его бывшей жены.

А еще он был такой беззащитный — перед тем, как крепко уснул без всякого храпа или слюны на подушке. Доверительным шепотом признался, как одинок, а после обвил меня руками, прижал

к себе, точно мы — влюбленные студенты, и поцеловал в спину, отчего у меня мурашки по коже побежали.

Я ускользнула, не попрощавшись; его точеное лицо дышало спокойствием в мерцающем свете луны, а брюки и рубашка от «Брукс Бразерс» валялись в углу комнаты. Он прижимал руки к груди, точно хранил тайну.

В конце концов зашуршал проснувшийся Куин и громко ругнулся, уронив что-то на кухне. Он аж подскочил, когда я незаметно подошла к нему.

— Ты только вернулась, да?

Я кивнула, закручивая волосы в пучок, пока Куин добавлял сахар себе в кофе.

— И не попрощалась.

Снова кивнула, и Куин досадливо щелкнул языком.

— Между прочим, мужчины не такие уж черствые. Не помешало бы хоть иногда предупреждать о своем уходе. — Он передал мне чашку кофе с капелькой сливок.

— К чему с ними нежничать? — Я отпила глоток, обжигая язык. — И потом, в последнее время я не так уж часто ухожу по-английски. Я и на свиданиях-то давно не была.

Куин колдовал с телефоном, пытаясь включить

музыкальный подкаст на колонках. Я вдруг поняла, что мешаю его привычному утру, спокойному часу, который он мог провести наедине с собой перед походом в душ и сборами на работу.

— Ну-ну, а до того? Ты ходила на свидания три-четыре раза в неделю. Напомни, сколько раз ты молча исчезла?

Пожалуй, он прав. Впрочем, у кого в нашем городе хватает времени тянуть кота за хвост? Если больше не хочешь с кем-то видеться, проще исчезнуть без объяснений, и человек сам все поймет. Я своим поведением не гордилась. Поэтому и сделала перерыв в личной жизни. Слишком много мороки.

— Как прошел ужин с Сэмом и всей компашкой? — сменила тему я.

Вечером накануне Куин виделся с нашими знакомыми времен университета: Сэмом — они то встречались, то расходились; Эваном и Клаудией — неряшливого вида хиппи, вечными детьми, которые до сих пор каждую субботу стреляли сигареты на заднем дворе дешевых ресторанчиков и меняли постельное раз в месяц. Награждали друг друга ручными татуировками и ЗППП, иногда одновременно.

— Сэм на следующей неделе уезжает в Хадсон,

в арт-резиденцию. Можете встретиться, когда поедешь в гости к маме. У Клаудии с Эваном все как обычно. Они прошлым летом вместе выпили аяуаски[8], теперь считают друг друга родственными душами. — Куин пожал плечами.

— Клаудия же в прошлом году была лесбиянкой?

Куин допил кофе и сделал подкаст погромче, тактично намекая: пора мне заткнуться.

— Все меняется. В следующий раз обязательно приходи. Они про тебя спрашивали.

Мне нравились Эван с Клаудией и Сэм. Мы с ними вволю повеселились в колледже: ночи под наркотиками, бритые головы, мое ручное тату с тупым углом на левой лодыжке… А теперь я их вроде как переросла. В каком-то смысле, работа заметно ограничивала мою жизнь. Круг общения сузился до Куина и Худы. Впрочем, я это по-своему ценила. Дорожила свободным временем. Дорожила собственным обществом. Куин иногда повторял: если бы мы жили порознь, то вообще не виделись бы.

Он много, много раз попрекал меня тем, что работа мне важнее всего, что я забываю о близких

---

[8] Сноски: 8

Аяуаска — галлюциногенный напиток, который индейские шаманы принимают для общения с духами.

в ту же минуту, как подворачивается интересное дело, ведь другие цели и занятия приносят мне большее удовольствие, чем общение с ними.

Я нередко пренебрегала людьми. Я не особенно искала дружбы. Не была «своей девчонкой», как раз наоборот: обычно женщины относились ко мне враждебно или завидовали — то ли характеру, то ли внешности и упорству, не знаю. Дружба с женщинами неизменно сходила на нет: поначалу их привлекала моя уверенность — они скорее хотели не дружить со мной, а стать мной. А потом злились, когда их парни со мной заигрывали, или когда я честно выражала мнение об их одежде, цвете волос, проекте. Я не умела как следует поддержать. Когда «Магдалина» стала набирать обороты, женщины превратились для меня в соперниц, а если не в соперниц, то в потенциальных предателей, угрозу моей растущей власти. Никто не посмел бы помешать моим замыслам, никто не посмел бы встать у меня на пути.

Дружба, особенно с другими женщинами в нашей индустрии, только отнимала время, тормозила мое упорное восхождение к успеху.

С Куином все сложилось иначе: с ним можно было проявить мягкость, в нашей дружбе я не сомневалась — а для меня это редкость. Мы по-

знакомились на первом курсе Нью-Йоркского университета на унылой вечеринке в общежитии — не такой буйной, конечно, как на кампусе, но все равно там тусовалась куча взвинченных парней в поисках «жертвы». Вот Куин и заметил, как один студент норовил встать ко мне поближе, постоянно трогал за руку и задницу, как бы я ни сопротивлялась. Куин не знал меня, не знал того парня, но велел ему отстать и спросил, все ли у меня хорошо.

Остаток вечера мы провели вместе, ели один пакетик картошки фри на двоих в круглосуточной кафешке. В школе я была королевой и собирала вокруг себя почитательниц, теперь же хотела искренней дружбы. Устала командовать другими, устала слышать лесть вместо правды. Куин послужил мне первым научным опытом. С тех пор мы были неразлучны. Острый на язык, умный и к тому же не боялся меня — первый человек, который не стал терпеть моих выкрутасов, разглядел меня за маской черствости. Когда друг решил признаться семье, что он квир, я поехала с ним в Нью-Джерси и держала за руку, пока он все объяснял сидящим на диване родителям, истовым христианам.

Когда у него начались отношения, я, как могла,

старалась его поддерживать и помогать, подсказывала, как правильнее вести разговоры на нелегкие темы. Куин, в свою очередь, рассказал нам о корейском происхождении своего отца, учил нас готовить сундубу чиге и хоттеок, познакомил с такими писательницами как Чоу Юн и Шин Кенсук.

Потом Куин поддержал меня, когда я перешла от изящных искусств к миру моды — подала сначала заявку на стажировку, а потом и на вакансии откликалась. Когда рассказала, как подставила соперницу по «Магдалине», он не слишком обрадовался, однако не стал меня отчитывать. Позволил быть собой, пусть даже непомерно честолюбивой.

А когда мы выпустились и работа заменила мне всю жизнь, уже не слишком хотелось видеться с остальными, даже с Клаудией, Эваном и Сэмом. Поэтому узнав, что они обо мне спрашивали, я лишь ответила:

— Приятно, что им не все равно.

Куин поставил чашку в раковину; керамика громко звякнула о металл.

— Если хочешь, займи душ, а я приготовлю завтрак.

И вот так меня спровадил.

Остаток дня Том и свидание даже не вспоминались. В полвосьмого позвонила Худа и попросила в восемь связаться с оптовым заказчиком из Японии — сама она собиралась к стоматологу. Дальше день пошел по привычной безумной колее: постоянный трезвон и пиликанье телефона, гул голосов в маленьком тесном офисе — в общем, давно знакомая сенсорная перегрузка.

Встречу с инвесторами перенесли на две недели, чем испортили нам расписание на весь месяц. По дороге от поставщика потерялось несколько заказов — в службе поддержки клиентов началась неразбериха, да еще в программе для инвентаризации все перепуталось. Худа после веселящего газа вернулась сама не своя и отправила не те эскизы осенней коллекции важному клиенту.

Таблица, которую ассистентка отсортировала по имени вместо фамилии, оказалась последней каплей — я объясняла ошибку, не скрывая отвращения. К моему ужасу, ассистентка заплакала, и с ее красного носа стекали изящные капельки.

Позже она явилась снова — глаза вытерты, нос припудрен, — и я гадала: наверное, ждет извинений? Конечно, извиниться надо было; я сжала виски — надеялась немного снять напряжение, а

потом уж выдавить нужные слова и улыбку.

— В-Вера? — робко обратилась ассистентка, накручивая медового цвета локон на палец. — Внизу взяла, это вам. — И поспешила прочь от моего стола, не успела я хоть что-нибудь спросить.

Прислали приглашение на закрытую выставку Марка Райдена. Впервые за день я искренне улыбнулась.

Глава 8

Сейчас

— Зачем ты так со мной? — Я уже второй раз за день затеваю ссору в кофейне. Сердито гляжу на Куина за столиком кафе «Сосна»; между нами остывает нетронутый матча-латте. — Знаешь, каково мне видеть ее имя? Знаешь, сколько раз в день я хочу с собой что-нибудь сделать, если вижу напоминание о ней? Она повсюду, всегда! Мой призрак. Господи, Куин! О чем ты думал? Надо было сразу сжечь!

Он пристыженно опускает взгляд и помешивает пенку на латте.

— Мне кажется, они хотят с тобой помириться, Ви, — отвечает он после недолгого молчания. — Показывают, что не держат зла. Зачем еще отправлять приглашение?

Стискиваю зубы. Случаются минуты, мучительные и тяжелые, когда я вспоминаю о своем одиночестве. Ведь нет руководства для случаев вроде моего, нет анонимных собраний для людей, угодивших в эпицентр жестокого убийства. Нет сообщества, к которому можно обратиться

и спросить: как себя вести, если твой наивный, простодушный друг до того верит в человечество, что подобное приглашение считает оливковой ветвью, знаком мира?

— Куин, никто не собирается меня утешать. И особенно ее семейство. Они отправили приглашение в пику мне. Наверное, ее сестра хочет меня изобличить в своей траурной речи и показать бессердечной потаскухой, к тому же убийцей.

Куин отхлебывает пенку с ложки.

— Ну зато ты хороша в черном. Да еще умеешь бегать на каблуках — если набросится разъяренная толпа, не пропадешь. — Эти шуточки меня ничуть не смешат, и он вновь опускает взгляд к напитку. Впрочем, мигом собирается с мыслями и поднимает глаза. — А вдруг ты неправа? Вдруг они хотят с тобой пообщаться? Вдруг понимают, что от всего этого ужаса и тебе плохо? Тебе помощь не помешает, Вера.

— Так и представляю заголовок «Пост», — фыркаю я. — Напишут: я, мол, жажду внимания, не даю семье оплакать свою горе спокойно. И размытое фото, где сквозь платье просвечивают стринги.

Куин вздыхает.

— Это же Вест-Виллидж. В приглашении сказа-

но, что журналистов не будет. Даже при худшем раскладе ничего особенного не случится. Постоим где-нибудь в сторонке, а если кто начнет хамить, уйдем. — Я опять награждаю его убийственным взглядом. — Слушай, я проверял. Как прочел письмо, так проверил все интервью с родными Одилии: даже когда их уговаривали, даже когда появлялась возможность, они тебя не унижали. Ни разу.

Меня опять трясет, пальцы покалывает, словно вот-вот потекут слезы или начнется паническая атака. После переезда к маме я избегаю любой новости, любого упоминания об этом в интернете (не без помощи Куина — он заблокировал кое-какие сайты). И так ясно, какой меня все считают. Я сообразила сразу удалить профиль в «Инстаграме». Зато мне напоминал «Твиттер», анонимные имейлы и письма. Напоминала и настороженность полицейского, который охранял мой дом от журналистов и отводил глаза, едва меня завидев.

Куин замечает, что я на миг потеряла дар речи.

— И потом, кое-кто тебя поддерживает, — настаивает он. — Думает, что пресса несправедливо тебя терзает. Хештегов в поддержку не заметил, но сочувствия немало. Ты ведь тоже в этой исто-

рии жертва.

Закрываю глаза. Открываю.

— А фанатская группа есть? — сухо интересуюсь я, и Куин улыбается.

— Вообще нет, но можем устроить. — Он наконец отпивает латте. — Если серьезно, я не считаю, что ее родня жаждет твоей крови. Они приличные люди, с которыми случилась ужасная беда. И они понимают: с тобой она случилась тоже, пусть это и несравнимо с потерей дочери, сестры. Кстати, я сфотографировал приглашение. Пусть ты его и выбросила, мы можем узнать все нужное.

Откидываюсь на спинку, едва не уронив кресло на пол.

— Я подумаю, хорошо? — Друг кивает: сегодня от меня большего не добьешься. — Хамано со злости на стенку полезет. Представь, она умыкнула бы письмо раньше тебя? Наверняка заявилась бы на церемонию, глазела на всю семью, да еще прямой эфир в «Инстаграме» запустила бы.

— Ой, как я по тебе скучал! — смеется Куин.

Дома у мамы обнаруживаю, что предоставлена самой себе. От вокзала я доехала на такси. Как приятно отдохнуть от маминого любопытства!

Отодвигаю в сторону ее странные веганские продукты, варю на ужин макароны, добавляю

масла с пармезаном и несу к себе в комнату.

Так мой ужин обычно и проходит — мама поздновато садится за стол, и к тому же я не собираюсь питаться подгорелой цветной капустой и фасолевым пюре, как бы она их ни навязывала. Я бы ела за столом, но тогда она бы дергала меня и за едой, отчитывала бы, а потом принималась бы болтать о себе и сравнивать свои пустяковые ссоры с моим нескончаемым внутренним разладом.

Встреча с Худой была словно неделю назад, не меньше; клюю макароны и пялюсь то на стену, то на лампу с лебедями — на переплетенные шеи, на щербатый глаз, — и с мучительной ясностью понимаю: никто не вернет мне работу. Никто не вернет мне прежнюю жизнь.

Помню, как в доме детства, еще в Уэстчестере, я заставляла братьев вместе со мной вырезать модные наряды из журналов, потом наклеивала их на криво нарисованных бумажных кукол и велела Тео с Оливером устраивать показы на перилах лестницы, да еще требовала, чтобы держали кукол правильно, и свет падал на кукол, как надо.

Подростком я обучалась изобразительному искусству — особенно хорошо мне удавались коллажи и человеческие фигуры. Потом посту-

пила в Нью-Йоркский университет, изучала изящные искусства. Однако детская любовь к моде — изготовлению нарядов, самой ауре этого мира, тонкому вкусу и мифам, окружающим лейблы и дизайнеров, — осталась со мной и со временем заняла в жизни главное место. На летней стажировке в «Элис+Оливия» я поняла: меня интересует сама работа, вплоть до разработки и продвижения торговой марки. Я могла построить карьеру на создании бренда, сделать ему уникальную рекламу в мире, где полным-полно новых, инновационных компаний. Вот где настоящая власть! Все думают, она у дизайнера, лица компании, а она в руках того, кто направляет других.

Этим я и занималась. Несколько лет пахала, как лошадь, тащила на себе обязанности Худы, делала за нее всю работу, привела «Магдалину» к успеху, а она даже спасибо не сказала. Неблагодарная. Сразу удалила меня с сайта, еще в день увольнения.

На стажировке в «Элис+Оливия», вообще на всех стажировках и местах работы, я очень старалась показать себя лучшим кандидатом, если освобождалось место посерьезнее. Была самой подготовленной, самой представительной, самой

красноречивой, самой трудолюбивой. Приобрела полезные навыки — стала гением в анализе данных, королевой электронных таблиц. И меня всегда выбирали. У меня были свои методы. Я подслушивала, заходила в электронную почту начальства и вызнавала, кого еще могут взять на желанное место. Читала про этих людей и всеми силами старалась их превзойти. Вскользь упоминала: по слухам, такой-то важный человек в индустрии моды очень рассеянный, или намекала: кандидатка добилась успеха лишь потому, что юридическая фирма ее папочки представляет интересы издательства «Конде Наст». Сделала одну светскую тусовщицу лицом начинающего бренда одежды в стиле «стритвир», где недолгое время работала, — и все потому, что ее агент на меня заглядывался, ну а я, разумеется, его поощряла. И вообще нередко пользовалась слабостями коллег. Лишь бы только оставаться на шаг впереди, проложить путь к успеху.

Опускаю тарелку на пол у кровати, достаю из ящика комода трубку и травку, затягиваюсь. Возвращаюсь на кровать и слежу взглядом, как кружат завитки дыма перед тем, как испариться. Сижу, прислонившись головой к стене, покуда голова не становится легкой, а руки-ноги — ват-

ными.

А потом беру телефон и скачиваю «Инстаграм».

Создаю фейковый профиль, вбиваю в поиске: «Одилия Паттерсон Ньюберн» и жду результата.

Разумеется, есть немало профилей в ее память. Незнакомцы, сентиментальные журналистки и любопытствующие с удовольствием публикуют ее фотографии. Наконец, вижу ее аккаунт пятым в списке, под ником «Odilie_000». Открытый профиль, последний пост — фото из Мичигана, на котором Одилия наклоняется поцеловать дочку Пенелопу; на снимок наложен легкий фильтр. Чуть виднеется беременный животик.

В «Актуальном» несколько сторис под заголовками «Еда», «Антигуа», «Пенелопа <3». У нее восемь с половиной тысяч подписчиков — полагаю, в два раза больше, чем при жизни, если посчитать всех зевак. Профиль выдержан в одном стиле, подобраны схожие цвета и фильтры. Ничего не выбивается из общего ряда.

Она постила снимки не реже раза в неделю — довольно странно, есть же сторис. Классические инстаграмные фото, особенно те, которые выложены несколько лет назад: красивые закаты, кусты роз, тосты с авокадо, розовые смузи.

Приятные снимки, милые короткие подписи с множеством эмодзи. Женщины комментируют, какой из нее замечательный фотограф, хотя с хорошим айфоном и правильным фильтром у любого получится не хуже.

Несколько снимков Тома — их я судорожно пролистываю, не хочу заострять внимание. «Горячая парочка!» — гласит один комментарий, а годы спустя кто-то отвечает: «Странновато сейчас смотрится». Вновь листаю наверх, к более свежим постам. Рождение Пенелопы, как и пост Кайли Дженнер о новорожденной дочери, собирает больше всего лайков, за исключением их последнего совместного снимка. На первом фото маленькие ножки Пенелопы красуются в розовых пинетках, а лицо у нее красное и сморщенное, как сушеная клюква. Дальше идут снимки чуть подросшей девочки, крепко спящей в колыбельке.

Последним в этой подборке идет видео: Том держит дочку, баюкает ее, тихо и неразборчиво поет; я невольно ставлю запись на паузу, пальцы меня не слушаются — они готовы увеличить видео, но не могут.

Руки, что укачивают хрупкое существо, кажутся непомерно огромными, как куски мяса, а его грудь такая пугающе-широкая в сравнении с

крохотным человечком… Том укачивает ее неуверенно, как будто не знает, как правильно, бедра его движутся медленно — он словно не может понять, готов ли к новой жизни, в которой этот комочек станет центром вселенной. Вселенной, где прежде главное место занимал он сам.

А может, я ему приписываю свои чувства.

Листаю дальше. Снова детские фото и стильные яркие снимки в ресторанах, где Одилия сидит одна перед изысканными блюдами. Судя по всему, друзей у нее мало — или, скорее, она хочет казаться независимой: полагаю, на многих фото они остались за кадром, снимали ее. Если и встречаются фото с женщинами, то лишь на официальных мероприятиях — впрочем, как и с Томом. Даже на фото с едой всегда приборы на одного человека, а блюда и напитки сняты сверху. Комментарии, конечно, лестные, но поверхностные — вроде того, насчет «идеальной парочки»; никаких намеков, дружеских шуток, воспоминаний о былых временах. Я вдруг понимаю: ее страница словно рекламирует бренд, выдержана в чрезмерно радостном тоне, скорее подходящем для бездушного предмета, и будто призвана создать образ, ничего не раскрывая о самом человеке.

Как-то это неприятно, почти жутко; я выхожу из профиля… и вдруг взгляд цепляет темно-синее пятно на одном из последних снимков, которые я не слишком тщательно рассматривала. Увеличиваю фото.

Одилия стоит перед зеркалом, ее волосы собраны в пучок на затылке, на губах — красная помада, на теле — темно-синее платье-футляр. У зеркала золотая остроконечная рамка с узорами, а сама комната довольно вместительная. Непохоже на дом Одилии — по крайней мере, я этого места не узнаю. Хотя нечто знакомое есть. Во всем фото есть нечто знакомое.

Платье! Оно от «Магдалины», пользуется спросом и вообще одно из моих любимых. Удобное, хорошо тянется, ремень красиво подчеркивает талию, низкий V-образный вырез немного открывает грудь. У меня самой такое есть. Раньше часто его носила, поэтому везде узнаю, да и фирменные белые карманы Худы выдают бренд.

В том, что у Одилии такое платье, нет ничего странного. В конце концов, оно имело большой успех, да и наши товары рассчитаны на таких, как Одилия. Но комната тоже не дает мне покоя. Вся фотография не дает мне покоя, точно я ее уже видела.

Закрываю фото и быстренько листаю на десять лет назад, к первым фотографиям, зернистым и с выкрученной до предела насыщенностью, отчего сразу переношусь в первые годы приложения. Наконец дохожу до конца профиля. Дальше листать некуда; откидываюсь головой на окно у кровати.

Теперь что? Чем я вообще занимаюсь? Почему вдруг столь отчаянно изучаю жизнь женщины, чья смерть разрушила мою? Хотя знаю, почему — из-за слов Куина, из-за обманчивой близости с ней, ее родными. Наверное, хочу узнать ее, чтобы мое присутствие на церемонии памяти не казалось таким нелепым.

А может, я жажду близости хоть с кем-нибудь. Ведь со мной остался только Куин. Все так называемые друзья, с которыми я работала и училась в университете, исчезли, когда я больше всего в них нуждалась.

Хочу прерваться и отношу тарелку на кухню. В холодильнике припрятана бутылка вина, и я наливаю себе огромный бокал. Уже собираюсь наверх, закончить начатое, однако тут в дом врывается мама, убийственно благоухая эфирным маслом жасмина.

— Взяла, что я просила? — с ходу спрашивает она, и я киваю в надежде ускользнуть с вином

наверх. — Молодец! Хочешь послушать про мое свидание?

Не успеваю сказать «нет», как она садится и приступает к рассказу, увлеченно размахивая руками в браслетах. Ясное дело, они познакомились на йоге, у него свой ресторан в городе, он оплатил ее ужин, они совместимы по знакам зодиака, у него усы, которые не очень ей нравятся; тем не менее экстрасенс сказала, что в этом месяце ей суждена судьбоносная встреча — похоже, с ним.

— Хотела пойти к нему, но сказала, что меня дома ждет больная дочь, не могу бросить ее одну. — Она поигрывает полупрозрачным шарфиком с ярким узором.

— Больная дочь? — фыркаю я.

Мама надувает губы.

— Ну, не стану же я объяснять всю твою историю.

— Пошла бы с ним, да и все. — Беру бокал и собираюсь наверх.

— Я не такая, ты же знаешь. Только не на первом свидании.

Вздрогнув, я замираю. Очевидный камешек в мой огород, мимоходом брошенное обвинение жертвы — так любят прохаживаться на мой счет в прессе. Впрочем, мама и не догадывается, как

звучат ее слова, она слишком поглощена собой. Собственные радости, невзгоды и чувства для нее важнее всего.

Когда-то она была другой. То есть она всегда была эгоистичной и, пожалуй, более тщеславной и погруженной в свои дела, чем другие матери. Помню, если я получала пятерку по физике или забивала победный гол, она только нахваливала собственные родительские качества.

Но тогда она хотя бы интересовалась мной, сидела рядом, когда я плакала, до конца выслушивала рассказы о повседневных делах, школе, друзьях, учителях и внеклассных занятиях. Ходила на все наши выступления, игры и выставки. Старалась устроить нам отличный день рождения, всегда знала, какие подарки мы хотим на Рождество. Участвовала в нашей жизни.

После развода она изменилась. Забавное увлечение картами Таро, призраками и медиумами из причудливого хобби времен нашего детства превратилось в клише: очередная белая женщина пытается найти смысл жизни, меняя диету и тратя деньги на кристаллы, проверку энергетики и шаманские лекарства — а это либо шарлатанство, либо украдено у коренных народов Америки. Похоже, она не только с отцом рассталась, но и со

здравым смыслом.

К счастью, роман она закрутила, когда я жила отдельно, училась на последнем курсе. Встречалась она с папиным лучшим другом Майком, я его знала с детства. Высокий, дородный мужчина, живший неподалеку от нас в Уэстчестере и работавший юристом по договорному праву. Мы с братьями подробностей не знали. Отец позвонил нам всем в день переезда, а через несколько месяцев навсегда обосновался в Сиэтле, подальше от бывшей жены и бывшего лучшего друга. И подальше от меня. Поначалу я мучилась, а потом перестала.

Залпом допиваю вино, ставлю бокал на комод, забираюсь обратно в кровать и включаю ноутбук. Ставлю музыку без слов от группы, под которую раньше делала уроки, и берусь исследовать жизнь Одилии. Или скорее образ, который она создавала для чужих глаз, — не самое правильное занятие с точки зрения морали, зато искупительное.

Раньше Одилия выглядела иначе. И разница в десять лет тут ни при чем. Совсем другую женщину я видела на фото в его доме, в интернете после ее смерти — и даже сегодня, в ее профиле. Нос шире, губы тоньше, глаза круглее, с нависшим

веком, а фигура менее подтянутая. Если прищуриться, можно разглядеть нынешние черты где-то в глубинах прежнего лица. Но если бы не имя в шапке профиля, ни за что бы ее не узнала.

Фотографии скромные. Волосы жидкие, стиля нет. «Унылая студентка» — так бы я назвала ее стиль, если б хотела проявить жестокость: безликие футболки-поло, джинсы не по фигуре, да еще сутулая, точно не умеет нести себя, хочет казаться меньше, чем есть.

Она выросла в Вайнеке, приморском городе неподалеку от Нью-Йорка, куда на лето приезжают богатые туристы — кстати, это я узнала от Тома: он как-то раз бросил, что ненавидит Вайнек, ненавидит туда ездить, общаться с тамошней публикой, ненавидит потеть в рубашке, ведь город блюдет сохранность исторической архитектуры и не размещает кондиционеров на фасаде. Потом его родители переехали в Мичиган.

Я на миг задаюсь вопросом, как они встретились. Она переехала в Нью-Йорк и там с ним познакомилась? А может, их пути пересеклись раньше, в Вайнеке? Интересно, получится ли отследить их знакомство, есть ли в профиле какой-то знак, что они начали встречаться, обручились? Наверное, есть — для чего еще «Ин-

стаграм»?

Под Новый год Одилия запостила смазанный снимок фейерверков. «Кто хочет праздничный поцелуй?» Эта подпись более игривая и дерзкая, чем остальные — возможно, Одилия выпила. Тогда почему не удалила наутро? На что хотела намекнуть? В комментариях кое-кто из мужчин предлагает Одилии «встретиться на Новый год». От Тома — ничего. Эта глава ее жизни еще не началась, так когда же начнется?

В два часа ночи я наконец убираю телефон; голова болит от нескольких часов за экраном. В потемневшей комнате я тотчас осознаю, чем занималась, чью жизнь только что разбирала по косточкам. Закрываю глаза и ложусь на спину.

Зачем я это делаю? Зачем заново проживаю жизнь уже мертвой женщины, что мне это даст? Как это мне поможет наладить собственную? Поворачиваюсь к окну; на подоконнике стоит пустой бокал из-под вина.

Не могу понять, почему я сперва ежилась от одного только приглашения с маркой города Нови, а теперь вдруг взялась изучать Одилию во всех ее образах за последние десять лет. Слова Куина словно отворили внутри меня дверцу, жажду понять. Прежде я лишь мирилась с мыс-

лью, что жизнь и смерть этой женщины будут сопровождать меня всюду, точно омертвевшая конечность.

Как ни странно, когда я стала относиться к ней как к человеку, мне стало легче. Я словно ее оживляю по щелчку мышки. Одилия показывает лишь то, что хочет, — по крайней мере, на тех постах, которые я успела изучить. Поэтому нет чувства, что я вторгаюсь в ее жизнь, вскрываю труп. Пока я разглядела лишь обыкновенную девушку, которая при своей скучной жизни умудрилась пробиться в верхние эшелоны Нью-Йорка, в объятия Тома Ньюберна.

Перекатываюсь на другой бок, закрываю глаза и надеюсь, что она не привидится мне во сне.

Глава 9

Год назад

Я не сразу ответила на приглашение. Хотела подождать, помучить его — пусть облизывается, а когда наконец соглашусь, пусть поймет, как сильно я ему нужна. В тот вечер я задержалась на работе. Мы с Худой заказали еды из «Тайской деревеньки», измазали соусом от пад-тай столы и клавиатуру. Совсем не умели аккуратно есть.

Мне нравились вечера наедине с Худой. Они напоминали о зарождении компании, о дружеской близости еще тех времен, когда Худа снимала комнатку в Уильямсберге, а не арендовала настоящий офис в Манхэттене. Худа замужем, хотя по ней не скажешь. Ее супруг по полгода отсутствовал — работал трэвел-журналистом, да и по возвращении оставался для всех личностью загадочной. Жил в тени Худы, с ее друзьями и коллегами вел себя скромно и сдержанно. Они поженились рано, сразу после университета, но знали друг друга куда дольше — оба выросли среди прихожан греческой православной церкви. Худа говорила: такое чувство, что они женаты

всю жизнь, поэтому несколько месяцев разлуки пролетают незаметно.

Как и Куин, Худа очень интересовалась моей личной жизнью, поэтому, когда мы закончили работу и смешали джин-тоник (лед взяли из автомата), она попросила ввести ее в курс дела. Я рассказала, что у меня на неделе свидание.

— О-о, я его загуглю! — взвизгнула она и подъехала на кресле к здоровенному компьютеру нашей стажерки. Не успела я остановить Худу, как она уже открыла список «Форбс». — Ого-о, красавчик! Подбородок точеный, ничего себе. А богатый! — Она листала статью, пока не наскучило, и вернулась к результатам в «Гугле».

— Хватит. Терпеть не могу гуглить парней, когда их совсем еще не знаю, — простонала я.

Худа уже пробегала глазами его профиль в «Блумберге».

— С ума сошла? А если он серийный насильник? Или встречался с твоей знакомой? Обязательно нужно проверять!

— Пока везет. И потом, до недавнего времени я славилась только стихами времен средней школы. Не хотелось бы, чтобы парни меня судили по ним.

Она тем временем нажала на заметку «Таймс»,

в которой объявляли о его свадьбе, и повернулась ко мне.

— Уж про это знаешь, надеюсь?

— Конечно. Они не живут вместе. Разводятся.

— Уверена? — Она изогнула бровь.

— Ну, когда я у него ночевала, дома никого больше не было. Видимо, придется поверить ему на слово.

Поздно, Худа уже вбила имя его бывшей в поисковую строку на «Фейсбуке».

— Не-ет, за ней шпионить точно не хочу! Вмешательство в частную жизнь — вот как это называется.

Худа все равно открыла профиль.

— Поверь, я тебе делаю услугу. — Я пошла смешать еще джин-тоника. Минуты не прошло, как она меня позвала: — Не бойся, не соврал. Его нет на аватарке, и «семейное положение» у нее не заполнено.

С души словно груз свалился — а я ведь не волновалась.

— Зато станешь мачехой. У него есть ребенок — это на случай, если он с тобой важной новостью не поделился. — Она вышла со странички, довольная проделанной работой.

— Да ладно, мы всего на одно свидание сходи-

ли! Я та еще распутница.

Худа фыркнула, забрала у меня свой стакан и от души глотнула джин-тоника.

— Да уж, ты не любишь рутину. Пожалуй, разведенный тебе как раз подойдет. Созрел для серьезных отношений. Будет уважать твою карьеру. Поймет, что вряд ли будет видеться с тобой каждый день.

Мои губы расплылись в улыбке — джин-тоник ударил в голову. Я всегда уважала Худу, восхищалась ею, но временами совершенно забывала о ее положении, не задумывалась даже, что она знает об очень личных тонкостях, которые обычно известны лишь друзьям. Пожалуй, кое-кто назвал бы такую дружбу неправильной. Плевать. Худа была моей начальницей, верно. А еще — лучшей подругой.

— Ты ведь ему не ответила, угадала? — Она лукаво мне улыбнулась, подъехала к моему столу, вытащила зарядку из телефона и ввела пароль. Пока я добралась до нее, она залезла в мой список контактов. — Ты даже номер его не сохранила? Жестоко. — Худа протянула мне телефон. — Считай, повезло. Если бы нашла его номер, ответила бы вместо тебя.

— Не сомневаюсь, — проворчала я, зашла в со-

общения, нажала несколько клавиш и положила телефон обратно. — Ты выиграла. Я ему ответила, согласилась пойти на выставку Марка Райдена.

Худа опять взвизгнула.

— Чую, он твоя судьба!

Я как-то вскользь бросила Тому, что до смерти хочу попасть на выставку Марка Райдена в галерее Пола Касмина. Мы с Худой одним субботним вечером пытались, но там было столько народу — мы не успели даже взглянуть на картину, как нас оттеснила толпа туристов, засверкали вспышки камер, пронзительно зашумели голоса.

Я это сказала мимоходом, когда он спросил, кто мой любимый современный художник. Даже пошутила, будто предаю свой пол, раз вместо художницы выбираю Райдена. Он что-то ответил, а потом мы перешли к другой теме, и я позабыла о разговоре, пока на столе не появилось приглашение на частную выставку.

Мы собирались выпить немного перед выставкой, и, к собственному удивлению, часы между работой и встречей в восемь вечера я провела в лихорадочных попытках привести в порядок волосы и одеться получше. Стояла перед зеркалом в спальне, примеряла и отбрасывала в сторону платья, джинсы, юбки, ботинки, туфли, модные

кроссовки. Словно вернулась в седьмой класс и собиралась на танцы — еще до того, как стала популярной и уважаемой.

В итоге выбрала черную юбку из переработанной экокожи (из последней коллекции нашего бренда), ботильоны и черно-белую винтажную блузку из шелка, в горошек. Я заставила Куина меня сфотографировать — снимки вышли красивые, со вкусом: зеркало отражает множество версий меня, губы алеют на бледном лице, кофейного оттенка волосы ниспадают ниже плеч. Уверенная в себе девушка. Открыла «Инстаграм», чтобы выложить фото.

Худа просила нас почаще светиться в «Инстаграме». Предпочитала традиционные для инфлюэнсеров фото — за обедом, у бассейна, на улицах Вест-Виллидж. Я предпочитала побольше загадочности, пейзажей, красивой архитектуры — и поменьше себя. Но этот пост ей точно понравился бы. Она всегда говорила: «Ты излучаешь уверенность. Почаще выкладывай свои фото в соцсетях. Бренду не повредит, это точно».

По пути в метро я проверяла лайки. Худа еще и профиль открыть заставила, поэтому многие «сердечки» были от начинающих инфлюэнсеров и людей, мечтающих о бесплатных подарках от

«Магдалины», а еще от мужчин, чьи просьбы о встрече в Будапеште и Тель-Авиве так и висели у меня в почтовом ящике.

Пока ждала поезд, поймала несколько мужских взглядов. Как и большинство женщин, я привыкла к ним с подростковых лет. Но, в отличие от большинства женщин, я чуть раньше осознала свою власть и научилась ей пользоваться. Я знала, что симпатична, даже красива. С детства слышала это от продавщиц в бутиках и родственников на семейных праздниках. А позднее — от мужчин постарше, когда они выпивали лишнего. Благодаря этому знанию я и поднялась так высоко по маленькой социальной лесенке старшей школы — типичная звезда-старшеклассница, которой суждено потерять славу, сокрушительно рухнуть с вершины. Только этого не случилось. Пока.

Об этом я и думала, пока поезд двигался на север, вез меня к мужчине на десять лет старше, который явно использовал богатство и связи, чтобы меня очаровать. Я больше ни с кем из Уэстчестера не общалась. Позабыла их, как только переехала в Нью-Йорк. Они знали Веру из Пригорода — я сбросила эту личину, когда превратилась в Городскую Веру. Хотя на кое-каких старых знакомых подписалась в «Инстаграме».

Жили они спокойно и размеренно. Большинство работали в финансах или вышли замуж за мужчин, работающих в финансах, и жизни их были менее интересны, чем моя, однако странным образом с ней сходны. Что бы они подумали о двадцатисемилетней Вере, которая становилась все сильнее и влиятельнее?

Куин подшучивал над моей популярностью в старшей школе. Среди его университетских друзей я одна была такая, и в первые годы нашей дружбы он представлял меня: «Вера, дважды королева бала». Я настаивала, что управляла своими подданными из Уэстчестера великодушно, но это неправда. Откровенной задирой меня бы никто не назвал, однако я определенно исключала некоторых из своего круга, использовала свою власть, чтобы пробиться наверх. И спрашивала себя: почему? Для чего? Неужто я очередная дочь нарциссической матери, которая всю злость и грусть вымещает на более податливых ровесниках? Ведь это клише, о таком рассказывают в поучительных передачах для подростков… Хотелось верить, что я устроена посложнее. Поэтому я задвинула эту мысль в дальний уголок сознания.

На сей раз Том пришел первым, в очередной голубой рубашке, подчеркивающей синеву глаз.

Я заметила его с улицы, а он меня — нет: сидел в уголке тускло освещенного ресторана, и на столе перед ним уже остывала бутылка шампанского. Я глубоко вздохнула перед тем, как войти, и еще немного за ним понаблюдала. Он не смотрел в телефон, не бросал взглядов на часы. Сосредоточенно смотрел куда-то вдаль.

Наконец я вошла, и он тотчас разглядел меня среди посетителей. Встал, когда добралась до столика, и крепко обнял — захочешь вырваться, а не сможешь.

— Рад тебя видеть, — сказал он с улыбкой, когда мы сели.

Я отпила шампанского и улыбнулась в ответ. Забавно было снова видеть его лицо — я уже его видела, даже касалась, но в воспоминаниях оно успело превратиться в зыбкий мираж. Теперь оно смотрелось необычнее, менее пропорциональным. Кончик носа чуть несимметричен, верхняя губа пухлее нижней. Под левым ухом — порез от бритвы.

— Жду не дождусь выставки. Никогда прежде не слышал о Райдене, — признался Том, тоже отпив из бокала. — Но я посмотрел его картины в интернете. Чудаковатые слегка, согласна? Вот уж не думал, что ты поклонница странноватого

нео-сюрреализма.

Я моргнула: от пузырьков шампанского заслезились глаза.

— Снисходительные слова, не находишь? — Глянула на него над ободком бокала.

Он поморщился.

— Нет-нет, я правда хочу на выставку! Просто… ты полна сюрпризов, Вера. Вот что я хотел сказать.

Мы продолжили пить и решали, надо ли заказать еду. Я спросила, как прошла рабочая неделя, он что-то ответил — я особо не вслушивалась. Он спросил о моей, и я отделалась общими словами. Бутылка шампанского опустела. Поесть мы так и не взяли; я второй раз оказалась слегка навеселе перед мужчиной, которого едва знала, и даже определить не могла, нравится он мне или нет.

— Кстати, красиво ушла прошлой ночью. Я прямо студенческие деньки вспомнил. — Том вылил в мой бокал остатки шампанского; я проследила взглядом за последней капелькой. — Я тебя искал. Бродил по коридорам с твоим именем на устах… Очень готично, прямо викторианский роман. «Вера» — подходящее имя для старого бруклинского дома, красиво отзывается эхом.

Я невольно улыбнулась.

— Да, извини. Не умею себя правильно вести наутро, понимаешь? — Подошел официант с чеком, и Том положил свою карту «Американ экспресс» в счетницу. — Неловко просыпаться с человеком, которого едва знаешь. Зубы не чищены, кровать чужая — ну, или диван. Оба трезвые. Веселье кончилось, позабылось в утренних заботах и тревогах. Многовато сложностей ради человека, с которым знакома несколько часов. — Я проследила взглядом, как удаляется официант.

— А если бы знала меня дольше? Тогда бы осталась? — Он окинул меня испытующим взглядом; на столь искренний вопрос тянуло ответить остротой, но я сдержалась.

— А тебе это важно? — кокетливо спросила я.

Он положил руку на стол, подвинул к моей; кутикула у него была ухоженной, а ногти — чистыми, будто даже накрашенными прозрачным лаком.

— Очень.

Я смешалась, положила руку обратно на колено, отвела взгляд от его пронзительного взора.

— Немного странный вопрос для второго свидания.

Том откинулся в кресле, не сдвинув руки.

— Знаю. Но мне под сорок. Не собираюсь играть

в игры. Извини за прямолинейность. Извини, если повел себя неуместно. Сама понимаешь, я давно ни с кем не встречался.

Судя по тону, он говорил искренне. Опустил взгляд к полу, смущенно потер шею. Это меня и подкупило, потому я и протопала пальцами по столику и взяла Тома за руку. Из-за его застенчивости. Для меня нет ничего приятнее власти. Конечно, он еще был красив и богат. И все же главное — неловок. Слишком старателен. А таким можно вертеть, как вздумается. Я привыкла к наглости и самодовольству большинства мужчин, особенно тех, кто старше. К их упорному нежеланию признать свои недостатки, свою уязвимость.

А он все делал в точности наоборот. Этим и зацепил.

Из ресторана мы вышли рука об руку и метнулись к галерее за углом, спасаясь от туманной завесы дождя. Романтичная получилась сцена. В искусственном свете, льющемся из окон галереи, я почти не замечала недостатков в чертах Тома. Его лицо как по волшебству вновь стало симметричным, изящным, приятным, и на коже мерцали капельки дождя.

Глава 10

Сейчас

На следующее утро я просыпаюсь с жаждой и пересохшим ртом; на подоконнике стоит липкий бокал, точно укор моей праздности. Я почти не пила со дня приезда, поэтому легко пьянею. Видимо, одного-двух бокалов теперь достаточно.

В доме тихо, как прошлой ночью, и я с надеждой гадаю, ушла мама к своему новому кавалеру или нет. Судя по свету за окном, уже заполдень. Я сквозь сон даже не услышала, как она гудит блендером и собирается. Не хочу тащиться вниз за кофе. Руки вновь тянутся к телефону, пусть вчерашнее занятие и отзывалось в сердце болью, и я мучительно сомневалась в причинах своей одержимости. Начался новый день, и он побуждает меня отбросить эти чувства, не дает заняться самобичеванием и задумываться о причинах моего извращенного любопытства.

Открываю ноутбук, и рука ноет — я всю ночь держала телефон.

Зима. Одилия выкладывает уютные фото снега, что загадочным покрывалом лежит на ветвях

деревьев и дорогах. Выкладывает фото сидра со специями, и на заднем фоне виднеется размытое лицо — судя по описанию, соседки, но она не отмечена.

Одилия покупает новый мобильник, «iPhone 4S». Она снимает его на фотоаппарат. И у меня был такой телефон, к большой зависти одноклассников.

Одилия постит свое фото за стойкой регистратора — ее лицо выглядывает из-за стола, по-прежнему украшенного гирляндами и венками, хотя Рождество давно позади. Я гуглю компанию, указанную в хештеге. Стоматологическая клиника. На сайте сотрудники сияют ровными, белозубыми улыбками, в адресе указан Вайнек. Интересно, заслужила ли клиника свой рейтинг в четыре с половиной звезды? После этого поста Одилия ее не упоминает. Любопытно, долго ли она там работала?

Фото с выходных. Дурашливые снимки из приложения «Фотобудка» от «Эппл». Продолжаю листать. Одилия еще прежняя — круглое лицо, стрижка-каскад, тонкие брови. На лодыжке появляется татуировка-бабочка.

Одилия становится платиновой блондинкой. Потом красит кончики в розовый. А потом, столь

же внезапно, возвращается к каштановому.

Кто-то заводит собаку, чихуахуа по имени Печенюшка, и Одилия с ней фотографируется. Несколько постов спустя спрашивает, не хочет ли кто-нибудь забрать Печенюшку у прежнего хозяина, и глаза собачки на фото печально блестят.

Опять еда, пейзажи. Пляж на закате, лодка на воде, пустые центральные улицы Вайнека перед наплывом отдыхающих — город словно хочет напоследок спокойно вздохнуть.

Начинается лето, и она уже узнаваема. Перемена столь внезапна, что я проверяю дату — неужели пропустила ненароком предыдущие фото? Одилия стоит одна на пляже, ее лицо снято крупным планом, зубы сияют белизной. Море неспокойное, хотя небо ясное.

В глаза бросаются растянутые в улыбке губы. Пухлые, розовые, сочные. Без уколов явно не обошлось. На лице макияж, нос очерчен изящнее, но больше похоже на контуринг, чем на результат пластики. Форма напоминает ту, что была перед смертью, хотя отличия есть. Видимо, потом она делала еще операции, поправила кончик.

Брови стали гуще, круглые глаза — выразительнее. Может, подтянула уголок, чтобы добиться «лисьих глазок», а может, они от природы такие.

Тени искусно подчеркивают разрез.

Изменилось еще многое. Лицо свежее, сияющее. Исчезла неровная черная подводка с предыдущих фотографий. Несколько прядей осветлены, волосы подстрижены в строгий боб до плеч.

Тело стало костистым. Исчезли мягкость и округлость бедер, лица. Руки худые, длинные пурпурные ногти нелепо смотрятся на тоненьких пальцах.

Одилия еще очень молода, лет девятнадцать-двадцать. Ужасно это, очень печально, что она полностью перекроила лицо и фигуру. Пластику и новый образ еще можно понять, но ее бедное тело стало угловатым, кожа да кости — а раньше были формы.

Зато она похожа на саму себя. Если, конечно, настоящая она — это лицо с обложки «Пост», из вечерних новостей, из публикаций в «Твиттере», где сравнивают наши фото. Будто ждут, что я взгляну на всеми любимое отфотошопленное лицо и сознаюсь в злодействе, которого не совершала!

Несмотря на широкую улыбку, в ее глазах пустота. Напоминает женщин из моего родного города — они отказались от карьеры ради детей и мучались, а смысл жизни находили в родитель-

ских собраниях, конкурсах на лучшую выпечку и церковных службах. Кажется, цель жизни Одилии, само ее направление, разом изменились.

Как? И когда?

Резко хлопает входная дверь, я от неожиданности подскакиваю, и ноутбук с грохотом падает на пол. Быстренько проверяю, все ли нормально с экраном, и уменьшаю окошко «Инстаграма», пока мама не зашла. Ни дать ни взять школьница.

— Уже почти четыре, Вера! Все лежишь?

Морщусь от визгливых ноток в ее голосе. Теперь он всегда певучий, как у йога, но если мать его повышает, значит, день у нее прошел плохо, и сидящая внутри недовольная стерва выпускает когти.

— Что такое? — равнодушно спрашиваю я, пропустив ее осуждение мимо ушей.

Она стоит на пороге, одетая в куртку, волосы у нее собраны в затейливый пучок, который подошел бы женщине лет на двадцать-тридцать моложе.

— Угадай, кого встретила на фермерском рынке? — Ноги под одеялом аж сводит от ее тона. Разумеется, времени на отгадку нет: — Кэндис Робертс. Помнишь ее?

Вообще-то нет, но я молчу — что ни ответь, все

равно заболтает.

— Вы с ней вместе учились в старшей школе. Из-за нее случился весь сыр-бор на родительском собрании, помнишь? — Она скрещивает руки на груди, а я опять морщусь от болезненного укола.

Кэндис Робертс… Кэндис Робертс! Мы с ней дружили недели три в наш первый год в старшей школе. Она только-только переехала в Уэстчестер из какого-то малоизвестного южного городишки. Хотя скорее всего, малоизвестного только для меня — наверняка она родом из Атланты или другого популярного места.

Мы с подругами пригласили ее на ночевку, которую устраивали в начале каждого года. А потом через две недели у Кэндис начались месячные, а она не знала, где кабинет школьной медсестры. Ходила с куском туалетной бумаги в трусах, а он возьми и выскочи на физкультуре — полный позор. Конечно, мы не стали бы приглашать на вечеринку новенькую, которая при всех устроила кровавое шоу. Мы ей сказали, что ночевка отменяется.

Кто-то выложил фотографии с вечеринки на «Фейсбуке». На одном снимке моя подруга Эшли разлила красный лак для ногтей по пижамным штанам. А я придумала жуть какой остроумный

комментарий: «Ха-ха! Эш, ты прямо Кэндис Робертс. Ее не приглашали, а все равно умудрилась засветиться!» Ну и пошло-поехало: комментарий стал известным на всю школу, и Кэндис по коридору спокойно пройти не могла без напоминаний о своей оплошности.

Мать Кэндис наорала на мою по телефону, называла нас с подругами змеюками малолетними, обещала позвонить руководству школы и сообщить, как мы травим ее дочь. Разумеется, всеобщей любви это ей не добавило. Вскоре о ней все позабыли, особенно я — на целых четырнадцать лет.

А вот мама затаила обиду из-за того случая. Ее подвинули в родительском комитете — вместо председательницы она стала кем-то вроде секретарши, вела записи. Вот где, на ее взгляд, была истинная трагедия. Да она и сейчас так думает.

— В общем, Кэндис с мужем купили дом неподалеку. Приезжают сюда на отдых. Живут в Верхнем Ист-Сайде. Муж у нее юрист. Она прямо расцвела. Ну, а про тебя ей и спрашивать не пришлось. И так все известно. Она даже не притворялась. — Мама морщится. — Подходит ко мне и говорит: «Должно быть, ужасно волнуетесь за Веру? Такую прекрасную работу потерять! Да

уж, не представляю себе! А родня той бедной женщины? Очень жалко. Нелегко вам, наверное. Мы с Джеймсом познакомились в колледже, не пришлось сидеть в этих жутких приложениях. Слава богу! Сами видите, какие там попадаются типы». — Мама наконец умолкает, покачав головой. Я застыла, даже не дышу в ожидании следующего укола: — Знаешь, Вера, слишком долго ты у меня прячешься. Пора встать на ноги, разобраться во всем этом безобразии. Между прочим, ты его сама себе устроила — следовало быть повнимательнее. Тебе уже двадцать восемь, господи боже! Нет, что ни говори, а мы в своей жизни сами раскладываем карты, и ты здорово сплоховала. Если не заметила, от твоей глупости и другие страдают! — Она переводит дыхание и добавляет: — Думаешь, мне легко смотреть, как у других дочери выходят замуж и заводят детей? Строят свою жизнь? Стыд-то какой! Нет, с твоими братьями было куда легче!

Она распахивает дверь и сердито топает вниз.

Не даю себе задуматься о чувствах, проигрывать мамины слова в голове. Сразу пишу Куину:

Выгоняй Хамано. Я возвращаюсь домой.

Глава 11

Год назад

Без прежней толпы выставка Марка Райдена прошла великолепно. Я часами восхищалась каждой филигранной деталью, разглядывала каждый крохотный мазок кистью. Вопреки моим опасениям, Том не следовал за мной по пятам. Бродил по залу сам по себе, смотрел интересные ему работы. Не так долго и внимательно, как я, разумеется, но его ненавязчивость мне пришлась по душе.

Когда я обошла зал два-три раза, он подошел ко мне.

— Жутковатые. Я, похоже, прочувствовал их очарование. Но повесить у себя дома не хотел бы.

Я кивнула.

— В этом и суть, что жутковатые. Хотя понимаю, о чем ты. Я бы тоже не хотела смотреть на них ночью в спальне. Эти головы-шары не для всех. — Я отправилась к «Аллегории четырех стихий», только на сей раз обернулась на Тома, призывая его к себе. Он встал у меня за спиной и

наблюдал, как я рассматриваю картину.

— Будь у тебя возможность, какую бы ты купила — не в спальню, конечно? — спросил он полушепотом, обжигая мое ухо горячим дыханием.

Я стояла неподвижно, ощущала близость его тела, мечтала то ли взять его за руку, то ли оттолкнуть. То ли отодвинуться, то ли прижаться.

— У меня в ванной висит репродукция «Чаепития Розы». Это у нас с соседом такая шутка. Он эту картину терпеть не может, а видит ее первым делом, когда из выходит из душа. Однако любимая у меня другая. — Разворачиваюсь к северной части галереи и веду Тома к картине, на которую взглянула только раз: оставила лучшее напоследок, чтобы насладиться перед неизбежным уходом. — Вот. Будь у меня возможность, купила бы.

Он встал ко мне вплотную и наклонил голову вбок — пытался взглянуть на картину с моего места. Мы молча ее разглядывали. «Пузырьки Софии».

— Ясно, — наконец ответил Том, положил руки в карманы и чуть откинул голову назад, разглядывая картину.

— Хочешь для меня купить? — На сей раз я наблюдала, как он взглядом изучает работу.

Том прыснул.

— Обещать не буду. Но если ты больше всего на свете мечтаешь коснуться этой картины, я смог бы все устроить.

Я усмехнулась от такой напыщенной речи.

— Лучше скажи, чего ты *не* можешь.

Он отошел от картины, чтобы мне стоялось посвободнее, и окинул меня взглядом.

— Судя по всему, уговорить тебя остаться до утра.

Я вновь взяла его за руку и прошептала:

— Так давай вернемся и посмотрим, останусь или нет.

Мое дыхание щекотало ему мочку уха, его охватила дрожь. Мы вышли, сели в такси и поехали обратно в Бруклин-Хайтс.

Меня подпитывала ранимость человека — человека из тех, кто вообще редко показывает чувства, не говоря уж об искреннем интересе. Я вела игру, потому что не умела поступать иначе. И всегда верила: в способности быть на шаг впереди и заключается превосходство одного человека над другим. Но тогда мне впервые довелось понять, как это приятно — знать о чувствах к тебе и пользоваться своим преимуществом, как вздумается.

Я осталась на ночь. Когда мы приехали, Том

сделал нам мартини, оливки брал прямо зубочисткой из банки. Мы устроились в садике с качелями, казавшемся в свете луны пустынным и заброшенным. Том еще немного рассказал о детстве. Он вырос в Коннектикуте, его семья принадлежала к среднему классу. Мама была ассистентом врача, отец работал в страховой компании. Том считал, что его обделили, отодвинули в сторону, ведь он не поступил в престижную школу, где учился брат. И не только поэтому, а вообще, в целом. Он подозревал, что у него слабая форма дислексии, просто официального диагноза не поставили. Ни в школе, ни в университете он популярности не добился. Все изменилось, когда он начал работать, попал в сферу финансов. А когда открыл собственную компанию, стал увереннее, научился себя держать, хотя прежде об этом и не мечтал.

— Тебе открылась возможность разрушить мир, вот почему. У тебя появилась власть, — спокойно объяснила я.

Том умолк, обдумал эту мысль.

— Пожалуй, ты права.

Я зубочисткой взяла оливку из его пустого бокала и положила себе на язык.

— Я всегда права.

Том наклонился и коснулся моих губ нежно, едва уловимо — не поцелуй, а мираж. Тогда я притянула его к себе, прижалась покрепче, и мы стукнулись зубами. А потом поднялись наверх — не на второй этаж, а на третий, в большую спальню. Я уголком глаза заметила туалетный столик, ширму в углу, расписанную изображениями купальщиц; мелькнула мысль: а ведь это владения его бывшей жены! Ее присутствие ощущалось в ящиках и шкафах — еще совсем недавно она жила там.

Я отбросила эту мысль и наслаждалась качественной тканью простыни, видела только свет сквозь закрытые глаза, чувствовала только нежные прикосновения Тома, его дыхание на своей коже. Никогда не встречала мужчины, который бы так любил поцелуи.

И я осталась. А в конце, когда он повернулся ко мне лицом и предложил поспать, я согласилась. Лежалось очень удобно. Мне было легко. Он прижал меня к себе, а когда уснул, постепенно ослабил хватку. Я разглядывала очертания мебели в темной комнате, покуда не одолел сон.

На следующее утро я проснулась одна, свет заливал одеяло, подушки и мое тело. Я следила взглядом, как тени скользят по голому животу,

потом сбросила одеяло, и волоски тотчас стали дыбом от прохлады. Мне нравилась эта минутка уединения. Я и не задумывалась, куда делся Том, из ванной тоже не доносилось звуков.

В дневном свете дизайн комнаты оказался еще более изысканным, более продуманным. Изголовье кровати было обтянуто темно-зеленым бархатом, узорчатая резьба на столбиках поднималась кверху, как побеги плюща. Стены выкрашены в ослепительно-белый, неудобный — невозможно жить среди такой чистоты, не запачкав ее. Скорее всего, к Тому каждый день приходил персонал — убрать пятна и подкрасить, если потребуется.

Ковер из ангорской шерсти не уступал по белизне стенам. Приятно было стоять на нем голыми ногами, чувствовать ворсинки между пальцев. Кататься бы по нему и кататься, думала я, или завернуться в него, точно в шаль.

Из мебели еще оставались ширма и туалетный столик, которые я заметила прошлой ночью. Столик был огромный, с трельяжем и уймой кисточек, расставленных по высоте и типу в разных баночках и футлярах. На кленовом столе посверкивал хрустальный флакон для духов, фиолетовый. Я брызнула капельку на запястье,

вдохнула аромат лаванды. Выдвинула ящик и обнаружила помады всех оттенков красного, от ярко-алого до темного.

Тихонько задвинула ящик, и вдруг мне ужасно захотелось заглянуть в шкафы на другом конце комнаты — так и манили большие бронзовые ручки, украшенные резьбой, как столбики кровати. Впрочем, лезть в чужой шкаф совсем уж наглость. Я предпочла не узнавать, что носит жена Тома, какой у нее стиль. Я ведь уже спала в ее постели, под ее одеялом.

Я вышла из комнаты и открыла дверь по правую сторону.

Там оказалась спальня его дочери, выкрашенная в сногсшибательный серебристый цвет, и все полки и ящики были забиты игрушками. В комнате царила безупречная чистота, как и в большой спальне, на плетеном ковре с овечками не торчал ворс, не виднелось пятен, обычных для любой детской. Над кроваткой висели разноцветные металлические звездочки, похожие на скульптуры Дороти Гиллеспи, только не такие колючие. Я нерешительно коснулась одной звездочки, и она, покачиваясь, поймала солнечный луч.

И вдруг на поясницу легла рука. Я повернулась к Тому и вспомнила: я ведь так и осталась в белье.

А он стоял в дорогой с виду футболке и джинсах по фигуре; на подбородке виднелся порез от бритвы, а в руке он держал промасленный бумажный пакет.

— Я уж подумал, ты ушла, — признался Том, целуя меня в лоб, — и ничего у меня не вышло.

— Я осматривала дом. Не заметила, как ты вышел.

Он потряс пакетом, и до меня донесся запах бекона.

— Завтрак. Ты так крепко спала…

Я последовала за ним в большую спальню, мы забрались обратно в постель и вскоре позабыли о завтраке. Остаток утра тянулся неспешно, дразняще, приятно.

Я тогда и не подумала, что уставленный косметикой столик — дурной знак. Что ребенок, который якобы жил с матерью, забрал бы игрушки с собой. Жизненный опыт и осторожность умолкли. Я получила, что хотела, и ни о чем не думала.

Глава 12

Сейчас

Хамано даем неделю на сборы.

Мы с ней обошлись мягко. Даже помогаем подыскать новую квартиру. Она с самого начала знала, что я в любое время могу вернуться, мне себя винить не в чем.

Мама до того мечтает от меня избавиться, что подбрасывает сумму, которой с лихвой хватит на съем. Между прочим, по своей воле. Мы после той вспышки вообще не разговариваем. Проверяю на следующий день банковский счет, а там от нее перевод.

Пока Хамано съезжает, я собираюсь. Компьютера избегаю, разве что вакансии смотрю. Забираю вещи, которые давным-давно следовало выбросить: старую одежду, книги и журналы, радость моего детства — мама хранит их на чердаке. Не хочу сюда возвращаться. Не хочу больше с ней видеться.

Я заказываю продукты и готовлю филе-миньон на ее веганской кухне, отказываюсь даже проветрить. Жарю яйца, оставляю на столе огромные

головки сыра бри. Когда она зажигает ароматические палочки, нарочито кашляю. Когда разбрызгивает эфирные масла, открываю окно. Когда занимается йогой, врубаю яростный рок-н-ролл конца двухтысячных, совсем не похожий на бодрый поп, который на самом деле я слушала в то время. Настоящий подростковый бунт — я даже танцую на радостях, как не танцевала уже много месяцев.

Она будто не замечает, не корит меня. Шаги по лестнице хорошо слышно, поэтому избегать друг друга легко. К долгожданному отъезду мы становимся точно два мыльных пузыря — не соприкасаемся, а то лопнем.

Никогда с ней так не ссорилась. Даже подростком я не умела играть в молчанку. Просто ее слова, ее болезненные уколы меня обидели куда больше, чем те же обвинения в череде газетенок. В конце концов, она моя мать. Набросилась на меня, когда я только-только решила докопаться до правды.

Пишу братьям в Чикаго и Лондон. Мы мало общаемся. Конечно, после того случая они со мной связались, особенно если учесть, что в «Твиттере» угрожали их детям, но все ограничилось вопросом: «Как ты?»

Поостынет и извинится, — отвечает мой старший брат Оливер, живущий в Лондоне с женой-британкой и детьми-близнецами. Тео, почти десять лет живущий со своей девушкой, более прямолинеен: *Она долбанутая. И всегда такой была. Не принимай близко к сердцу. Знаю-знаю, легко сказать. Шэрон с ней год не разговаривает — обиделась, когда она на всю комнату стала жаловаться, что у нас нет детей. Держись. Если хочешь, поживи немного у нас.*

Я чуть было не соглашаюсь. Однако уезжать из Нью-Йорка не хочется, даже после случившегося. Рано еще.

Однажды вечером звоню отцу в Сиэтл. Странно, что он туда переехал. Не замечала в нем особой любви к этой части Северо-Запада, а он взял и поселился там. Впрочем, он вышел на пенсию, а после истории с мамой и Майком хотел, наверное, начать с чистого листа. Говорит, ему нравится Сиэтл: есть в этом городе спокойствие, какого не найдешь в Нью-Йорке. И воздух свежий. Он легко завел друзей. Ходил на свидания. Я за него рада, пусть иногда и больно, что он так далеко.

Отец всегда был человеком сдержанным, даже слишком. Спокойным, мягким, любящим, только слегка отстраненным. Он вторит Тео и предлагает

пожить у него, но я и тут отказываю.

— Думаю, твоей матери одиноко. Дети живут отдельной жизнью. Мальчики далеко. Ты же знаешь, какая она. Сначала хочет чего-то, а потом быстро устает. Встретила тебя с распростертыми объятиями, а потом устала тебя поддерживать. Дело не в тебе, солнышко. Такой у нее характер. Подожди еще, извинится. Наверняка ей уже стыдно после ссоры, но она слишком гордая. Ну а ты? Как у тебя дела? — осторожно спрашивает он.

Папа отнесся к моим трудностям с большим тактом, ни о чем в открытую не спрашивал, избегал упоминаний об этом кошмаре. По счастью, интернет-тролли особо его не трогали — он почти не сидит в интернете, его данные раздобыть нелегко.

— Все хорошо, пап. Все хорошо.

Он вновь долго молчит, явно подыскивая слова.

— Ты ни в чем не виновата, Виви, поняла? Еще оклемаешься, обязательно. Жизнь пойдет своим чередом. Через годик все забудут. Ты всегда была решительная, целеустремленная. Я за тебя даже не волнуюсь. Поверь, все образуется, только сосредоточься на цели.

Мы прощаемся, и я дальше собираю вещи, об-

думывая папины слова. Как, интересно, я должна сосредоточиться на другой цели, когда у меня столько свободного времени? Сиди себе, размышляй… Со вздохом запихиваю одежду в пустую спортивную сумку, которую нашла в глубине шкафа.

День-два я честно не заходила в «Инстаграм» Одилии. Вместо этого сидела на «Линкдин», рассылала резюме компаниям из своей сферы. Не возражала против снижения зарплаты. И на понижение в должности согласилась бы, только бы вернуться к работе. Увы, тишина.

Похоже, Худа теперь не последний человек в индустрии. Ее компания заметно выросла, поэтому неудивительно, что никто не зовет меня на собеседование — не хотят нажить врага. И конечно, мое имя тоже все портит. К тому же «Магдалина» из-за меня потеряла инвесторов, это все знают. Что бы там папа ни говорил, если твое имя связано с интернет-статьями об ужасном преступлении, богатый опыт не поможет.

Отказ за отказом. Снова тянет полистать «Инстаграм» Одилии. Что же случилось с ее лицом, почему ее внешность внезапно изменилась? Эти вопросы не дают покоя. Я столько всего не знаю о женщине, с которой я неразрывно связана, с

которой никогда не встречалась.

Поэтому когда все вещи собраны и чемоданы стоят у двери, я не сразу ложусь спать. Приношу бутылку вина, бокал, открываю ноутбук, перед тем выключив свет, — теперь он исходит только от экрана «макбука».

Вкладка до сих пор открыта на том же фото, где у Одилии контуринг на носу и тонкие, птичьи косточки. Наверное, нет смысла искать какой-нибудь знак, пропущенную деталь на фото или комментарий, но любопытство берет верх. Листаю на несколько постов назад, увеличиваю фото и разглядываю их куда медленнее, чем прежде. А еще внимательнее читаю комментарии.

И вдруг вижу кое-что под обработанным снимком пляжа. Пропущенный комментарий от женщины по имени Тельма Кей. «Классно посидели за коктейльчиками, поболтали. Жду след. раза». Открываю профиль; в «биографии» пусто, на аватарке — просто женский силуэт. Аккаунт закрытый.

Возвращаюсь в профиль Одилии, листаю до первого фото, где у нее новое лицо. Лайков и комментариев там меньше, чем на предыдущих. Меньше восхищенных друзей выражают свою любовь.

Уже очень, очень поздно. А мне надо пораньше сбежать отсюда. Закрываю ноутбук, погружая комнату во тьму, и ложусь под мамино одеяло — надеюсь, в последний раз.

Глава 13

Год назад

Куин отметил, как я сияю, когда вечером вернулась со свидания.

— Я сделал тебе тост на завтрак, а твоя кровать пустая!

Он сидел перед телевизором с тайской лапшой на коленях.

Мы с Томом провалялись в постели, пока я опять не уснула, а когда проснулась, через огромные окна уже просачивался сумрак. Том читал, подложив под спину подушку.

— Давненько я так долго не валялся в кровати. — Он чмокнул меня, пока я разминала руки-ноги. — Но мне понравилось.

— Я тоже так редко делаю. Но мне тоже понравилось. — Я лениво встала с кровати, начала одеваться.

Да, понравилось. Даже слишком. Выходит, я осталась до конца дня, спала в чужой постели… Неприятная мысль. Я объяснила: нужно помочь Худе, я слишком долго спала.

Том проводил меня вниз, снял куртку с крючка

у двери.

— До вторника? Сначала договоримся о третьем свидании, потом отпущу. А то знаю тебя, решишь улизнуть.

На миг его глаза холодно блеснули от непонятного чувства. Может, голода? Зверского, неутолимого. И чувство тотчас исчезло. На губах играла улыбка, взгляд потеплел.

— Так во вторник? — переспросил он, и я ответила — да, до вторника. И поспешила вниз по ступенькам.

По дороге домой я вновь и вновь вспоминала приятные минуты.

— Нравится он тебе? Ну, папик твой? — Куин намотал лапшу на палочку.

Я закатила глаза.

— Не будем его так называть.

— Да это же правда! Папик он и есть. Ты не увиливай. Нравится или нет?

Я со вздохом сняла обувь и поудобнее устроилась на диване рядом с Куином.

— День хорошо прошел. Том милый. Пока не умеет правильно себя вести на свиданиях. Странно как-то, хотя забавно. Нравится он мне или нет? Скажу после третьего свидания. Он потребовал встречи во вторник.

— Потребовал? — Куин приподнял бровь.

— Говорю тебе, у него мало опыта. Он ведь долго жил с женой. — Я скрестила ноги и потянулась за едой Куина, и он быстренько отодвинул руку.

— Какая ты снисходительная, надо же. Да еще с мужчиной! И все равно он не имеет права требовать встречи, когда ему вздумается.

— Да знаю! — проворчала я. — Просто это все немного трогательно, понимаешь? Он помнит, как мне нравится Райден, он мне открылся, показал уязвимую сторону. А я кайфую, когда мужчины мне показывают слабость.

Последние слова как-то сами вырвались. Впрочем, так и есть. Так всегда было. В прошлом я могла этой слабостью воспользоваться. Да и сейчас тоже.

Вторник выдался необыкновенно теплым, словно уже стояло лето. Я спускалась в метро в потной одежде, хлопковая футболка от «Магдалины» даже прилипла к спине. Длинные волосы я собрала в пучок на макушке. Худу я бросила на произвол судьбы, ей пришлось одной сидеть за ненавистным отчетом о расходах. Вообще-то, мне полагалось изучать каждую мелочь и планировать бюджет на месяц, но Худа меня отпустила.

— У тебя свидание, я помню. Сама обойдусь.

Утром все после меня поправишь.

Я согласилась и пообещала наутро прийти как можно раньше. Свидания ждала с волнением. Давненько такого не случалось, я обычно относилась к ним равнодушно, почти не думала о предстоящей встрече. Попыталась хладнокровно все взвесить, объяснить самой себе. Я много думала о Томе, хотя прежде меня занимали покупатели, выставки и мероприятия, список продуктов на неделю. А теперь я вспоминала его красивое лицо, мужественные черты, мысленно облагораживала его недостатки.

Он повел меня в «Селену», ресторан на воде у Бруклинского моста. Очевидно, закончить вечер нам предстояло у Тома. Я положила в сумочку зубную щетку. Хотела и сменную одежду взять, но передумала. Решила заглянуть домой перед работой. Если уж не выйдет, то переоденусь там же — в ящике стола вроде бы лежала одежда.

Я выбрала белое платьице с люверсами, в кукольном стиле и со слегка потрепанной окантовкой, придающей ему небрежный вид. Купила в благотворительном магазине в Верхнем Ист-Сайде. В платье я сама себе казалась юной и невинной, точно стала другим человеком. Щедро нанесла румяна, ярко-розовую помаду. Волосы

оставила узлом на затылке, надела крохотные серебряные серьги-кольца.

Жара отступила, и на улице стало очень красиво, небо переливалось оттенками оранжевого. Когда я добралась до Бруклин-Хайтс, солнце уже садилось, однако в небе еще играл розовый, отражался на водной глади.

Том выбрал столик на террасе с видом на заходящее солнце. Когда я подошла, он что-то сосредоточенно печатал, нахмурив брови. Даже не заметил меня. Я коснулась его плеча, села напротив. Он поднял голову и встретил меня растерянным взглядом, точно не ожидал увидеть.

— Вера! Я еще не заказал выпить. — Том перевел взгляд на официанта.

— Ничего, я способна сама заказать себе горячительного.

Я просмотрела винную карту и остановилась на мартини с водкой. Думала, Том хотя бы улыбнется, а он лишь постукивал пальцами по чехлу телефона. Выяснилось, что без вопросов с его стороны мне и сказать нечего.

— Не знаю, зачем выбрал террасу. Мы замерзнем, когда солнце сядет. Надо перебраться внутрь.

Подошел официант. Том попросил мартини с

водкой, даже не взглянув на винную карту.

— А мне нравится. Хочу остаться тут, — ответила я, отпив воды.

— Здесь слишком людно, слишком шумно. Мы прямо у парка сидим. — Он ущипнул себя за кончик носа, провел рукой по волосам.

— Погоди, тебе стыдно, что заметят со мной? — Я хотела его поддеть, пошутить. Не встречала еще человека, которому со мной было бы стыдно. Вообще-то, все было в точности до наоборот.

Том не сразу ответил улыбкой. В тот неприятный, подозрительный миг я испытала давно забытое чувство, вернее, смутный намек на него, и лишь когда Том вновь напустил на себя благожелательный вид, я поняла, что это. Неуверенность.

— Конечно нет. Ты сегодня очень красивая.

Честно говоря, я ждала другого ответа.

Подали мартини. Я махом опустошила свой бокал.

— Кого ты здесь увидел, Том? Боишься, что меня заметят? Почему?

Он отпил мартини, взглянул на меня, вздохнул.

— Не надо было заказывать здесь столик. Мы с бывшей часто сюда ходили. На годовщины, дни

рождения и все такое. Как бы она не заявилась. Или кто-нибудь из ее подружек.

Он впервые в открытую говорил о бывшей, и я вдруг поняла, что ничего о ней не знаю. Может, она еще живет в этом районе?

— Хотя какая разница, верно? — Он хохотнул, от души отпил мартини. Оливки напоминали глазные яблоки на дне банки с формальдегидом. — У нее есть друзья, понимаешь? Они все замечают. — Том вдруг протянул ко мне руку, сжал мои пальцы. — Ладно, забудем. Лучше буду думать о тебе.

Я не сжала его пальцы в ответ. Мой взгляд скользил по посетителям: я пыталась угадать, кто так взбудоражил Тома.

Остаток ужина прошел нормально, хотя не без скованности. В основном обсуждали работу, недавнее приобретение Тома, о котором говорили в новостях. Сухой получился разговор. Принесли стейки, и они тоже оказались сухими. Том на повышенных тонах велел официанту принести нам мяса посочнее. Мне стало неприятно, я опустила глаза в пол и подсунула под себя руки. После заката и правда похолодало.

Из ресторана ушли раздраженные. По дороге к набережной Том пытался взять меня за руку, но я

не позволила. Шагали молча, обходили собачников и бегунов. На клочках травы у набережной устраивали пикники, хотя дело шло к ночи. Во мне вдруг проснулась зависть: вот люди смеются с друзьями, обнимают собак, наливают вино в пластиковые стаканчики… Я редко мечтала о компании сверстников, но в этот раз отчаянно ее жаждала.

Тишину прервал звонок. Том поглядел на номер и со стоном убрал телефон в карман. Однако он не унимался, звонил и звонил, а Том почему-то не выключал звук. Я не выдержала, коснулась его локтя и сказала:

— Пожалуйста, возьми трубку, а то я с ума сойду.

И он отошел, оставив меня одну посреди дороги. Я даже толком не знала, куда мы идем. Просто хотела домой.

Тон разговора был ясен даже со стороны. Голос Тома сочился ядом, почти дымил от праведного гнева. Говорил он не так уж и громко; чувства выдавал язык тела: сжатый кулак, движения челюсти. Фонари набережной все достаточно осветили. Видимо, собеседник Тома не отпускал, и через десять минут я вышла из парка и проверяла по «Гугл картам», где ближайшая станция

метро.

Том окликнул меня возле Корт-стрит. Он бежал очень резво. Я подождала у входа в метро. Том даже духа не перевел, до того он был в хорошей форме.

— Извини, пожалуйста, Вера. Бывшая жена звонила. У Пенелопы насморк, вот она и просила вернуться домой, подсказать название детского лекарства. Не стоило мне брать трубку. Я же с тобой сидел. Поедем ко мне? Я все исправлю.

Я пощупала мочку. Оказывается, потеряла серьгу.

— Надеюсь, ей полегчает. Нет, я хочу домой.

И уже начала спускаться в метро, как Том схватил меня за руку.

— Ну что ты, Вера! Знаю, я облажался, зря взял трубку. Простишь меня? — Широко раскрытые глаза в свете станции сияли почти маниакальным блеском.

— Давно вы разошлись с женой? — сорвалось у меня с губ.

Том поднялся на ступеньку, но хватки не ослабил; рука у меня покраснела.

— Примерно год назад. Хотя мы и раньше делали перерывы в отношениях. — В свете фонаря заметен его порез от бритвы.

— Она не заслуживает такого обращения, тем более что сидит с твоим больным ребенком. — Я стряхнула его руку и пошла вниз по ступенькам.

Том последовал за мной, задевая носками туфель мои пятки.

— Вера, не надо так! Подумаешь, застала ссору. Ты не слышала ее слов!

У турникетов я резко повернулась к нему.

— Оставь меня в покое! Я хочу домой. У меня был тяжелый день.

Его лицо напряглось, губы скривились. Я отошла подальше, приложила карту к считывателю, толкнула створку и направилась к другому концу станции, еще чувствуя на руке призрачную хватку.

Я гадала, пойдет ли Том за мной. Но когда оглянулась, увидела только грязные стены да прохожего, который покупал транспортную карту за четвертаки. И со вздохом шагнула в вагон, оставляя события вечера за спиной.

Глава 14

Сейчас

Волосы Хамано разбросаны повсюду. На моем туалетном столике, в углах моей комнаты, даже в самых необычных местах вроде подоконника я нахожу шелковистые пучки. Собираю их пылесосом, раскладываю повсюду саше с шалфеем — в конце концов, я дочь своей матери. Куин вопит, чтобы открыла окно. Соседка снизу с ужасно громкой собакой на поводке, увидев меня, замирает, словно призрака встретила. Я обхожу ее, как шустрый дух, наваждение.

Скучала по своей квартире. По выходящему на солнечную сторону окну в гостиной, по одной сломанной конфорке. По уродливым светильникам и пыльным корешкам книг на огромной полке. Скучала по Куину, запаху его органического стирального порошка, привычке насвистывать в душе и всегда использовать подставку для кофейного столика, хотя он и так со специальным покрытием.

Хорошо вернуться домой. Правда, уже на следующий день мы собираемся в Вест-Виллидж на

церемонию — я просыпаюсь в поту и ловлю ртом воздух. Мне приснился Том. Он заявился на церемонию, подошел ко мне и поцеловал громко и смачно. А после сожрал меня без остатка, причем из мокрого жующего рта выпадали кусочки моей плоти. Мне было больно. Больно даже во сне, хотя это вроде бы невозможно. Пожалуй, я хотела страдать, как страдала *она*, когда ядовитые испарения погрузили ее в забытье, в мертвый сон.

Долго моюсь в душе, мажу кончики волос кондиционером, тупо глядя на воду, стекающую в слив, и представляю, как она окрашивается в алый от крови, *ее* крови. А потом и правда появляется кровь — месячные начались раньше, и я в который раз задумалась: а ведь тело Одилии застыло навеки, и сама она не научит Пенелопу, как относиться к своему отражению в зеркале.

Надеваю мешковатое скромное платье из крепа, бежевые туфли и свободное пальто кремового оттенка, которое болтается ниже лодыжек. Наношу только капельку макияжа — скрыть синеву под глазами. Волосы я давно обстригла, еще когда по новостям меня показывали с длинными. Теперь они до плеч, ломкие, кончики секутся — я добрых полгода не ходила на стрижку. Собираю их в пучок, гляжу в зеркало и отчаянно надеюсь,

что увиденное мне понравится. Всегда ведь нравилось.

Куин подходит ко мне в гостиной. Целует руку и внимательно оглядывает.

— Знаешь, я на тебя не давлю. Я же тебе сунул приглашение под нос, предложил пойти. Можем остаться, только скажи. Или уйти, чуть что не понравится. Сходим перекусить.

Делаю глубокий вдох, закрываю глаза и думаю о юной застенчивой Одилии с выщипанными без меры бровями. Я хочу пойти. Пойти, увидеть ее близких. Увидеть в ней живого человека, а не свою антагонистку, свою трагедию.

— Идем, — говорю я, и мы с Куином под руку спускаемся по лестнице.

Церемония проходит во дворе красивого многоэтажного дома на солнечной стороне. Кто же все организует? Наверное, друг или подруга. Интересно, он или она знает, что меня пригласили? Шагаю по выложенному мозаичной плиткой полу, не снимая солнцезащитных очков. Нас останавливает усатый охранник. Журналистам проход запрещен. Охранник просит выложить телефоны, проверяет, нет ли у нас камер и других устройств. Все в порядке, нас впускают.

Куин вновь берет меня за руку. Задерживаю

дыхание. Мы шагаем по коридору с зеркальными стенами, проходим мимо лифта. И наконец — наконец! — от двора нас отделяет только дверь с окошком. На миг я вижу лишь преломленный свет, калейдоскоп цветов, свитеров, растений; меня ослепляют солнечные лучи.

А потом мы выходим на улицу, на свежий воздух, садимся в самом конце, на последний ряд поставленных вплотную стульев.

Ко мне никто не приглядывается. Пока.

Впереди стоит микрофон, рядом два огромных снимка Одилии. Кто-то раздает программу церемонии. Куин берет листок, я — нет. К счастью, никто не может ко мне подсесть — мой стул последний в ряду. Зато рядом с Куином садится солидная пожилая пара. Наверняка с ним заговорят: он умеет располагать к себе всех старше шестидесяти лет.

— Хорошо, что церемонию решили устроить сейчас, — щебечет пожилая дама. — Теперь можно все провести как положено. А то эти стервятники так и норовили заглянуть. Ах да, я Пола Эдвардс. Это мой муж Хэнк. Мы из сто пятьдесят девятой квартиры, живем по соседству. Помню, как они въехали. С виду — счастливая пара…

Куин отвечает кивком, переплетает пальцы

с моими.

— Никогда ему не доверяла. У нас сады были рядом, и он вечно обманывал насчет какой-нибудь постройки. А вот девушка хорошая была. Да, хорошая. Бедняжка! Надо же, на нашей тихой улочке… Пока их дом не купили, но вот-вот схватят, это точно. Правда, там по юридической части не все гладко. Уверена, какие-то темные делишки замешаны. Ох и негодяй он был… — Она щелкает языком. — Кстати, а вы откуда их знаете?

Куину не приходится отвечать. К микрофону подходит высокая блондинка в бирюзовой тунике. Приветствует всех. Представляется Луизой Беннингтон. Благодарит некую Ширли за гостеприимство, за возможность провести церемонию здесь. Напоминает: мы сегодня чествуем жизнь, а не скорбим о смерти. Призывает сделать пожертвование в фонд борьбы с домашним насилием. Обещает апероль-спритц, любимый напиток Одилии, а еще легкие закуски после всех речей и выступлений.

Кружится голова. Меня обдает запахом лаванды, что растет в саду во дворе. А ведь я чувствовала этот аромат на ней — точнее, это ее аромат, а я его чувствовала. Когда сбрызнула запястья парфюмом с ее туалетного столика. Откуда взялась

такая наивность? Повсюду лежали ее вещи, а я без вопросов верила откровенной лжи Тома.

Закрываю глаза, изо всех сил сжимаю руку Куина. Внутри поднимается паника, холодная и темная, вот-вот просочится наружу. Не открываю глаз; тревога не дает мне встать, уйти, сдвинуться хоть на дюйм. Уловить хоть слово. Слышу только зловещий гул, грозящий разрушить мое сознание.

А потом…

Куин помогает мне подняться и ведет к краю двора. Все встают. Церемония окончена, а я умудрилась стереть ее из памяти.

— Ты как? — шепчет Куин.

— Плохо. Хочу уйти.

Не следовало мне приходить. Тут всюду аромат цветов и люди, люди, которые знали ее, любили… А я кто? Незваная гостья, предвестница тревог и ужасной боли. Что я натворила? Чего ожидала от церемонии? Мой приход и для меня вреден, и для других. Я могла принести этим людям лишь страдание.

Возвращаюсь в дом, в прохладный мраморный вестибюль, подальше от толп, и вдруг кто-то касается моего плеча. Куин защищает меня, пытается увести прочь. А я все равно откликаюсь по старой,

не изжившей еще привычке человека, который умеет себя вести на встречах и праздниках.

Обернувшись, я вижу Одилию, только на десять лет моложе, ее лицо проглядывает через неумелый макияж и безвкусно окрашенные волосы.

— Вера! Хотела поздороваться, пока ты не ушла. Очень рада тебя видеть. Для нас это много значит. — Она по-доброму улыбается, хотя глаза покраснели, а тушь и подводка размазаны от слез. — Я Пейдж, сестра Одилии.

Наверное, это она руководила церемонией. Ожидала, что я знаю, кто она такая. Пейдж, конечно, Пейдж. Младшая сестренка Одилии — она выкладывала в «Инстаграм» совместное фото. А теперь она превратилась в девушку чуть младше меня, пугающе похожую на Одилию — мне как будто призрак явился.

— Пейдж, — повторяю я, и девушка обнимает меня, долго и крепко. — Приятно познакомиться.

— Родители и вообще родственники очень хотят с тобой познакомиться. Может, задержишься на минутку?

Меня уводят обратно во двор, где семья Одилии сидит за столом почему-то особняком от всех, словно они лишние на годовщине смерти собственной дочери.

В первый раз за вечер я слышу шепоток. На улице, в дневном свете, люди меня узнают. Удивленных возгласов нет, только шепот, взгляды на мою одежду, короткую стрижку. Однако Пейдж тянет меня дальше, к семейству, и отвернуться от них уже нельзя, нельзя затеряться в толпе.

Вот и стол. Меня вдруг душат в объятиях, я утыкаюсь носом в голубой хлопковый свитер. Только когда отхожу подальше, понимаю, кто меня так крепко прижимал к себе. Мать Одилии, низенькая и округлая, с короткими белокурыми волосами, завитыми в кудри. Розовая помада. Во всем облике честность, встряхни — так и взметнется облачком, как пыль в старом ковре. Чувствую на щеке ее липкий поцелуй.

— Вера, — выдыхает мать Одилии, глаза ее блестят от непролитых слез. — Приятно наконец с тобой познакомиться. — Она сжимает мою руку, и аккуратно подпиленные ногти впиваются в кожу.

— Взаимно, — мямлю я. Солнце вдруг начинает палить, его лучи проникают даже сквозь очки, я морщусь.

Мать Одилии (имени я не расслышала) обводит рукой группку людей.

— Вот Одри и Лаура, двоюродные сестры Оди-

лии. Мой муж Ричард. Дороти и Юджин, тетя и дядя Одилии. Пенелопа осталась в Мичигане с соседями.

Родственники машут мне, а я тотчас забываю их имена; моя рука безвольно покоится в руке матери Одилии. Ее близкие сгрудились у стола, вид у них ошарашенный, печальный, им явно неловко.

— Очень приятно с тобой познакомиться, — повторяет отец Одилии. Он болел, а Одилия за ним ухаживала, пока Том был со мной.

Он щуплый мужчина с седыми волосами, пергаментной кожей с набухшими фиолетовыми венами. Глаза у него синие, но подернуты пеленой, точно за последние месяцы в них скопилась влага и теперь всегда стоят слезы.

Осторожно улыбаюсь. Мать Одилии выпускает мою руку, однако по-прежнему сияет улыбкой, муж и дочь тоже не отстают. За спиной слышны хихиканье и шепот, и я невольно становлюсь поближе к троице, словно они могут меня спасти от праздных взглядов и длинных языков. Куин заговаривает с двоюродной сестрой Одилии, а меня отводят под тень дерева.

Я вновь удивляюсь, что к нам никто не подходит. Казалось бы, дело во мне, но даже когда я

стояла от родных Одилии далеко, к ним никто не приближался. Как будто мы, главные жертвы этой истории, прокаженные. Наверное, они привыкли к пристальным взглядам и шепоту.

— Мы рады, что ты получила приглашение. Очень хотели с тобой встретиться. Кстати, это Пейдж предложила тебя позвать. — Она кивает на Пейдж, а та отвечает мне многозначительным взглядом; губы ее поджаты, а глаза мягко блестят.

— Да, хотели с тобой встретиться. Тебе досталось, конечно. И всем нам, разумеется. Вот я и подумала, что теперь, когда все немного поутихло… надо получше узнать друг друга.

Сейчас бы апероля — хоть немного отвлечься от абсурдности положения, их ровных голосов, ослепительного солнца.

— Вот мой друг Куин, мы вместе пришли. Он тоже так сказал. Что нам нужно встретиться. — Натянуто улыбаюсь, потираю запястье. — Вы из Мичигана прилетели? — Солнце движется по небосклону, от жара покалывает кожу.

— Мама с папой да, — отвечает за них Пейдж. — А я пока живу здесь, кое-какими делами занимаюсь. Живу у дочери Луизы. — Она быстро моргает, словно хочет прогнать непрошеные слезы. — Да-

вай-ка принесу апероля, хорошо?

Я благодарю, и она уходит, осторожно лавируя среди гостей, точно чужая на церемонии в честь собственной сестры.

— Нам нелегко, — вдруг признается мама Одилии. — Нелегко здесь находиться. Сама видишь. Да все видят. Они нас избегают, друзья Одилии. Они очень щедры, разумеется. Поселили нас в роскошном отеле. Пейдж бесплатно остается в очень красивом доме. Но они не хотят с нами знаться, понимаешь? Побаиваются нас. А может, мы им не ровня? Они с нами не разговаривают. Мы им неинтересны.

Муж рассеянно поглаживает ее по плечу.

— Мэнди, они просто не знают, что сказать. — Он поворачивается ко мне. — Никто не знает, в этом и суть. У тебя тоже так?

У него такой мягкий, ласковый голос, что я едва не плачу от такой маленькой доброты.

— Да.

От дальнейшего ответа меня спасает Пейдж: она протягивает мне оранжевый напиток. Я тотчас его ополовиниваю.

— Вкусный, правда? — весело бросает Пейдж, благовоспитанно потягивая из своего бокала. — Я не знала Одилию в то время, когда это был ее

любимый напиток. Но понимаю ее выбор.

Странная, ненароком брошенная фраза. Хочу расспросить Пейдж, однако тут подходит Куин. Он представляется и бросает на меня вопросительный взгляд. Я едва заметно киваю.

— Прекрасная церемония. Наверное, вам приятно вот так чествовать жизнь Одилии. И речи были замечательные. — Куин поднимает бокал.

— Мы в подготовке не участвовали, — заявляет Пейдж. — Мы только занимались списком гостей и рассылали приглашения родственникам. — Она делает изрядный глоток, повторяя за мной. — Наверное, Одилии понравилось бы. Мне-то откуда знать.

Мэнди многозначительно поглядывает на дочь.

— Она любила цветы. Любила все красивое. Ей понравилось бы, пусть даже мы и не участвовали в подготовке.

— Вот поэтому и понравилось бы, — бормочет Пейдж. Затем поворачивается ко мне. — Хочешь уйти? Я бы чего покрепче выпила. — Она распахивает глаза, и нарощенные ресницы поднимаются к бровям. Мое первое побуждение — отказаться. Слишком уж это странно. Я и так достаточно сделала: пришла сюда, поговорила с родными и

подтвердила весьма проницательную догадку Куина — родные Одилии правда хотели погоревать со мной вместе.

Но Пейдж смотрит до того искренне и открыто, что я отвечаю бойким «конечно».

— Ура! На углу есть неплохой с виду бар. Мам, пап, я к вам вечером загляну, хорошо?

Они отвечают кивком. Немного пугает их покорность. До чего странное добродушие… Они не навязывают мне Пейдж. Если подумать, она сама навязывается. А они останутся одни в месте, где чувствуют себя чужими.

— Увидимся дома? — спрашивает Куин, когда Пейдж ведет меня за собой. Я киваю, иду за ней и оглядываюсь через плечо — гляжу, как моя единственная надежда и опора теряется среди гостей. Мы забираем телефоны из вестибюля, а потом Пейдж не выходит через парадную дверь, а еще раз ведет меня по двору, только держится ближе к забору с острыми пиками. Как ни странно, на нас никто не смотрит, никто не пялится. Пейдж прикрывает меня, точно щит. А может, мы всем уже безразличны — скандальная встреча семейства и любовницы притупилась благодаря алкоголю и темам поинтереснее.

Мы выскальзываем через дополнительные

ворота, которые ведут сначала в аллею, а потом — на улицу. И откуда Пейдж знала? Может, продумала план побега, как только явилась на церемонию? Ревут автомобили и грузовики, мчащиеся в сторону Вестсайдского шоссе, — во дворе кусты хоть мало-мальски приглушали шум.

Пейдж крепко держит меня за руку, а когда мимо несется грузовик, едва не заезжая на тротуар, я тяну ее к себе, словно мы связаны одной нитью. Как Пейдж и обещала, нас ждет бар со светлыми деревянными панелями и причудливой плиткой.

Пейдж плюхается за столик на террасе. Расспрашивает обо мне: где я живу, чем занимаюсь. Отвечаю, как могу — сдержанно и честно. Говорю, что ищу новую работу. А разве ищу?.. Мне давненько не задавали таких вопросов, их только передавали от других мама с Куином. Пейдж кивает, не давит — это приятно.

Она рассказывает, где остановилась. Не знает точно, надолго ли она в Нью-Йорке, однако прожила тут уже недели две. А вообще живет в пригороде Детройта, поближе к родителям, и постоянной работы у нее пока нет — распространяться на эту тему не хочет, ну и я не спрашиваю. Ей здесь одиноко, она не успела как следует изу-

чить город.

Помолчав, она добавляет:

— Знаю, странный поступок с моей стороны. Наверное, для тебя это вообще дикость? — Она испытующе смотрит, ожидая ответа.

— Что именно? — шучу я с улыбкой.

— Журналисты с тобой паршиво поступили. А еще паршивее то, что нас пытаются стравить. За что тебя ненавидеть, ты ведь ничего поделать не могла. По крайней мере, не знала всего. Кстати, мама с самого начала тебе сочувствовала. Ну, когда поутихли немного ужас и боль. Конечно, они никуда не делись, но… Ты понимаешь, о чем я.

Подходит официант; Пейдж заказывает джин с тоником. Я заказываю совиньон блан.

— Да, понимаю.

Пейдж вздыхает.

— Она давно хотела сказать, что ни в чем тебя не винит. Никто из наших тебя не винит. Но особенно мама. — Официант приносит напитки, и Пейдж делает глоток. — Мы плохо знали Тома, вот в чем беда. Одилию тоже. Мама, конечно, этого не признает. Мы и с Пенелопой познакомились, только когда Одилия приехала в Мичиган перед смертью. На ее день рождения тоже никого не пригласили, ни на один семейный праздник.

Кому понравится такое признавать? Не очень вяжется с историей о святой, которая все время посвящала отцу и покинула бренный мир стараниями мужа-развратника. — Пейдж звякает льдом в бокале. Такса у столика за спиной выпрашивает у хозяина еду.

Я трясущейся рукой держу бокал с игристым. Пейдж права. Мне это и в голову не приходило. В самые мрачные минуты, когда я погружалась в отвращение к себе, я даже не задумывалась, что родные Одилии плохо знали собственную дочь, собственную внучку.

— Она переехала и перестала с вами общаться?

Пейдж выуживает из бокала кусочек лайма и посасывает его, точно ребенок.

— Она познакомилась с Томом совсем молодой, а потом просто-напросто исчезла из нашей жизни. Не скажу, что совсем оборвала связь… Иногда звонила ни с того ни с сего. И в соцсетях мы дружили. Они с Томом раза два к нам приезжали. А в остальном между нами была какая-то непонятная преграда, и сломать ее не получалось. А мама ой как пыталась! Но Одилия с Томом с ней держались отстраненно, и друг о друге мало рассказывали. — Она допивает растаявший лед. — А теперь мама с папой опять воспитывают ребенка,

тоже по-своему дикость. Пенелопа не вспомнит родителей. Слишком она маленькая. Давно перестала спрашивать, куда делась мама. Думаю, поэтому мама и не хотела ее сюда приводить: побоялась, вдруг что-нибудь вспомнит, травму еще получит…

Хочу спросить об Одилии, о ее перевоплощении в «Инстаграме», но сдерживаюсь. У Пейдж, похоже, развязался язык, ее давно тянуло высказаться. Да и не хочется признавать, что я часами следила за ее умершей сестрой в интернете.

— А ты правда была жуткой стервой в школе? И на работе? — выпаливает Пейдж чуть заплетающимся языком. — Так все пишут. Ну, самые низкопробные газетенки. А еще «Твиттер». Якобы ты была злая, коварная, всегда упорно добивалась своего. По-моему, ты совсем не такая. Хотя, наверное, этот год тебя сильно изменил.

Я молча допиваю вино. Вопрос Пейдж не застает меня врасплох. Мне нравятся ее прямота, напористость. Она не пытается выдавить из меня признание, а спрашивает в лоб.

— Я была популярной. Всегда знала себе цену. Всегда хотела пробиться. Несколько лет работала в индустрии моды, там без подлостей и стервозности не обойдешься. Не люблю серость. И

не собираюсь делать одолжение и изображать интерес, если чьи-то идеи недостойны моего внимания. Поэтому да, я могу быть резковатой. Но попробуй назови так мужчину, и погляди, что он скажет.

Пейдж кивает, словно нашла ответ на свой вопрос.

— С такой стороны я вопрос не рассматривала. И правда, какая связь между твоими поступками в семнадцать лет, поведением на работе и случаем с моей сестрой?

Возвращается официант, спасая от необходимости ответить. Пейдж заказывает еще джин с тоником, и я следую ее примеру — заказываю водку с клюквенным соком и капелькой лайма. Пошло все к черту! В таком разговоре без выпивки нельзя.

— Я себя часто об этом спрашиваю. На меня тогда обрушился целый поток злобы. Никогда такого не испытывала. — Язык тяжелеет, спритц и бокал вина уж притупляют чувства и осторожность, необходимую даже для обычных посиделок с алкоголем, а уж в моем щекотливом положении… — Что ж, я ведь женщина. Я стерва и я женщина. Или я стерва, потому что женщина. Одилия была такая хорошая… Наверное, они

хотели сыграть на контрасте. Во взрослой жизни против меня использовать в общем-то нечего. Я много работаю. В «Магдалине» я по большей части оставалась за кадром, правда, кто-то все равно умудрился пожаловаться, что работать со мной невыносимо. Не скажу, что в годы учебы у меня была репутация злодейки, но, оказывается, в старшей школе многие мечтали мне отомстить, затаили обиду. Бывшие одноклассники припомнили времена детства, когда я была эдакой школьной стервочкой. А потом подключились те, кого я будто бы обидела уже взрослой. — Пожимаю плечами, точно не в первый раз вот так беспечно об этом говорю. Сегодняшний день и его смысл окутаны туманом. Пейдж, ее знакомое лицо и прочие детали плывут перед глазами, сливаются в пейзаж причудливого сна. Общие очертания этого пейзажа мне понятны, а его суть пока загадка — вот и остается бродить, покуда не проснусь.

Приходит официант с напитками. Выдавливаю сок лайма в красную жидкость.

— Странно, что Одилию не тронули. Хотя, наверное, и не понадобилось? Сначала беременная, потом мертвая. Жертва. — В голос Пейдж прокрались ядовитые нотки, какая-то непонятная

горечь. А может, у меня просто в голове мутится. — Кстати, его юристы до сих пор не дают снять документалку о расследовании или записать подкаст. — Она заглатывает напиток с той же легкостью, что и предыдущие; звякает лед в поставленном обратно стакане. — Каким был Том? Ну, в то недолгое время, что ты его знала?

Начинаю рассказ. Отпиваю водки. Совсем не чувствую вкуса, только тепло в желудке. Слова вязнут на языке. Не знаю, что она хочет услышать. Никто меня об этом не спрашивал — никто кроме детектива-мачо с торчащими из ноздрей волосами. Не хотелось с ним говорить, а ему явно были неприятны моя интонация, манера себя держать. В голосе детектива сквозило пренебрежение, даже когда он расспрашивал о моей роли в убийстве. Самоубийстве.

Он дал свой телефон на случай, если что-нибудь вспомню. А еще нацарапал личный номер. Я так и не позвонила. Не удивлюсь, если обиделся и участвовал в тредах на 4chan, где часами поливал грязью мою внешность вместе с остальными.

Моргаю и возвращаюсь в настоящее. На меня смотрят карие глаза Пейдж под пушистыми накладными ресницами.

— Богатый. Щедрый. Прости, из моих уст звучит

ужасно. — На миг прикрываю глаза. — Честно говоря, он был какой-то неестественный, картонный… Вроде все делал, как положено, а я никак не могла его понять. Тогда я об этом не задумывалась. Он… он меня обманул. Меня привлекала его неловкость, уязвимость — эдакий незадачливый красавец. Чем больше времени проходит, тем лучше понимаю, что попалась на удочку. — Едва не добавляю: «И мы все знаем, что случилось, когда я сорвалась с крючка». Мы и правда знаем. Даже слишком хорошо.

Пейдж косится на тротуар, на прохожих с детьми и собаками. Я не замечала шума, а теперь он оглушает. Гул голосов, шелест шин по асфальту. Накатывает усталость.

— В моей семье нет немцев, — вдруг заявляет Пейдж. — Просто мои родители поехали в Берлин. Их единственное путешествие за границу. Хотели навестить папиного друга на военной базе. Одилией звали официантку, которая их обслуживала в ночь ее зачатия. Они запомнили имя. Всегда завидовала. А кто бы не завидовал, с моим-то именем? Меня назвали в честь бабушки, без всяких интересных предысторий. А имя «Одилия» не подходит для городка вроде Вайнека или Нови, согласна? Я раньше винила свое имя

в том, что осталась торчать там, пока она вела гламурную жизнь в Нью-Йорке.

Пейдж допивает бокал, я тоже.

— Мне пора к родителям. У них большое потрясение, сама понимаешь. Ты мне нравишься, Вера. Еще увидимся? — Ее голос тверже моего, спиртное его скорее подкрепляет; щеки раскраснелись, но не так горят, как мои, а глаза шарят по лицу, как будто ищут укромный уголок, где можно пристроиться.

А хочу ли я опять видеться с Пейдж? Усталый, пьяный мозг ищет ответ. Я киваю, не успев подумать.

— Да-да, конечно. Запиши номер.

Мы расплачиваемся и уходим. Солнце медленно клонится к закату. В голове туман, я не понимаю, который час, а весенний воздух душит своей свежестью. Вот бы в темноту без единого просвета. Все как-то чересчур. Я жажду сумрака прохладной темной спальни.

Она обнимает меня за шею, крепко прижимает к себе — на миг появляется жуткое чувство, что я глубоко под землей. Пейдж целует меня в щеку, хмельное дыхание щекочет ухо, на горящей коже — влажная, радушная слюна.

— Скоро увидимся, Вера. Нам есть о чем пого-

ворить.

Она сжимает мою руку и уходит твердой, трезвой походкой — очевидно, выпивке она и посвящала все эти вечера в кирпичном доме, где теперь живет. Впрочем, разве можно ее винить?

Иду к метро дрожащим, неверным шагом. Пьяным. И все-таки добираюсь до дома.

Позже, под одеялом, после трех обезболивающих таблеток в желудке, где нет ничего кроме алкоголя, задернув шторы и выключив свет, я достаю ноутбук и изучаю «Инстаграм» Одилии, точно фанатик — религиозные письмена.

Наступило лето. Одилия постит реже, теперь только фото, где она вроде бы одна в ресторанах. Хотя она никак не может быть одна. Это же не селфи, ее кто-то снимает. Она скромная, миниатюрная, даже элегантная. Ужинает в ресторанах с тканевыми салфетками. По-прежнему в Вайнеке, только в другой, более шикарной его части. Песок почище, сандалии ухоженнее, от Джека Роджерса. А вот фото на яхте.

И всегда одна, на лице нет чувств, даже выражения нет. Она научилась особой отстраненной улыбке — загадочному, едва заметному, по-своему приветливому изгибу рта; такую замечаешь на дамах определенного положения. Под этими

фото меньше лайков, меньше комментариев. Лишь одно имя появляется постоянно: Тельма Кей. Приходила ли она на церемонию — новая подруга, которая познакомилась с Одилией в период внезапных перемен?

И тут сердце замирает, дыхание перехватывает — вот он! На миг хочется отвести взгляд, ударить по крошечной части экрана, на которой изображено самодовольное, красивое, садистское лицо. Поначалу даже не воспринимаю фото целиком: мозг сосредоточен лишь на нем, на нем одном. Волосы на снимке гуще, подбородок резче очерчен, кожа загорела, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Фото отличается от того, где он укачивает Пенелопу — там черты разглядеть невозможно. Здесь же все видно без прикрас.

Немного скашиваю глаза, и его лицо расплывается. Теперь можно посмотреть на фото целиком, главное избегать той части, где он стоит.

На снимке пять человек; начинаю слева, где Одилия в платье кремового оттенка держит ножку бокала с золотистым напитком. На ней жемчужные серьги, волосы убраны за уши, а из открытого декольте игриво выглядывают ключицы. Улыбка широкая, видны зубы. Вечер. Компания сидит за столиком на какой-то пляж-

ной вечеринке, но еще не настолько темно, чтобы использовать вспышку. Рядом с Одилией сидит коренастый краснощекий блондин в дорогих брюках-чинос, и его голубые глаза поблескивают, как у заядлого пьяницы. На руке блондина повисла женщина, тоже блондинка, ее голова слишком велика для узеньких плеч, один глаз прищурен, отчего лицо кажется кривым.

Дальше идет *он*; на его плече вальяжно лежит длинная загорелая рука, тоненькое запястье охватывает золотой браслет в виде змеи. Я не сразу понимаю, что к чему, что это рука не Одилии. Она ведь на другом конце стола.

Эта девушка очень красива. Кудрявые темные волосы, взгляд острый, умный — она смотрит в камеру, точно бросает ей вызов, побуждает фотографа стараться получше. На ней изумрудно-зеленое платье, в чашечках лифа лежит пышная грудь. Ногти пурпурного цвета, и даже в углу стола, худшем месте на любом групповом фото, она умудряется привлечь к себе внимание. Оглядываю компанию целиком — да, эта девушка затмевает всех, самоуверенно и решительно; я даже удивляюсь, что при первом взгляде на фото мои глаза метнулись к Тому, а не к ней.

Они встречаются, это ясно: язык ее тела до

смешного откровенен. Том принадлежит ей, и она это знает. В ее собственнических объятиях он будто стал меньше ростом. Она обвивает его руками, как браслет — ее запястье. Если увеличить ее руку, видно, что напряженные пальчики впиваются в его рубашку.

Навожу на нее курсор — вдруг стоит тег и ее можно найти? И снова вздрагиваю. Это она. Тельма Кей. Она и комментарий оставила: смайлик с широкой улыбкой, как у Одилии, а еще надпись: «Зубы=секреты». Что бы это значило?..

Глава 15

Год назад

Я тогда сама не понимала, почему так себя повела. Разумеется, любую женщину *должен* отвращать мужчина, который орет на бывшую. Но у меня самой сложный характер, я нередко вскипала. Особой вежливости и сердечности к бывшим тоже не проявляла.

И все же когда Том сорвался, а потом бросился за мной вдогонку, у меня мурашки по коже побежали. Я будто сняла покров, под которым он прятал основные, животные инстинкты. Застенчивость и уязвимость были фарсом. Он даже не волновался за своего ребенка и этим напомнил мою мать: когда я в детстве на неделю слегла с гриппом, она тоже ворчала, что пропустит отдых в Пунта-Кана со своими подружками по университету.

Разумеется, Том прислал мне поток сообщений, а я не удостоила их ответом. Одно было отчаяннее другого, он горячо извинялся. Говорил, что обычно так себя не ведет, что выдалась тяжелая неделя, вот он и сорвался на бывшей и ребенке, на мне. На следующее утро сообщения прекра-

тились.

Куин после рассказа о таком ужасном поведении закатил глаза и велел следовать чутью. Худа к Тому отнеслась снисходительнее. Когда следующим утром она вошла в офис на час позже меня, сразу спросила о свидании, не успели мы даже обсудить отчеты о расходах. Выслушав, задумчиво слизывала йогурт с ложечки.

— Может, просто сорвался разок. По крайней мере, сам понял, что натворил дел. Большинство мужчин даже не сообразили бы.

Я исправила маленькую ошибку в отчете и подняла глаза.

— Не собираюсь встречаться с мужчиной только потому, что он хоть немного соображает. Давай не будем просто так раздавать похвалы.

Она проглотила еще ложку йогурта.

— Я лишь считаю, что все заслуживают второго шанса. Хотя бы ответь ему. Не исчезай молча, тем более что он небо и землю перевернет, лишь бы с тобой поговорить.

Я молча вздохнула, подвинула ноутбук и попыталась ее отвлечь на таблицу, над которой работала.

В полдень в офис доставили букет цветов. Все ахнули от восхищения. Я перенесла его на кухню

и всему офису разослала имейл с разрешением его забрать, если хотят. Худа вынула один цветок, понюхала, и по ее лицу расплылась чувственная улыбка.

— Какая ты холодная, Вера! Они ведь розовые. Как мило. Он тебя обожает. Пожалуйста, ответь ему.

Я не ответила. Его поступок меня раздражал. Слишком широкий жест, все напоказ, лишь бы заслужить всеобщее одобрение. Напомнило мужчин, которые делают предложение у всех на глазах, и в случае отказа девушке приходится позорить и себя, и его.

Куин со мной согласился, когда мы поздно в четверг вернулись с какого-то ночного кутежа. Я сидела на диване, курила в одном белье и смотрела «Женаты с первого взгляда». Тут вошел Куин и начал рыться в холодильнике в поисках вкусненького.

— Согласен, немного чересчур. Да еще после третьего свидания. Играет на чувствах. И к тебе неуважительно отнесся. Ты не из тех, кто в обморок падает от цветов.

Я не ответила на сообщения Тома, однако молча исчезать тоже не хотела. Решила сообщить ему помягче. Не потому, что боялась обидеть,

просто во мне проснулся страх, какое-то странное предчувствие. Ладно, обидеть я тоже не хотела. В конце концов, я радовалась встрече с ним. У нас было долгое, неспешное, гедонистическое второе свидание. Но тяга испарилась, несмотря на хороший секс, как только Том утратил мягкость и уязвимость. Я хотела все прекратить.

Утром пятницы я наконец придумала, что написать.

Привет. Если честно, я пока не готова к отношениям с человеком, у которого семейные обязательства. Клише, конечно, и дело не в тебе, а во мне. Всего наилучшего.

В субботу вечером он вновь принялся без конца слать сообщения. Я его заблокировала. А потом, честное слово, забыла о нем.

В тот вечер субботы мы с Куином пошли встретиться с университетскими друзьями, Клаудией и Эваном. Я их давненько не видела, они держались со мной слегка скованно, но после алкоголя все немного расслабились. Мы нюхнули кокаина, выкурили кучу сигарет. Сходили в три разных бара в Бушуике.

На следующее утро меня целый час рвало, я выпила порошок от обезвоживания. Выспалась, поела яичницы, которую приготовил Куин. Мы

обкурились и смотрели «Солнцестояние». Позвонили Сэму по «Фейстайму», хотя формально у них был перерыв в отношениях. За работу я даже не бралась, и Худа не писала, только спросила, в каком ресторане нам поужинать в среду с владельцем знаменитого лос-анджелесского бутика.

Во вторник опять выдался солнечный, необычно теплый день. Я позавтракала шоколадным круассаном, а перед работой насладилась солнышком на скамейке в Юнион-сквер. Заурядный день — правда, случился сбой в цепочке поставок, и пришлось тренироваться на случай серьезных трудностей. А еще нас слегка встревожило, что инфлюэнсер из «Инстаграма», ставший дизайнером, украл кое-какие идеи.

Разговоры пошли только в полдень.

— Кэти, вот так жесть! — сказал наш менеджер соцсетей Тодд нашему создателю контента. — Какой-то технарь из Бруклина прикончил беременную жену.

Та ахнула.

— Вот это красавчик!

— Вот-вот! Психопаты все такие. Посмотри хоть на Ричарда Рамиреса. Какие скулы! Только этот самовыпилился, ему даже в тюрьму не напишешь, — вздохнул Тодд.

Я не обратила внимания. Даже не попросила показать статью. Слишком много было дел.

Я все узнала, только когда Худа позвонила мне из кабинета.

— Да я в двух шагах, ты чего! Напиши!

Через стеклянную дверь было видно, до чего она бледная, прямо как смерть. Я и через динамик ее слышала, и по губам читала.

— Нет, Вера. Зайди. Прямо сейчас, — велела она хрипло и глухо, точно уличная кошка прохрипела.

Я закрыла за собой дверь в ее кабинет, чтобы никто не подслушивал.

— К чему такой спектакль? Говорю же, за кражу дизайнов он ответит по закону. Все утрясется.

Она покачала головой и развернула ко мне экран ноутбука.

> ТОМАС НЬЮБЕРН, МИЛЛИОНЕР И СООСНОВАТЕЛЬ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ УБИЛ БЕРЕМЕННУЮ ЖЕНУ И СЕБЯ.

И все во мне рассыпалось на куски.

Худа вызвала мне такси, дала отгул до конца дня. Первые минуты и часы я точно прожила

в безвкусном мультфильме, отказывалась поверить в происходящее, чуть ли не смеялась. Написала Куину что-то вроде:

Он умер. Убил свою (бывшую?!!!) жену. Что вообще происходит?

Я выла в подушку; голова кружилась от бредовости всей этой истории.

Когда начался ужас? На следующий день, когда папарацци начали совать во все нос, как назойливые насекомые? Я попросила Куина узнать, что там на улице, он выглянул, и на него тоже набросились. Из какого-то общего источника они узнали, кто он такой, и жаждали вырвать у него любую крупицу сведений. Куин протолкнулся наверх по лестнице — лицо белое, как мел, которым обводят на асфальте тело, — и объяснил, что пришли ко мне.

Я все узнавала урывками. Поначалу сидела за телефоном, как приклеенная, каждые полминуты обновляла результаты «Гугла». А потом, когда узнала больше, не могла даже шелохнуться — разум и тело существовали отдельно друг от друга, волны потрясения пробегали, как ток.

В полицию позвонила экономка Анна, которая следила за белоснежными стенами. Почувствовала запах серы на входе. Тотчас побежала в

комнату Пенелопы на третьем этаже и простонала от облегчения: девочка спала в кроватке, ее грудь мерно поднималась и опускалась, сердце билось ровно. У Анны уже закружилась, затуманилась голова. Экономка подняла девочку с кровати, побежала к выходу, набрала 911 и судорожно вдыхала свежий воздух.

— Они в кабинете, я точно знаю. В кабинете мистера Ньюберна. Там старый газовый камин. Окон нет! Замок на двери сломан. Изнутри открыть нельзя. Замок сломался, когда она уезжала, а он обещал починить до ее приезда, но, похоже, не починил! — задыхаясь, выкрикивала она этот поток бессвязных слов, то и дело всхлипывая — так гласили отчеты в газетах.

Анна оказалась права. Том заманил Одилию в комнату со сломанным замком, уверенный, что она покорно последует за ним, даже не подозревая о ловушке.

Полицейские в противогазах ворвались в дом. На двери кабинета, где лежали тела, они обнаружили глубокие царапины — своеобразный вопль надежды и отчаяния. За несколько минут до смерти Одилия безуспешно пыталась сбежать, вырваться из комнаты. Она умерла, зная о его страшных планах.

Он так все устроил, чтобы сразу после включения камина выделялся угарный газ, а для прекращения подачи Одилии пришлось бы лезть в самое пламя — это если она вообще разбиралась в газовых каминах. Она могла выключить огонь, поправить раскаленную деталь и, *возможно,* спастись. Но следователь рассудил так: от отравления сознание помутилось, ушла способность мыслить логически, осталась только животная жажда жизни, оттуда и царапины на двери.

А еще следствие обнаружило следы снотворного в бокале вина на столе. Отчеты токсиколога показали: Том незаметно добавил таблетку в напиток Одилии — доктор позволял ей раз в неделю выпить бокал вина. Снотворное в сочетании с антигистамином, которое она приняла уже сама, чтобы лучше уснуть, притупили сознание, ну а ядовитый газ погрузил ее в сон.

Даже если бы она смогла выключить подачу газа, все равно задохнулась бы в комнате без окон. Дом, несмотря на великолепие, должным образом не ремонтировали. Следователь не в первый раз сталкивался с некачественной работой дорогого подрядчика.

За несколько дней до этого «Снапи» забрала из домашнего офиса всю технику, поэтому на

компьютер рассчитывать не пришлось. К тому же Том оставил на кухне оба их телефона. Помимо предсмертной записки сохранился клочок бумаги с небрежными пометками — вероятно, чертеж загона, над которым работал Том (вроде бы для лошадей).

Записку детективы нашли в ящике стола, а потом ее содержание просочилось в прессу:

> *Дамы и господа!*
> *У меня нет выбора. Вера Макдоналд не оставила мне выбора. Ее жестокий отказ нанес моему сердцу глубочайшую рану, с которой жить невозможно. Прости, Пенелопа, это лучший выход для всех. Твоя мать заслужила покой, она не должна страдать из-за моих прегрешений. Вера, я даже сейчас тебя люблю.*

Никаких доказательств насилия — ни физического, ни морального. Да, Том кричал на жену по телефону. Да, ходили слухи, что он мало участвовал в жизни семьи, не заботился о ребенке и, даже когда купал девочку, не прислушивался к советам и отказывался от помощи. Но полицию это не волновало. Они выглядели хорошей парой с обычными ссорами и примирениями. Расследо-

вать попросту нечего.

Худа посоветовала еще немного отдохнуть. Как мне тогда казалось, по доброте душевной — ведь «Твиттер» кишел угрозами, отфотошопленными снимками, на которых я сосу член, фотографиями из школьного альбома, где у меня в глазах стрелы, а на лице — сперма, до дрожи реалистичными фейковыми видео, где мне простреливают голову. *Убийца детей.*

Убийца детей. Ведь в глаза многих Том — а значит, и я с ним — убил не только мать, но и дитя. Нерожденное дитя.

Я попыталась вернуться на работу. «Нет-нет, отдохни пока», — говорила Худа. Я не выходила из квартиры. Куин приносил мне еду. Я ничего не ела. Таяла на глазах. Подумывала удалить «Инстаграм» еще до прихода папарацци, однако все равно забила в поиске свое имя. Удивительно, как изобретательна ненависть, особенно когда не знаешь человека. Теперь это стало моим воздухом, оставалось только его вдыхать — ненависть толп, жаждущих моей смерти за преступление, которого я не совершала.

Пусть не совершала, но умерли они по моей вине. Наш последний разговор тоже слили — тот, где я отказываюсь с ним встречаться из-за

его семьи. Доброхоты, желавшие мне смерти, изнасилования АК-47 и простреленной матки, вообще-то были правы. Все это случилось из-за моих самооправданий и неубедительных попыток как-то расставить границы в отношениях с мужчиной, которого я видела всего три раза.

Естественно, люди с зачатками логики и достойные СМИ меня не винили. Но благородством просмотров не наберешь. А люди, интересующиеся этой историей, хотели сделать из меня злодейку, искали козла отпущения.

Друзья и коллеги отправляли поверхностные сообщения — выражали сочувствие. Я связалась с давними друзьями; пожаловалась, как мне тяжело и одиноко. Кончилось дело короткой перепиской. Никто не хотел меня касаться, никто не хотел со мной связываться. Никто не знал, как ко мне относиться. Я намеренно избегала близких отношений, и меня настигла расплата.

И наконец-то, наконец-то, когда я впервые за неделю долго и тщательно мылась в душе, Куин установил на ноутбук и телефон ограничение — я больше не могла искать информацию о себе. Я на него накричала. *Что мне еще остается?!* Куин взял меня за плечи и ответил:

— У тебя остаюсь я.

Не помню, сколько прошло времени, когда я вернулась на работу. Худа меня избегала, просила еще отдохнуть. А когда я пришла в офис, как всегда рано, ключ не подходил к замку. Худа была там и знала о моем приходе. Я звонила, писала. Она молчала. Двадцать три минуты спустя пришел имейл. Сухое письмо. Меня уволили — якобы из-за ошибки в отчете о расходах. Вещи мне вышлют на дом.

Я заперлась в туалете, включила сушилки для рук и кричала.

Позже выяснилось: Худа потеряла инвестиции. Из-за меня. Я испортила имидж бренда. Инвесторы согласились пересмотреть решение, если меня устранят из компании. Как по мне, все просто случилось не вовремя. Если бы встречу по инвестициям назначили хоть на месяц позже, я бы уже восстановила репутацию. Я за все это время даже не сообразила спросить, как все прошло — вроде бы само собой разумелось, что хорошо. Увы. Я, мое имя и лицо, все испортили.

Тогда я собрала вещи, попрощалась с квартирой и сбежала к матери, которая за все это кошмарное время лишь раз поинтересовалась, как у меня дела.

«Одна жертва выжила», — писали все газеты,

имея в виду Пенелопу. И все же порой мне казалось, что и я была с ними в тот роковой вечер — вторая жертва безжалостного, подлого поступка Тома.

Часть вторая

Глава 1. Одилия

Десять лет назад

Эта девушка пришла на отбеливание. Хотя зубы у нее и так были белые как снег.

Одилия Паттерсон даже толком не взглянула на нее, когда ее позвали на помощь доктору Форсайту — гигиенист Елена в тот день болела, а в их крохотном медкабинете администратору иногда приходилось помогать врачу.

Вот она и стояла с лотком для инструментов; в рот пациентки вставили расширитель, а зубы окрасили коричневым для лазерного отбеливания. Ничего особенно интересного. Несмотря на офисную должность, Одилия привыкла смотреть людям в рот, видеть, как стоматолог чистит языки скребком, слышать громкие жалобы, когда врач начинает сверлить. Она давно не обращала внимания на эти звуки, и даже если пациент вскрикивал от боли, Одилия возвращалась к действительности не сразу и смотрела, как Елена жестом просит пациента сплюнуть кровь.

А та девушка ни разу не пожаловалась. Лазер мог жечь чувствительные зубы, но если она и

испытывала какие-то неприятные ощущения, догадаться можно было только по сжатому кулаку — маленькому, по-птичьи хрупкому. Совершенно безобидному.

Отбеливание на тот день было последней процедурой, и Одилия ушла сразу после пациентки, на прощание помахав доктору Форсайту, прежде чем он ускользнул в туалет переодеваться. На улице ее встретил густой, спертый воздух — влажность зашкаливала. Одилия сунула в рот жвачку, почувствовала тягучие нити между задними зубами. Стоял май. С чего такая жара?

Одилия смаковала вкус жвачки, а потом вышла на парковку, к «камри». В тот день она собиралась ужинать с родителями — не самое любимое занятие. Не зря она переехала. Правда, все еще жила в Вайнеке, лишь в нескольких милях от них.

Сунула в рот еще подушечку, яростно зажевала при мысли о родителях, их равнодушии. Может, приехать попозже? Сначала выпить дома?

Она задумалась и даже не заметила девушку с отбеливания. Та стояла у своей машины, красной «альфа-ромео», и курила, опираясь локтями на капот. Подчеркнуто сексуальная поза: пальцы обхватывают фильтр, накачанные ягодицы обтянуты узкими джинсами. Поза даже какая-то

неестественная. Почему бы не прислониться к окну? Встать прямее?

Очевидно, она приехала на летний отдых, просто на несколько недель раньше, до Дня поминовения. Местным не по карману такая машина и дорогой загар.

Одилия остановилась у своего автомобиля, помахала девушке.

— После отбеливания лучше не курить! Испортите результат.

Занудное, нравоучительное замечание, но что-то в этой девушке, в ее манере держать себя, привлекало Одилию. Хотелось с ней заговорить. А почему — непонятно.

Девушка распрямилась, черный топик на миг задрался, обнажая полоску плоского живота. Потом, вновь затянувшись, выпустила дым в сторону Одилии.

— Спасибо, зайка. Тебе лучше знать. — Она улыбнулась, чуть прищурив глаза. — А ты сама-то курить пробовала? Или за такое из стоматологической клиники выгоняют?

— Раза два, еще по молодости, — пошутила Одилия, дивясь своей дерзости.

— Да тебе не больше двадцати, — заметила девушка. — Давай, попробуй в третий раз, для

полного счастья! Куда лучше расслабляет, чем жвачка.

Одилия перестала жевать и выплюнула резинку в обертку. Неужели так заметно? Пожалуй, ей пора домой, если хочет еще выпить перед поездкой к родителям. А может, и сигарета неплохо снимет напряжение от предстоящего вечера с родителями?

Одилия обошла машину и присоединилась к девушке у «альфа-ромео», чей бампер сверкал в лучах заходящего солнца.

— Пери, — представилась девушка и протянула руку. Длинные ногти вонзились в плоть Одилии. — Ты и без того знаешь, наверное. Ты ведь мне только что в рот заглядывала. — Пери предложила Одилии сигарету. — Люблю ходить к стоматологу. Очень расслабляет. — Она стряхнула пепел к ногам Одилии. Та неуверенно фыркнула. — Не веришь? Я поэтому и записалась на прием. Скучала по процедурам у стоматолога. Лежишь себе в кресле, тебя делают красивой — что может быть лучше? Красота требует жертв. Знаю, клише, зато правда. Особенно для женщин. Как тебя зовут?

Одилия представилась.

— Ого, шикарно! В этих краях такие имена не

встретишь. — Она поглядела на горящую сигарету Одилии, налипший пепел. Одилия смущенно его стряхнула. Затягиваться не хотелось — вдруг начнет кашлять?

Пери вдруг протянула руку и провела кончиком ногтя по щеке Одилии — быстро, едва заметно; Одилия подумала, что ей показалось. Несмотря на жару, по телу побежали мурашки, она опустила глаза вниз, на колесо машины.

— Здесь скрывается все, что нужно. У тебя есть задатки.

Рука Пери задержалась в воздухе, точно на картине, где Господь соприкасается пальцем с Адамом — только это движение и служило доказательством, что она касалась Одилии, вызывая у нее дрожь.

— Задатки чего? — прошелестела Одилия. Хотелось, чтобы Пери вновь коснулась ее щеки, спины, провела ногтем по позвонкам.

Пери улыбнулась — ее зубы напоминали белоснежную гальку, отполированную волнами.

— Есть у тебя решимость. Вот и все. Только это и хотела сказать. — С этими словами она открыла дверцу машины, села и потянулась, как кошка. — Детка, обожжешься! — предупредила она, высунув руку с сигаретой из окна. И выехала

с парковки задним ходом, оставляя после себя облачко дыма.

Сигарета догорела до фильтра. Одилия насладилась жгучей болью и лишь потом бросила сигарету на асфальт. Затем пошла к своей машине; на указательном и среднем пальцах вздулись волдыри. С минуту она сидела, положив руки на руль, и смотрела в темнеющее небо. Облака напоминали клубы дыма. Зубы Одилии болели, ныли от жажды. Но чего именно?

Решимость.

Слово плясало в мыслях, пока она сидела за ужином. Пейдж впервые угодила в беду. Получила четверку с плюсом на контрольной по математике. А Пейдж была гением. Родители ее обожали. На пять лет младше, а уже в пять подавала больше надежд, чем Одилия за все двадцать лет жизни. Вундеркинд. Так ее назвала чудаковатая учительница начальных классов. В три года умела читать. Знала таблицу умножения, когда еще в детский сад ходила. Год за годом побеждала на олимпиадах, конкурсах правописания, соревнованиях по футболу среди девочек. Одилия не сомневалась: через несколько лет Пейдж станет школьной королевой красоты, королевой выпускного бала.

Пейдж — гордость Паттерсонов. Гордость всего Вайнека.

От Одилии никто не ожидал поступления в университет. Когда она объявила, что подала документы в общественный колледж Вайнека, за столом на тридцать пять секунд повисла тишина — Одилия мысленно посчитала.

— Неплохо на время, — отозвался отец без особой увлеченности в голосе.

Наверное, поэтому родители так отчаянно надеялись, что она с кем-нибудь познакомится, и начнутся дети, пеленки, кроватки, упорядоченная жизнь. Раз уж не станет способной студенткой, пусть хоть станет способной матерью, верно?

Только Одилия этого не хотела. А чего хотела, и сама толком не знала. У нее были свои маленькие радости: удовольствие от вкусного обеда, вкусного напитка. Ей нравилась безупречная чистота стоматологического кабинета. Ей нравилась гигиенист Елена. Ей нравилась квартирка, которую она делила со школьной подругой Китти. Нравилось оставаться там одной и смотреть «Доктора Фила», когда не надо было идти на учебу или работу. Ей нравилась прохлада постельного белья на вечно разгоряченной коже.

Ей нравился секс, хотя на свидания она ходила редко. Впрочем, они обычно и не стоили ее времени. Не стоили ночи, проведенной под чужим одеялом.

Одилия смирилась с обыденностью и размеренностью жизни. Она могла незаметно раствориться в любой компании — голос у нее был слишком тихим для больших сборищ, а внешность — слишком неприметной для нескромных взглядов.

Решимость.

После ужина, пока Пейдж спорила с родителями и уверяла, что ей обязательно нужно пойти на ночевку к Мисти на выходных, несмотря на плохие оценки (иначе ее не пригласят на день рождения Мисти в следующем месяце, а Мисти в следующем году пойдет в одиннадцатый класс, и дружба с ней Пейдж очень поможет), Одилия заглянула в родительскую спальню и достала сине-зелено-красный оксфордский словарь.

Решимость.

«Способность принять решение; смелость».

Одилия села на кровать и загнула уголок страницы обожженным пальцем. Это слово ей не подходило. Та девушка, Пери, видела то, чего нет — целеустремленную Одилию, которой не существовало. Одилия провела пальцем по щеке

— как Пери, по тому же месту. Что же она увидела? Что такого заметила, о чем не догадывалась сама Одилия?

На следующее утро Одилия задержалась у стойки регистратора, — поделившись с ней булочкой, Елена жаловалась на отца своей дочери.

— На выходных привез Кайлу на два часа позже. Не написал, не позвонил, а еще на меня орет, когда я отвечаю на сообщения минут через пятнадцать! Вечно он так. Возьму и запрещу с ней видеться на выходных!

Она болтала и болтала. Обычно Одилия слушала вежливо, внимательно. Служила сосудом для чужих тайн. Ей нравилась Елена — ее бойкость, кудрявые волосы, которые она никогда не выпрямляла. Но тем утром Одилия никак не могла сосредоточиться.

— Знаете что-нибудь о пациентке, которая вчера последней приходила? Ну, когда вас не было. Пери, кажется? Записывалась на отбеливание. Сразу видно, не местная.

Елена призадумалась.

— Ах да! Не можешь карточку найти?

Одилия покачала головой.

— Нет, все в порядке. Просто мы с ней поболтали на парковке. Вроде приятная девушка.

Елена бросила крошку в рот.

— Забавно. Она новенькая. Никогда с ней не работала. Видно, при деньгах. Форсайт сказал, через три недели опять придет на прием. Просто так, без причины.

Одилия кивнула, поблагодарила Елену, выбросила вощеную упаковку от булочки, села за компьютер и проверила расписание. Елена сказала правду: Пери действительно собиралась на прием через три недели.

Решимость. Через три недели ей хватит решимости спросить, что Пери имела в виду. Такое она себе дала обещание.

Глава 2. Вера

Сейчас

В городе мне почему-то еще более одиноко, чем у мамы. Странно, конечно. Может, дело в том, что я бездельничаю, а Куин каждое утро просыпается на работу и оставляет меня одну. Вдруг понимаю: в прежней жизни я почти не бывала дома. Естественно, я тут ела, спала, смотрела телевизор, — однако прежде не знала всех стен, уголков и щелей, где играет светотень.

Рука так и тянется написать старым друзьям — тем, кто не знал, как относиться к моей дурной славе. Увы, время поставило между нами преграду: я и раньше редко с ними общалась, а теперь, когда мне больше всего нужна поддержка, я слишком горда для первого шага, слишком испугана. Не хочу показать свое отчаяние и в то же время не хочу быть отверженной.

Иногда прогуливаюсь в Проспект-парке или брожу по району, Проспект-Хайтс или Парк-Слоуп. Откликаюсь на вакансии. Хожу на собеседования в компании, связанные с производством одежды, на должность в сфере маркетинга кос-

метического бренда, на позицию по продажам в технологическом стартапе. Никто не перезванивает.

Временами, когда Куин уходит, я опускаю шторы в гостиной, сажусь на диван, накрываюсь зеленым пледом и ныряю во тьму, представляю, что я в коконе. К счастью, это занятие вскоре приходится бросить: весеннее солнце просачивается в окна и напоминает, что не стоит отрезать себя от мира, а жалеть себя — не выход.

Куин замечает мое одиночество по привычке бросаться ему навстречу, когда возвращается, спрашивать, как прошел день, какие планы на вечер, не нужно ли что-нибудь починить дома.

— Найди себе хобби, — не выдерживает он, когда возвращается после пьянки с коллегами, а я смотрю восемнадцатый сезон «Семейства Кардашьян», хотя неделю назад еще смотрела первый.

Порой в минуты мучительных раздумий я гадаю, не следовало ли искать работу с самого начала, когда Худа только-только меня уволила? Вдруг пробел в резюме все мне и портит — помимо самого моего имени, конечно?..

Я пока забросила «Инстаграм» Одилии, однако фото, где она с Томом и Тельмой Кей, закрепила среди вкладок. Я по-своему изучаю жизнь,

которая из-за меня застыла навсегда. Пытаюсь найти Тельму Кей. Ищу в «Гугле». Переступаю через себя и гуглю ее имя в сочетании с именем Тома. Ничего. Как испарилась. А может, Тельма — ненастоящее имя, только для соцсетей?

И вдруг, через две недели после переезда в город, мне пишет Пейдж:

Привет, Вера! Как раз тебя вспоминала. Не хочешь заглянуть в гости на неделе? Так, ничего особенного, просто посидим, пиццу закажем.

Когда Куин возвращается, я следую за ним по пятам и размахиваю перед его носом телефоном, пока он пытается приготовить ужин.

— Что делать? Сходить к ней? Странно, да?

Куин вздыхает, режет луковицу.

— Ей явно одиноко. Но ты свой долг выполнила, когда пошла на церемонию. Ты ей ничего не должна.

— Ну, это не ответ, — жалуюсь я, пока Куин высыпает нарезанный лук в сковороду.

— Ладно, тогда иди! Если, конечно, не разбередишь себе рану и все такое. — Он поворачивается ко мне под шкворчание лука. — Слушай, здесь я не могу за тебя решать. Я не был в твоей шкуре. И в ее тоже. Любое слово может плохо обернуться. Любой совет может оказаться неверным. Хотя в

твоем положении терять нечего.

Я чуть бледнею от последних слов. Куин посыпает лук специями.

— Если станет неприятно, больше с ней не общайся.

А вот тут он ошибается. Моя репутация в ее руках. Если бы хотела, она могла бы начать новую волну интернет-троллинга, всем рассказать: слухи не врут, я и правда бессердечная. Теперь-то, конечно, по новостям об этом не объявят, зато можно растравить «Твиттер». А это было бы некстати, я ведь ищу работу.

Из этого опасения и решаю ответить.

В прежней жизни я бы не удостоила Пейдж вниманием, а может, и презирала бы. Легко выкинула бы из памяти ее имя, ее саму и все, что с ней связано. Какая-то она проблемная, но не легкомысленная или забавная, чересчур старается над волосами и макияжем, и получается вычурно, некрасиво: пряди слиплись от геля, тональный на тон темнее нужного, да еще нанесен на оранжевый автозагар.

Впрочем, сейчас у меня выбор невелик. Она приглашает к себе следующим вечером, будто знает: планов у меня нет. Она права, но, наверное, мне нужно слегка возмутиться?.. Отбрасываю эту

мысль и стараюсь подобрать максимально спокойный, дружелюбный наряд. Нельзя одеваться, точно хочу ее перещеголять, указать на провинциальность. Мешковатые джинсы, голубая футболка, кроссовки «Адидас». Наношу капельку макияжа, собираю волосы в конский хвост.

Пейдж живет у подруги Одилии, Луизы Беннингтон — блондинки в бирюзовой тунике, с церемонии. Пейдж мне поведала за выпивкой: дом куплен для старшей дочери Луизы, но она сейчас живет в Нью-Йорке, поэтому Пейдж сама себе хозяйка в этом доме на Коббл-стрит.

— Безумно увлекаюсь недвижимостью. У меня отец в этой сфере работает. Этот дом вполне можно было поместить в «Архитектурном дайджесте», если бы только дочь закончила ремонт перед отъездом.

Я решаю пойти пешком; дорога займет больше часа, — надеюсь, на свежем воздухе голова прояснится, уйдет взбудораженность. По дороге я понимаю, что причины приезда Пейдж довольно туманны. Она якобы занимается юридическими вопросами, домом, еще чем-то подобным. Однако ничего конкретного она не объяснила, да и непонятно, почему ей поручили такие дела. Конечно, это не мое дело. А может, и мое — совсем

чуточку. Я забила Пейдж в «Гугле», хотела узнать о ее карьере и целях, но ничего не нашла, только упоминания в связи с сестрой. На «Линкедин» указано, что она работала на компанию-застройщика в пригороде Детройта.

Бруклин гудит. Прекрасный майский вечер, на улице тепло. Люди сидят на террасах ресторанов, пьют и болтают. Приятная атмосфера непринужденности, свойственная Нью-Йорку весной. Обычная встреча может перерасти в вечеринку, незнакомцы могут пообщаться у барной стойки, люди могут сблизиться.

Всеобщая радость и меня приободряет по дороге к Коббл-Хилл. Любопытство с предвкушением и делали прошлую весну такой интересной — до того, как произошла вся эта история. Вот почему я так быстро соглашалась на свидания с Томом, пала жертвой его чар. Искала новых ощущений, опыта и жизненных уроков после долгой серой зимы.

Наконец передо мной вырастает трехэтажный дом из красного кирпича со слоганом «Жизни чернокожих важны» на окне. Выглядит дружелюбнее, чем жилище Тома, если не считать подчеркнутую добродетель белых жильцов. Подхожу к жемчужно-белому домофону, перед

которым городская пыль почему-то не властна.

Пейдж тотчас открывает, будто ждала у двери.

— Вера! Добро пожаловать! — Она едва не душит меня в объятиях. На ней простая футболка с треугольным вырезом, под тоненькой хлопковой тканью просвечивает плохо подобранный бюстгальтер. Джинсы с неряшливой бахромой на штанинах. — Заходи, не стой! Я купила вина и нашла место, где заказать пиццу.

Она ведет меня в современную гостиную с открытой планировкой и окнами от пола до потолка. По стилю похоже на лофт, и потолки такие высокие, что встроенные светильники видно, только если сильно запрокинуть голову. Шторы опущены, комната погружена в полумрак. В кухню бреду на ощупь.

Пейдж, как и обещала, поставила на огромный стол с букетом «паучьих» хризантем бутылку охлажденного рислинга, два бокала и железное блюдо с сыром, крекерами и мясными закусками, красиво разложенными полукругом.

— Надо поливать цветы, и все. Раз в неделю приходит горничная, мне даже убираться не нужно. С ума можно сойти. Когда приехала, сделала кучу фоток. Хотя, наверное, постить их нельзя, не хочу подрывать доверие Луизы. Первый этаж

готов, но дочь Беннингтонов все забросила на втором этаже. — Пейдж отщипывает кусочек сыра и задумчиво жует, а я слежу за направлением ее взгляда. Он скользит по мраморному полу с шахматной раскладкой, по столешнице ручной работы в технике интарсия. — Знаешь, всегда думала, как там Одилия живет в Нью-Йорке. Она иногда присылала нам денег. Нет, мы не нуждались, ничего такого. Мои родители из типичного среднего класса, у них хорошие пенсионные накопления. Но от таких штуковин прямо голова кругом. — Она поднимает глаза к потолку, точно к небесам. — Ладно, а у тебя как дела?

Рассказываю о поисках работы, отпивая вино, и зубы ноют от холода.

— Да, отвратительно. Начальство только прибыль волнует, а не сотрудники.

Мы пьем дальше. Пейдж достает еще бутылку вина, вливает в себя больше половины, заказывает пиццу. Одилию больше не упоминает, словно хочет получше узнать меня. Спрашивает о детстве, переезде в Нью-Йорк. О семье, прежней работе. Знает «Магдалину» — однажды купила наши брюки на распродаже, они хорошие. Спрашивает, тяжело ли жить в Нью-Йорке, хватает ли средств, тянет ли тут остаться. Хочу ли я завести

семью. Какие у меня отношения с родителями.

Я отвечаю честно — то ли вино подталкивает, то ли открытое лицо Пейдж, ее ободряющая улыбка.

— Да, цены здесь неоправданно высокие, и все же я не представляю себя в другом городе. Это, можно сказать, судьба. Не знаю, как объяснить. Я все детство мечтала сюда переехать, и вот живу здесь уже десять лет, влилась в местный ритм. Понимаю, слова избитые, но так и есть. Наверное, уехать я могла бы только ради семьи. И не уверена, что хочу ее заводить.

Привозят пиццу. Пейдж не предлагает тарелки, мы едим прямо из коробки, горячий сыр стекает с моего куска на стол.

— Одилия никогда о Нью-Йорке не говорила, — вдруг заявляет Пейдж, обильно посыпая свой кусок красным перцем. — Просто однажды поставила перед фактом: мол, переезжает. А затем начала встречаться с Томом. О нем мы тоже почти ничего не слышали. Ни с того ни с сего решила. Мы даже не знали, работает она еще или нет. Все это очень странно. — Пейдж откусывает пиццу и мычит от удовольствия.

Я наливаю себе вина.

— Вы совсем ничего о нем не знали? Даже про

«Снапи»?

Пейдж качает головой, жуя.

— Мы знали, что он богатый. И друзья у него богатые — вероятно, так они познакомились, через ее новых друзей.

Вино придает мне отваги.

— Она себя переделала, да? Похудела, кое-что подправила по мелочи…

Пейдж ставит бокал на стол чуть более резко, чем обычно.

— Значит, заглядывала в ее соцсети?

Краснею, выпрямляю спину и призываю все самообладание.

— Да. Заглядывала в «Инстаграм». Хотела получше ее узнать. — Я поигрываю с ножкой бокала.

— Точнее, узнать ее прошлое, — кивает Пейдж. — Ты не одна такая. Эту смену образа хотели сделать гвоздем документального фильма, — небрежно бросает она, а я вздрагиваю и беру еще кусок пиццы. Тусклый свет красиво играет на лице Пейдж.

— Серьезно?

Конечно серьезно. Не я одна бросилась изучать Одилию, тем более в эпоху, когда зрителям только и подавай свеженькую криминальную историю. Наверняка они узнали побольше моего,

они-то не связаны с погибшей, с ее тщедушным, разлагающимся телом.

— Да. Сама ничего не понимаю. Родители тоже. Мы понятия не имеем, откуда у нее деньги. Когда началось все это преображение, мы Одилию несколько месяцев не видели. Якобы работа отнимала много времени. Ее соседка той осенью переехала, поэтому с ней связаться не получалось. Не помню, как ее звали… — Пейдж вдруг шагает через всю кухню, достает из домашнего бара бутылку отличного мескаля, разливает по стопкам и подает одну мне. — Такой только в личном самолете пить, честное слово. Надо медленно потягивать… Плевать. — Она опустошает свою порцию, не успеваю я даже попробовать напиток. — Как я уже сказала, друзья и коллеги Тома отказываются давать интервью и вообще ничего не рассказывают. Что-то там связано с компанией. Думаю, ни один продюсер не решит впутываться. Конечно, всегда можно снять фильм про само преступление, но это не так увлекательно. Все жаждут подробностей о личной жизни Тома и Одилии. Как они познакомились, какое у него было детство. А ответить на эти вопросы некому. Одилия как познакомилась с ним, так перестала открываться людям.

Делаю глоток мескаля. Вкус приятный, землистый, терпкий, обволакивает горло теплом.

— А ее друзья? Те, что устроили церемонию?

Пейдж тянется за мескалем; ее пальцы останавливаются на полпути к разрисованной агавами бутылке с длинным горлышком.

— Если что и знают, то молчат. — Она все-таки берет бутылку, наполняет стопку. — Мне пришлось разбирать тут вещи. Я искала хоть что-нибудь — дневник, фотоальбом, любой ключик к делам, мыслям Одилии. Ничего. — На сей раз Пейдж потягивает мескаль, предлагает мне еще, но я отказываюсь.

— А с родственниками Тома кто-нибудь пытался связаться? — Через донышко стопки разглядываю мраморный пол.

— Все умерли. Ну, есть у него еще брат, но он где-то в Центральной Америке, занят бог знает чем. Даже не знаю, устраивали Тому похороны или нет. — Пейдж пожимает плечами. — Может, и устраивали — друзья или компания. — Она вздыхает, делает еще глоток, смотрит на меня в тусклом сиянии свечи, и пламя отражается в ее глазах. Горящий взгляд. — Но я хочу узнать Одилию. — Голос вдруг твердеет, становится как толстое стекло без единой трещинки, словно она

не выпила ни грамма. — Хочу узнать о ее жизни здесь, кем она была, что делала, куда ходила. — Пальцы Пейдж пляшут вверх по моей руке, едва касаясь кожи, старый лак на квадратных ногтях нанесен неряшливо, задевая кутикулы. — Я едва знала сестру, когда она была жива, а теперь она умерла, и я понятия не имею, кого потеряла. А я хочу знать, каким она была человеком. Хочу узнать все невысказанные детали. — Пальцы останавливаются. — Ты можешь мне помочь.

Я вздрагиваю, едва не поперхнувшись алкоголем.

— Помочь?

Пейдж кивает, по-прежнему склонившись ко мне, оперевшись грудью на стол.

— Ее друзьям жалко меня, я ведь сижу тут одна. Приглашают везде… Но я не умею правильно держаться в таких местах, боюсь поставить себя в неловкое положение. А ты такая собранная, уверенная. Настоящая жительница Нью-Йорка. Работала в сфере высокой моды. Имела дело с такими людьми. Ты ведь заметила, как они вели себя на церемонии — даже не знали, как подступиться к нам, точно мы с другой планеты. Расскажи мне, как стать одной из них. — Пейдж едва заметно поджимает губы, сосредоточенно

хмурит брови.

Отодвигаюсь, скрещиваю руки на груди и оглядываю собеседницу.

— Надо подумать, — отвечаю я после небольшого молчания. — Лишь потому, что я перед тобой в долгу.

Откровенное признание — и неважно, правдивое или нет: я перед тобой в долгу, ведь я непредумышленно убила твою сестру.

Глава 3. Одилия

Десять лет назад

Одилия считала дни до следующего прихода Пери, даже отметила день в календаре цветом, максимально приближенным к пурпурному оттенку ее ногтей — насколько позволял старенький десятилетний компьютер. Отметка сияла на экране, словно драгоценный камень.

Наконец долгожданный день настал, но Пери опоздала и прошла мимо Одилии, не удостоив ее даже взглядом. Одилия сникла, точно под тяжестью окаменевшего сердца.

Зато она знала, во сколько Пери выйдет из приземистого оштукатуренного кабинета и исчезнет в свете заходящего солнца. Записав на прием мистера Эльфонсо, стареющего мужчину с недоверчивыми глазками и обветренной кожей, Одилия выключила компьютер, вышла из клиники немного пораньше и отправилась к машине.

Пери заранее оплатила прием. Никаких данных кредитки или страховки не осталось.

Тем вечером Одилии разрешили уйти пораньше. Она села в машину, причесала волосы, глядя

в зеркало заднего вида, поправила подводку, провела гигиенической помадой по тонким губам. Она могла все это сделать и в туалете для сотрудников с ярким искусственным освещением и белой плиткой, похожей на зубы. Но в машине сиделось свободнее. Можно было подготовиться к следующему шагу: выследить Пери еще до того, как выйдет на парковку.

Одилии никогда не нравилась собственная внешность. Впрочем, ненависти к ней она тоже не испытывала. Просто смирилась с участью. Она узнавала глаза матери, отцовские нос и губы, а также другие черты, из которых состояло лицо — уж какое есть. Конечно, ее нельзя было назвать уродливой. Но и особых надежд питать не стоило. При виде такой девушки не останавливаются машины.

Тело Одилии выполняло свою роль. Она редко о нем думала, разве только о каком-нибудь украшении, цвете ногтей и прочем. Как и всякая женщина, иногда Одилия бывала им недовольна. А в целом не придавала ему особого значения. Есть оно и есть.

Пери владела своим телом на все сто, вкладывала смысл в каждый шаг, каждое движение пальца, каждый поворот головы. Когда Пери

куда-то заходила, сам воздух, казалось, принимал ее форму.

Оставалось ровно две минуты до того, как Пери выйдет из клиники с зубной щеткой и нитью, которые выдавали после каждой чистки. Одилия вышла из машины. Потом, точно делала так каждый вечер, вытащила сигарету из свежей пачки, купленной по дороге на работу, закурила и прислонилась к машине, касаясь ягодицами дверной ручки.

Наконец из стеклянной двери с белой надписью вышла девушка и направилась к парковке. Одилия даже издалека могла разглядеть, как подпрыгивают волосы Пери — сверкающий каштановый буй в море машин, офисов и асфальта.

Одилия задержала дыхание. Вдохнула никотин. Выдохнула. Миг — и Пери уже шла к ней, к ее машине. Одилия слегка помахала рукой с сигаретой, прямо как тренировалась дома перед зеркалом. Легкий, почти небрежный жест.

Пери перехватила ее взгляд и улыбнулась.

— Похоже, я плохо на тебя влияю, — заметила она, медленно шагая к Одилии.

— Ты была права. Расслабляет лучше жвачки, и зубы не так портит.

Пери рассмеялась, — будто ветер пронесся но-

чью среди голых деревьев.

— Можно стянуть одну? — Теперь она стояла рядом с Одилией. От нее пахло гиацинтами; Одилия неуклюже шарила в пачке, едва не уронила сигарету, перед тем как отдать Пери. — Ты мне больше понравилась, чем сегодняшняя помощница. Ты решительнее. А та прямо тряслась, что у меня припадок начнется от малейшего движения.

Одилия тихо хихикнула.

— Боль того стоит, — продолжила Пери. — Хочу, чтобы из десен шла кровь. — Они молча глядели на ряд машин, слушали шум за живой изгородью у ворот стоматологической клиники. — Что сейчас делать будешь?

Сердце Одилии бешено забилось.

— Поеду домой, телик с соседкой посмотрю, — сказала она ровным голосом, несмотря на дрожь в руках. Она сама не понимала, почему так волнуется, преклоняется перед Пери, хочет ее впечатлить, даже стать ею.

Она знала лишь одно: ничто так ее не будоражило, как эта девушка. Нет, не в сексуальном плане. Пери словно открывала портал — прыгнешь наугад, и узнаешь тайну мира. Упоительное чувство.

— Хочешь выпить?

Вопрос риторический. И обе это знали. Минуты не прошло, как Одилия уже выезжала с парковки следом за Пери. Смотрела на машину впереди и волновалась: как бы не исчезла вместе с новой знакомой.

Вайнек — прибрежный городок, все лето привлекающий туристов с Северо-Востока. Как во многих других курортных местечках, в Вайнеке местные и туристы ходили в разные заведения, жили в разных районах, ели разную еду. Одилия с детства видела, как сменяют друг друга люди, как дома открываются на День поминовения и закрываются в сентябре, после Дня труда. Каждый май сонный городишко преображался, и заваленные хламом витрины магазинов сияли чистотой, стоило первой семье туристов пройтись по главной улице. Богатство клиентов составляло странный контраст с повседневной жизнью: «ягуары», яхты, элитные магазины, где продавались свечи по пятьдесят долларов и комплекты свитеров по цене подержанной машины.

Экономика города зависела от туристов. Отец Одилии работал в риелторской компании «Чартер-сейлс»; коренной житель, он трудился там со старшей школы. Ее мать работала учительницей

и вела летнюю продленку, куда белые мамаши, разбалованные школьным расписанием, сбагривали детей с девяти до трех.

Облик Вайнека во многом граничил с безвкусицей: роскошные дома в двух шагах от океана, обложенные высокими налогами, требующие дорогой страховки, — и в то же время без центрального кондиционирования, клумбы с гортензиями несуществующих в природе оттенков, кричаще-зеленые лужайки. Большой отрезок побережья разделили на несколько частных пляжей, а что осталось — отдали в общественное пользование; песок там белел, точно волосы детей, которые строили замки, купались в мутных водах и изредка в них тонули.

Когда наступала осень, город выдыхал с облегчением и тревогой: размеренная жизнь и тоскливые зимние месяцы наводили жителей на раздумья. Они стреляли оленей, а временами, после нескольких бокалов скотча, подзуживали друг друга нырнуть в океан аккурат перед первым снегом.

Одилия неспешно следовала за Пери и гадала, какой бар она выберет. Они ехали к воде — скорее всего, к «Лачуге краба», известному среди туристов месту, которое в полночь по выходным

превращалось в клуб. К слову, после полуночи владелец и цены поднимал вдвое, но посетители редко это замечали в тусклом свете, да и сами они были слишком пьяные, чтобы заглядывать в счет.

К удивлению Одилии, Пери остановилась у «Оболтусов» — городского кабака, где никогда не красили фасад, не мыли окна и не пытались заглушить запах рыбы, идущий с причала. Обычно эта подчеркнутая неряшливость отпугивала туристов. Но, похоже, не Пери.

Она выбрала столик с видом на пристань, где торговцы рыбой лениво плавали рядом с маленькими яхтами. Очень характерно для Вайнека, Одилия даже улыбнулась.

Пери подозвала официанта и тотчас заказала апероль.

— Тебе понравится, обещаю. Ну, расскажи о себе, — попросила она, наклонившись к Одилии. На ней было платье-футболка, из вышитых пайетками вишневых ртов торчали языки.

Одилия склонила голову набок. Слишком просто она оделась для такого случая: неопределенного стиля джинсы, хлопковая футболка от «Эйч-энд-эм», кеды. Точно ребенок, подражающий взрослым. Хотя Пери вряд ли намного ее

старше. В этом тоже крылась ее особенность: Одилия никак не могла угадать, сколько ей лет.

— Рассказывать особо нечего. Я прожила здесь всю жизнь. — От этих слов защипало язык, а во рту появился противный вкус. А ведь это правда. Ничего интересного. Почему Пери ждала от нее большего? Почему этой простой и понятной истории жизни было мало?

— Уже что-то. Я вот перебралась в Нью-Йорк из Флориды. Никогда раньше не ездила на летний отдых. — Официант принес коктейли. — За тебя.

Обе отпили апероля. Одилия теребила бусины на браслете.

— Ты сказала, во мне есть решимость. Когда мы впервые встретились. Не понимаю, что ты имела в виду.

Пери откинулась на спинку, поглядела над головой Одилии, как неверным шагом сходят с лодок босые рыбаки, вновь перевела взгляд на Одилию.

— По тебе видно: ты хочешь другой жизни. Ты уже отличаешься от друзей и родителей. Если слишком глубоко копнуть, внутри тебя можно найти железный капкан. Ты укусишь. — Пери посмотрела на Одилию над ободком бокала, испытующе разглядывала ее лицо, словно любо-

пытную научную находку.

Одилия глотнула еще апероля. Она хотела узнать больше о девушке, которая занимала все ее мысли, которая с уверенностью говорила такие невообразимые слова. Которая намекала: возможно, Одилия знает саму себя не так уж и хорошо.

— А ты способна укусить?

Пери постучала пальцами по столу.

— А разве не ясно? Скорее даже, вцепиться когтями.

И начала рассказывать, а Одилия жадно ловила каждое слово, точно строки из Священного Писания, точно собиралась прочесть их на ночь вместо молитвы.

Пери родилась в Санкт-Петербурге, штат Флорида. Когда ей исполнилось шесть, семья переехала в Майами. Отец работал в строительстве, мать — домработницей. Когда Пери исполнилось одиннадцать, отец умер. Они с братьями, сестрой и матерью пошли к тете на день рождения. Пери вернулась домой пораньше: у нее начались месячные и очень болел живот. На входе ее обдало ужасным запахом. Сначала она подумала, что где-то валяется грязный памперс. Пошла в ванную взять обезболивающего и полежать немного. В

шкафчике над раковиной лекарства не нашлось, поэтому Пери пошла в спальню родителей, порыться в прикроватной тумбочке — конечно, это не разрешалось, но очень уж сильно мучила боль. Там она и нашла отца — он висел на собственном ремне, мертвый. К тому же обделался — так обычно случается с теми, кто вешается, как-то связано с расслаблением сфинктеров.

Одилия поднесла руку ко рту. Она никогда не слышала, чтобы о смерти говорили так откровенно и дерзко, как Пери. И страшно, и увлекательно. Губы Пери обхватили соломинку, оставили красный след. Пери рассказывала очень оживленно, ее лицо стало еще ярче и выразительнее, глаза горели и широко распахивались на каждом интересном повороте.

После того случая на нее повесили троих младшеньких, пока мать зарабатывала на жизнь. Пери ненавидела с ними сидеть. Ненавидела следить за детьми, которых не заводила, которые не могли оценить ее жертву — ведь ей пришлось позабыть о детстве и стать им матерью. Пери сказала: когда накатывала злость, она вечерами запирала их в комнате со сладостями и игрушками, а сама уходила гулять. Иногда, когда возвращалась, кто-то из них оказывался в испачканных штанишках.

Тогда она шлепала непослушного ребенка и велела привести себя в порядок.

Одилия спросила, куда шла Пери, когда оставляла младшеньких дома.

— Куда угодно. Никуда. К друзьям домой. Ходила сама по себе часами. Хотела побыть одна, подальше от них. Они напоминали о моей унылой жизни. А в городе даже пахло иначе. Свободой выбора. Куда ни кинь взгляд, всюду дерьмо отца, всюду этот запах. Даже когда мы съехали с той квартиры, он преследовал меня, душил.

Когда Пери исполнилось пятнадцать, она поступила с детьми как обычно. К тому времени брату исполнилось одиннадцать, он уже сам мог приглядывать за младшими. И Пери ушла на пляж, безлюдный из-за ветреной погоды, сидела у волн, смотрела на океан и представляла свою жизнь через пять-десять лет, когда уедет подальше от семейства. Несколько часов просидела на берегу. Решила уехать из дома в следующем году, когда исполнится шестнадцать. Она уже знала цену своей красоте. Мужчины разглядывали ее без всякого стеснения, даже в самой скромной одежде. Она знала: красоту можно использовать, она поможет пробиться в жизни.

Однако целый год ждать не пришлось. Когда

Пери вернулась домой, там никого не было. Ушли в больницу. Семилетний брат выпал из окна. Чудом остался жив, но его маленькое тельце сломалось. Маленький мозг истекал кровью. Пери должна была за ним приглядывать.

Ее выгнали из дома. Мать велела собрать вещи и сейчас же уйти.

Вот она и ушла.

Пери приукрасила остальную историю. Сказала, что начала спать на диване у друзей, потом ее взяли в модели, как она и ожидала. Она изучала другую жизнь быстро и жадно. Не виделась с родными с тех пор, как мать ее выгнала, и ничуть не возражала: семья — это яд, не дающий жить свободно, требующий безусловной верности, которая попросту не заслужена. А теперь Пери в Вайнеке, с богатым парнем, любуется чудесными видами на океан. Запах дерьма здесь ее не преследует. Она все для этого сделала.

— Ого! — удивилась Одилия, потягивая напиток. Лед таял медленно, несмотря на жару. — Вот это история! Видишь, у тебя есть решимость. Можешь укусить, вцепиться когтями — называй как хочешь. — У Пери каждое слово было метко, красиво — даже когда она говорила о столь неприятных предметах. Одилия могла часами

слушать ее рассказы. — А я ничего такого не пережила. У меня скучноватая жизнь.

Пери причмокнула губами, наклонилась к ней и прошептала:

— Твоя жизнь только начинается.

Они еще выпили. Пери спросила Одилию о семье, сестре, мечтах детства. Одилия ответила: она ни о чем эдаком не мечтала, не хотела стать принцессой или космонавтом. Родители никогда ее не подталкивали вперед, как Пейдж, это даже грустно — они не верят в нее.

— Я стараюсь быть хорошим человеком, — заплетающимся языком объяснила Одилия. — Хорошей гражданкой. О большем не прошу.

Пери кивнула без всякого осуждения.

— Туристов сложно отличить от местных? — спросила она, обмакивая крекер в соус пименто.

Одилия покачала головой.

— Нет, мы живем отдельно друг от друга. Ходим в разные места, на разные пляжи. Я выросла среди вас, знаю вас в лицо, по имени, с кем-то общаюсь. Но вашей жизнью мы никогда особенно не интересовались. У нас своя гордость.

— Полагаю, нас приятно презирать, — заметила Пейдж, и Одилия невольно кивнула. Ведь это правда, пусть Одилия и не думала об этом в таком

ключе. Наверное, дело крылось в зависти.

Пери заплатила за всю выпивку. Положила «Американ экспресс» на стол, и официант унес карту, не успела Одилия возразить. А когда карту вернули, Пери взяла Одилию за руку и они пошли к пляжу, подальше от машин; шагали нога в ногу, размахивали руками в такт. Когда добрались до пляжа, Пери рухнула на влажный песок, и волны щекотали кончики ее волос. Одилия к ней присоединилась. Было темно. Полнолуние. Свет исходил лишь из окон домов над пляжем.

Они долго молчали, прислушивались к шелесту волн, не отпуская рук.

— Расскажи мне секрет, — шепнула Пери. — Такой, которым ни с кем не делилась.

Ее дыхание обжигало Одилии щеку, даже мурашки по спине побежали. То место на щеке, по которому Пери провела пальцем, все еще горело.

Секрет? А у нее разве есть секреты? У всех они есть. Может, украли что-нибудь из семейного магазинчика; может, списывали на контрольной; может, не вмешались, когда сестру напрасно обвинили в проделке. Секрет, которым ни с кем не делилась? Одилия прикусила губу. Она подумала о разговоре с Пери, о том, что та в ней увидела. И до сих пор не понимала, почему Пери пригласила

ее выпить вместе. Да у такой, как Пери, явно есть куча дел поинтереснее, чем сидеть с провинциальной простушкой. У Одилии даже не хватило решимости спросить. Может, в этом и крылась ее беда? Она низко себя ценила и не могла поверить, что кто-то искренне хочет ее послушать, узнать ее мысли и мнение.

Одилия сглотнула. Повернулась лицом к Пери. Во тьме белки ее глаз сияли, как маленькие луны.

— Думаю, мои низкие ожидания от жизни не давали мне просить большего, желать большего. Я будто… невидимка и всегда считала: такова моя судьба. Средненькая внешность. Средненький ум. Средненькая жизнь. — Она выдохнула, положила руку на живот и обвела пальцем пупок. — Но после встречи с тобой я вижу больше возможностей. Уже не чувствую себя такой… задавленной.

Пери коснулась ее лица в том же месте, что и в прошлый раз, только провела по щеке всей ладонью.

— Я тебя разглядела.

У Одилии запылало лицо. Наверное, Пери чувствовала жар ее кожи.

Глава 4. Вера

Сейчас

Просыпаюсь с похмелья, чувствую запах бекона на сковородке и хлеба с корицей в тостере, но не двигаюсь с места — пытаюсь разобраться в событиях прошлой ночи.

Я вышла от Пейдж вскоре после ее невообразимой просьбы; в голове уже пульсировала боль от мескаля и вина. Она уговаривала меня остаться, посмотреть фильм, еще выпить, может, даже сходить куда-нибудь. Но чем дольше я сидела там с запотевшими бокалами на столе, тем больше удивлялась, что я вообще там делаю с Пейдж, с ее знакомым лицом и вопросами, на которые невозможно ответить.

Я тогда еще сообразила, почему Пейдж не могла без моей помощи протиснуться в чванливые круги нью-йоркских знакомых Одилии. Ее осветленные волосы напоминают солому, накладные ресницы слишком длинные, макияж тяжеловат, автозагар, если так сильно хочется им пользоваться, должен быть на два тона светлее.

Но стоит ли сильнее погружаться в эту траге-

дию? Это все равно что выбежать на автомагистраль. Или броситься на рельсы прямо перед поездом. Разве цель оправдывает средства? И что вообще задумала Пейдж?

Встаю и надеваю толстовку, уже заполдень. С кухни слышны приглушенные голоса, доносятся те же запахи, только слабее. Видимо, у Куина гости. Пригласил кого-то на ночь? Надеваю хлопковые шорты на случай, если дома незнакомец, тихо приоткрываю дверь и выскальзываю в узкий коридор на кухню и гостиную.

Куин сидит за столом, который мы обычно раскладываем для гостей, с ним Сэм. Видимо, у них опять перемирие. К слову, Сэм из числа тех, кому я писала, просила о помощи и надеялась хоть на какую-то соломинку в полном отчаянии, а получила равнодушную отписку.

Куин с Сэмом разговаривают, потягивают «мимозу», по столу струится красивый искусственный свет, посредине стоит синяя ваза с розовыми тюльпанами. Оба в стильных спортивных брюках; на Сэме укороченная футболка, а худи Куина красиво подчеркивает цвет лица. Они все съели, лишь несколько капель сиропа блестит на пастельного оттенка тарелках, на покупке которых настоял Куин. Очевидно, я здесь

третья лишняя.

Сэм смотрит на меня над ободком бокала и с улыбкой машет.

— Куин думал, ты запрешься у себя до вечера. А ты явилась! Давай садись. Выпей.

И почему меня вечно угощают выпивкой? Не успеваю отказаться, как Сэм щедро наливает мне просекко, да еще немного свежевыжатого апельсинового сока, который явно не стоит своих денег. Беру стул и сажусь с ними, поджав под себя ноги.

— Есть еще яйца и все такое, если хочешь перекусить, — говорит Куин, но я решаю просто посидеть. Целый год почти ни с кем не общалась, и две новые встречи подряд меня здорово утомляют.

— Хорошо выглядишь, Вера. — Сэм наклоняется оценить несвежее дыхание, смазанную подводку и воронье гнездо на голове (я вчера вырубилась, кое-как расчесавшись).

— Ха-ха, — хмуро отзываюсь я. — Куин забыл предупредить, что ты придешь. Я рада тебя видеть. Правда.

А если серьезно? Оглядываю Сэма. Рассеянный свет окружает его аурой. Афроприческа короче, чем раньше, большие карие глаза сверкают, ста-

ли еще заметнее прежнего.

— Хотя мог бы и пораньше заглянуть, если честно, — продолжаю я. — Уж от тебя холодного приема не ожидала. — Слова невольно срываются с губ. А впрочем, приятно кого-то отчитать.

Сэм ничуть не смущен, даже бровью не ведет.

— Для танго нужны двое. Меня твое поведение достало. Я месяцами тебя приглашал на все фотовыставки, а ты не удосужилась даже прислать письмо с отказом. В прошлом году у меня мама заболела, а ты не предложила помочь. Надо побросать все дела, потому что тебя с работы уволили? Да ладно! — Он говорит без затаенной обиды, просто объясняет, как есть. Мне крыть нечем. Я ни разу не съездила в его художественную резиденцию в Хадсоне, хотя она совсем близко к маминому дому.

Пощипываю кончик носа. Так и хочется заорать: меня не просто уволили!.. Однако Сэм прав, как бы ни язвил. До всей этой истории работа для меня была важнее близких. И я скучаю по ней, скучаю по занятию, от которого аж голова кипела. А сейчас мне нужны союзники.

— Ты прав. Ты прав, доволен? Извини.

Сэм кивает.

— Обычно такого извинения мало, но тебя в по-

следнее время помотало, поэтому сойдет. Хочешь послушать, как у меня дела?

Киваю, и Сэм начинает рассказ, вытянув и скрестив ноги, словно хочет показать: он здесь надолго. У него скоро фотовыставка, будет показывать снимки чернокожего населения города Вудлон, откуда родом его отец, а еще он фрилансит, занимается графическим дизайном для маленьких компаний, сейчас — для садоводческой компании, у которой темнокожие владельцы. Резиденция пошла ему на пользу, помогла отдохнуть от города.

— А у тебя так же было? Когда ты уехала?

Вопрос с подковыркой, можно сказать, злой. А чему удивляться: поэтому я и поладила с Сэмом в колледже. Сразу поняла, что подружимся — он был такой самоуверенный, долговязый и остроумный, как Куин, только поязвительнее. Не назвала бы его злым или черствым, но была в нем резкость — она-то меня и зацепила, благодаря ей я стрельнула у него сигарету после пар.

Выдавливаю смех, пытаясь сохранить самообладание.

— Да, хороший получился отдых от скучной повседневности, у меня ведь в жизни ничего интересного не случается. Природа — лучший

лекарь.

Куин прыскает, и я бросаю на него благодарный взгляд.

— Кстати, как прошел вечер?

Можно бросить «нормально» и обо всем забыть, стереть тот вечер из памяти. Однако из-за Сэма, гостя из прежней жизни, я подавляю это желание. Мне нравится Сэм. Наверное, стоит получше относиться к людям, больше им доверять.

— Черт-те что получилось. И сама она странная. Мрачная, неприятная история, даже не знаешь, как поступить. Думаю, нам больше не стоит видеться. Вряд ли я в состоянии дать ей то, что нужно. Кстати, ты ошибся, она хочет вовсе не примириться с трагедией и все такое. — Допиваю «мимозу», на донышке плавает мякоть.

— Меня не вини. Я сказал: поступай как хочешь.

— Не виню, — вздыхаю я. — Честно. Такова уж моя жалкая жизнь, вот и все.

Сэм наклоняется над столом, кладет подбородок на руки.

— У вас свой язык, это я давно понял, но я вообще-то ваш гость, а вы меня исключаете из разговора. Эй! Я тут! О ком речь?

Начинаю рассказ: о разговоре на церемонии,

о странном утешении, которое нашли во мне близкие Одилии, об одиночестве Пейдж, ее жажде найти друзей в Нью-Йорке. Объясняю: чем больше я с ней говорю, тем больше она спрашивает о том, чего я и сама толком не знаю, а горе ее близких куда сильнее, чем я думала, ведь они совершенно не понимали Одилию. Пейдж хочет узнать больше о сестре, ее жизни. Хочет сблизиться с богатыми жителями Бруклина и просит меня помочь. Все это я рассказываю.

Даже об «Инстаграме» Одилии рассказываю, и Куин встречает мое откровение удивленным взглядом: я ни словом не обмолвилась о своих ночных поисках.

— Наверное, Пейдж хочет все понять и наконец успокоиться, а я не могу ей в этом помочь. Жаль, конечно. С другой стороны, тянет послать ее к черту вместе со всеми заморочками. Но так я тоже не могу поступить.

Повисает молчание. На улице кто-то ругается за парковочное место, и я прислушиваюсь к ссоре, а сама жду ответа от Сэма — от кого угодно, лишь бы не молчали.

— Ты права. В «Инстаграме» Одилии искать нечего, — как ни в чем не бывало заявляет Сэм, точно мои мысли озвучивает. Куин удивленно

хмурит брови. — Я тоже там рылся, признаю. Ты права, Вера. В мире много киберсыщиков, которые интересуются жизнью Одилии так же, как ты и ее семья. Я тоже заметил преображение, как в фильме «Бестолковые». А после — ничего интересного. Профиль у нее опять становится скучным. Хотя да, она переезжает в Нью-Йорк.

Сэм собирает тарелки и кладет в раковину на кухне.

— Что за фигня? — бормочет под нос Куин. — Ты дружишь с человеком, у которого вся жизнь наперекосяк из-за этой истории, а сам следишь за убитой, словно за бывшей подружкой? Ты в своем уме?

Куин говорит тихо, сдержанно — явный знак, что потихоньку закипает. Сэм поводит плечами.

— Любопытство, только и всего. Зачем было делиться с Верой? Странно как-то. Я сам провел расследование. Ты же знаешь, я всегда такое любил. Я первым из твоих знакомых начал слушать «Мое любимое убийство». И вообще, сейчас-то она знает. — Сэм поворачивается ко мне. — Вера, ты злишься, что я изучал ее страничку, не спросив тебя?

Я вдруг чувствую ужасный голод — звон посуды вызвал отклик, как у собаки Павлова. Молча

встаю, беру остывшую яичницу с беконом, сажусь обратно и уминаю еду, прежде чем дать ответ. Куин и Сэм ждут на своих местах: Сэм у входа в кухню, Куин на стуле, словно мы на картине и застыли на месте.

— Нет, не злюсь, — наконец отвечаю я, вытирая жир от бекона с губ. — Кошмарная история. Конечно, тебе стало любопытно. Особенно если учесть, что ты знал ключевую участницу.

Кажется, сама комната облегченно вздохнула. Куин наливает себе остатки просекко. Сэм садится на место.

— Хочешь совет? Наверное, ты и сама об этом думала.

— Валяй. — Я пожимаю плечами.

Сэм потирает ладони, как злодей из мультика.

— Используй ее. Используй Пейдж для восстановления репутации. Потрясающая история, правда? Любовница и скорбящая сестра объединились в своем горе. «Любовь сближает даже тех, кого связывает убийство». Для тебя это очень полезно. И потом, ей вроде бы одиноко? Тем лучше. Ты ей окажешь услугу. — Сэм распахивает глаза в предвкушении. — И наконец, гвоздь программы. — Он поворачивается к Куину. — Статью напишешь ты.

Куин от удивления стукнул бокалом.

— Я? С ума сошел?

— Немного. — Сэм лукаво косится на меня. — Все в курсе, как ты устал перебирать бумажки. Ты, конечно, делаешь вид, что так уж все устроено, якобы благодарен за работу с «легендами журналистики». — У Куина такой вид, будто вот-вот задушит Сэма, однако тот поднимает руку, требуя тишины. — Не отпирайся. Тебя никто не винит. Мы знаем, что ты талантливый. У тебя призвание. Вера, узнай Пейдж как следует, делай все, что она попросит. А потом в нужное время подкинь идею: мол, мой приятель-журналист намерен написать о нашей дружбе. Ты его знаешь много лет, он отнесется к этой истории с большим уважением, он хочет для тебя наилучшего, не станет на вас давить, бла-бла-бла. — Сэм выдерживает паузу для пущего эффекта. — А самое главное, что-нибудь важное может и всплыть! Вдруг Том изменял жене еще с кем-то? Был склонен к жестокости? Куин, ты получишь эксклюзивный доступ к самому громкому преступлению среди белых нью-йоркцев со времен убийства детей Крим! Карьера пойдет в гору! А тебя, Вера, все станут жалеть! Оба в выигрыше. Для себя попрошу одно: когда придет время, фотографировать буду я.

Мы с Куином молча пялимся. И вдруг Куин выдает:

— Ты рехнулся. И все же порой самые безумные идеи — самые лучшие. Только давай спросим Веру.

Подступает отрыжка; я прикрываю рот рукой. Сэм и правда рехнулся. Хотя он прав. Если о моей дружбе с Паттерсонами узнает свет, я смогу найти работу. От меня не будут шарахаться, как от прокаженной. Я помогу Пейдж в ее стремлениях. Судя по всему, особо напрягаться не нужно, только выпивать с ней, подсказывать, как вписаться в компанию Одилии, и сделать ее похожей на человека, а не простушку из глубинки.

— Ладно, ладно. Но мне нужна поддержка. Не собираюсь ввязываться в ее проблемы, не зная плана игры.

Куин и Сэм кивают.

— Как захочешь, так и сделаем, — обещает Куин.

Глаза Сэма сияют.

— Напиши Пейдж. Скажи, что хочешь встретиться. Чем раньше, тем лучше.

Достаю телефон, но она меня опередила — написала без всякого приветствия:

Рути Кэролл, соседка Одилии, пригласила на

ужин с ней и подругами Одилии из книжного клуба. Поможешь?

Глава 5. Одилия

Десять лет назад

Одилия несколько дней не получала вестей от Пери.

Каждую свободную минуту она проверяла телефон — хватала, потом бросала на кровать и глядела, как он отлетает на пол. Прятала от самой себя под диванными подушками; дожидалась, пока разрядится, и смотрела телевизор.

Сколько ни проверяла — ни одного сообщения.

Ее соседка Китти, похоже, не замечала молчаливости Одилии. Болтала, пока они смотрели «Холостяка» — такая у них была традиция, — и подмечала, какая участница слишком навязывалась, какая вела себя непристойно, а какая имела шансы на победу. Одилия знала Китти всю жизнь, они вроде как были лучшими подругами. Вместе отучились в школе, на обочине школьной жизни, иногда ходили на вечеринки и ни во что не ввязывались; после выпуска бывшие одноклассники тотчас забыли их имена.

Китти тоже училась в общественном колледже, а еще работала на отца, который владел мини-

маркетом в городе. Раньше Одилия считала, что Китти ей нравится. Она знала о подруге все — ее любимые фильмы, запах ее ног, когда пропускала душ. Теперь же, когда Китти надоедливо пищала Одилии в ухо, ей хотелось прихлопнуть соседку, как раздувшегося комара.

Она заявила с другого конца дивана:

— Ты им просто завидуешь. Ты бы с радостью и навязывалась, и вела себя непристойно. Что угодно бы сделала, лишь бы не сидеть на этом коричневом диване, скрипеть зубами, ковырять ногти на ногах и работать на отца. Что угодно. Ты просто тормознутая серость, и ничего с этим не поделать.

Одилия ушла, а Китти с открытым ртом смотрела ей вслед.

Одилия ушла к себе — подумать о Пери.

Конечно, чувство было знакомое. Похожее на влюбленность, когда после свидания ждешь сообщения от парня. Нет, она не влюбилась в Пери. Чувство было сильнее, поглощало все мысли. Она жаждала ее присутствия. Хотела искупаться в ее сиянии. Хотела ее внимания, видеть ее улыбку. Хотела, чтобы природная уверенность Пери окутала ее одеялом.

На четвертый день Одилия заволновалась.

Ковырялась в деснах, кусала кутикулу. Проигрывала в голове тот вечер на пляже, их признания, рассказ Пери о детстве. Неужели она, Одилия, ляпнула что-то не то? Бросила небрежную фразу, а Пери ее восприняла слишком серьезно? А может, Пери проснулась и недоумевала, зачем потратила время на такую как Одилия?

На работе она никак не могла сосредоточиться. Подала не то лекарство. Перепутала расписание, на один день назначила слишком много пациентов, на другой — слишком мало. Перестала слушать гигиениста Елену, витала в облаках во время их утренних разговорчиков.

— Что с тобой? — спросила Елена, когда они ели пончики.

— Ничего. Просто месячные.

Она не хотела есть. А когда смотрела на крошки от пончика, вспоминала Пери, ее тоненькие руки и фигурку, способную уместиться меж двух вплотную припаркованных машин.

Жизнь виделась в серых красках — клише, конечно, зато правда.

Китти перестала с ней разговаривать, перешла на молчаливые нападки — например, оставляла в раковине немытую тарелку. Одилию это ничуть не волновало.

Маленькие удовольствия вроде лучей солнца на спине или прохладного постельного белья после рабочего дня теперь переплелись с воспоминаниями о Пери, ее молчании. В тесном мирке Одилии Пери внезапно стала олицетворять все веселое и увлекательное.

И вдруг на седьмой день одиночества звякнул телефон, и Одилия увидела на экране имя, которое мечтала увидеть уже целую вечность.

Давай сходим погулять!

И комментарий под ее постом в «Инстаграме».

Они снова встретились. Поужинали. Сходили за покупками. Сходили в кино. Лежали на пляже утром субботы, пили «мимозу», заходили в воду и наслаждались солеными морскими брызгами под хмельком.

Лежали на диване Одилии, смотрели телевизор, постоянно нажимали на паузу и перемотку: за обсуждением происходящего они забывали о сюжете, приходилось смотреть заново.

Пери, несмотря на недомолвки, завораживала Одилию. Одилия следовала за новой подругой, едва не наступая ей на пятки, и в спальне, и в ванной, и в супермаркете, точно ястреб, охотящийся на мышь. Или как дитя — дитя, которое знает, чего хочет, и обязательно получит желаемое почти

без возражений. Зловеще и трогательно.

О чем они разговаривали? В основном Пери неспешно и со вкусом рассказывала о своей жизни.

— Мы с нынешним парнем познакомились в клубе. Я встречалась с другим мужчиной, намного старше. В ту ночь он впервые отпустил меня повеселиться. Я сразу приметила в толпе своего нынешнего — эдакий щеночек с испуганными глазами. И захотела его себе, забрать его из приюта для бездомышей. Мы вместе уже три года.

Одилия очень удивилась, что Пери куда-то не пускали, а она слушалась. Та лишь пожала плечами.

— Так уж у нас повелось. Если ты молодая, а встречаешься с мужчиной под пятьдесят, этого не избежать, сама понимаешь. Он обо мне заботился, учил разному. Без него я бы такой не стала.

Одилия чуть рот не раскрыла от такого признания. Пери будто бы сотню жизней прожила в свои двадцать пять.

— Вот бы и мне кто-нибудь подсказал, кем быть! — воскликнула она. — Я даже не пойму, что мне нравится в жизни — ну, кроме самого очевидного. В прошлом году я ходила на курсы дошкольного образования, но это потому, что

у меня мама учительница. Честно говоря, не очень-то хочу учить других. А кем хочу стать, не знаю. Воображение не идет дальше нашего города. Не знаю почему. — Она подумывала соврать, выставить себя в более интересном свете, но испытующий взгляд Пери требовал правды, вытягивал правду, как червя из почвы.

Пери спросила о личной жизни Одилии, ее парнях.

— Ты гетеро? — в лоб поинтересовалась она однажды вечером, когда они шли по каменистому пляжу на краю Вайнека; острые камешки царапали ступни, и Одилия держала Пери за руку, как когда-то маленькую Пейдж.

— Я гетеро, — без раздумий ответила Одилия. Она никогда не испытывала к женщинам влечения. Конечно, могла позавидовать внешности и изяществу девушки, но они не пробуждали в ней сексуального интереса.

Вопрос ее не смутил, хотя если бы его задал кто-то другой, могло получиться иначе.

Пери часто приходила к Одилии — говорила, у парня вечно коллеги в гостях, и бумаги всюду разбросаны, не хочется ему мешать. Собственно, поэтому они приехали в Вайнек: парень Пери занимался бизнесом, а здесь отдыхал крупный

инвестор. Одилия вопросов не задавала.

— Мне здесь удобно, — не раз признавалась Пери. — С тобой можно расслабиться. Иногда я словно задыхаюсь, чувствую себя лишь зеркалом, отражающим статус мужчин.

А вот Китти, конечно, присутствие Пери смущало, особенно когда та заваливалась в кухню по утрам и горстями ела чернику, которую Китти покупала специально для оладий.

— А за съем она платит? — холодно поинтересовалась Китти, перехватив Одилию в гостиной.

Одилия только глаза закатила.

— Она у меня в гостях. Прояви уважение. Вчера пришлось для нее чистить слив в душе, все забито твоими волосами.

Китти ахнула от такого тона, жестоких и злобных слов.

— Да что на тебя нашло?! — обиделась она и убежала в спальню, хлопнула дверью.

В прошлой жизни, когда Одилия была бесхребетной, она бы расстроилась. Вымаливала бы у Китти прощение. А теперь не расстроилась бы, даже если бы захотела.

* * *

Однажды Одилия с Пери стояли голыми перед зеркалом в ванной. Они ходили купаться; кожа Пери блестела от загара, крепкая грудь стояла, ноги были стройными, сильными. Даже без макияжа Пери выглядела изысканно, аппетитно, а гладкая чистая кожа напоминала глазурь.

Одилия не удержалась от сравнения — да и как иначе, когда рядом девушка, уверенная в себе даже голышом. Зона бикини у нее была эпилирована воском, упругие ягодицы привлекали внимание. Пери сушила волосы полотенцем, проворно терла им длинную гриву темных волос. Когда она закончила, перевела взгляд на Одилию: та уже рассматривала себя в зеркале. Она считала свое тело полезным: оно позволяло ходить с места на место, видеть, ощущать запахи, *жить.* Однако рядом с Пери она себе казалась не просто голой — с ней точно сняли кожу, и кости у нее были кривые, не на своих местах, а лицо, широкое и бесформенное, напоминало скорее рыхлый комок плоти, натянутый на череп.

Одилия наклонилась к зеркалу, потрогала горбинку кривого носа, потерла руками щеки, точно от этого в коже появится коллаген. Хотелось

растопить лишнюю плоть, срезать ножницами висящую кожу на лице, бедрах, руках, животе. Рядом с Пери она возненавидела свое тело, а уж сколько оно занимало места! Точно лишний стул у стола, рассчитанного только на четверых.

Она заметила взгляд Пери и тотчас завернулась в полотенце.

— Знаешь, в наше время можно все поправить, если очень беспокоит. Люди осуждают пластические операции, но если они человека делают увереннее, то почему нет? — Ускользнув в спальню, Пери надела полупрозрачные сиреневые стринги, которые только подчеркивали блестящие загорелые ягодицы.

— А ты поправляла?

Одилии даже в голову не приходило, что Пери не от природы такая. Она смотрела на грудь подруги, на коричневые соски без единого волоска — маленькие шоколадные конфетки на большой высокой груди. Пери точно нарисовали, изваяли, каждая родинка была на своем месте. Потрясающая симметрия.

— Так, местами. Кое-какие мелочи. У меня есть знакомый пластический хирург, делает мне скидки. Я бы на твоем месте не парилась. Ты и без того миленькая. — Пери надела полупрозрачный

сарафан цвета морской волны и больше на эту тему не говорила, а Одилия украдкой смотрела, как в солнечных лучах сквозь платье проглядывает силуэт подруги.

Конечно, этот разговор засел у Одилии в голове, пристал, как жвачка к задним зубам. Чем больше времени она проводила с Пери, чем больше позволяла ей вести разговор, давать советы по части одежды, выбирать фильм или передачу по телику, тем сильнее осознавала: она позволяет все это Пери, потому что подруга имеет на людей большое влияние. У Одилии хватало ума понять, что эту черту в магазине не купишь, своими руками не слепишь из подручных материалов. Но может, если изменить внешность, и Одилия начнет излучать ту самую решимость, о которой говорила Пери, которая скрывалась где-то глубоко внутри.

Впрочем, чем больше времени она проводила с Пери, тем меньше ощущала в себе решимости. Та ведь всегда получала, что хотела, лучилась жизнелюбием, все вокруг знала и преодолела серьезные препятствия. Конечно, Одилия хотела присвоить себе хоть чуточку ее сияния и не сомневалась: если побольше общаться с Пери, рано или поздно получится добиться своего —

характер подруги передастся ей, Одилии. Нужно только потерпеть.

«Ты и без того миленькая». Слова зазвенели в ушах, когда Одилия засыпала. «Миленькая». Слово для собак, котят, детей. Не для девушки, исполненной *решимости.* Пери ничего плохого не имела в виду, не хотела нарочно растоптать самооценку Одилии. И все же растоптала.

Однажды после работы Пери приехала за ней на «альфа-ромео».

— Едем на вечеринку! — объявила она, как только Одилия села, наслаждаясь ароматом прохладного кожаного салона.

— У кого?

От ответа у Одилии челюсть отвисла. У Сандерсов. Слава этой до неприличия богатой семьи гремела по всему Вайнеку; они закатывали безудержные вечеринки и столь же безудержно сорили деньгами. Трое младших Сандерсов росли вместе с Одилией. Она каждое лето наблюдала за ними издалека. За их бурными вечеринками на день рождения, за личным зоопарком на заднем дворе. За «ауди», которые всем детям дарили на шестнадцатилетие. Они ездили с ученическими правами, пока один, как и следовало ожидать, не напился и не врезался в кусты.

Сандерсы были жестоки, увольняли слуг, когда те отказывались подавать детям алкоголь. Осыпали язвительными замечаниями противников по теннису, яхтенным гонкам. Со смехом сбрасывали за борт яхты одетых гостей, уверяли: такое испытание у них проходят все, это для развлечения.

Средняя дочь, Аннабелла Сандерс, однажды подло поступила с Одилией, когда они почему-то оказались в одном бассейне. Аннабелла заявила, будто отец Одилии слишком высокую цену назначил за второй летний домик — коттедж, как они его называли, стоящий рядом с первым. Одилия стала главной мишенью: после прыжка с трамплина она потеряла верх от купальника — он слетел, и Аннабелла с братом и сестрой им долго перекидывались. С тех пор Одилия раздельных купальников не носила.

— Я не могу пойти, — пробормотала она.

— Можешь. Ты же со мной. Тебе понравится, обещаю. — Пери завернула на маленькую парковку у дома Одилии.

— Тогда тебе придется меня переделать, превратить в другого человека.

Вообще-то она пошутила. Но Пери загорелась, точно давно ждала этой просьбы.

— Да легко! Пойдем. — Она вышла из машины и поспешила по лестнице к дому.

Глава 6. Вера

Сейчас

Прихожу в Коббл-Хилл с целыми сумками одежды. Будто маленькое семечко дает крохотный росток прежней меня. Руки ноют под тяжестью сумок, ноги втиснуты в лодочки, короткие черные брюки обнажают лодыжки. Пейдж открывает дверь в спортивном костюме. Ее глаза сияют при виде одежды — вся она из моего шкафа, не ношена уже целый год. Приятно, когда есть чем занять мысли, когда находится дело, можно распоряжаться и составлять наряд, подбирать детали.

Пейдж проводит меня в свою комнату. Она заняла главную спальню; окна там закрыты золотыми шторами, у кровати стоит антикварная тумба ручной работы, на полу лишь один ковер, марокканский. Помимо этого мебели почти нет, как Пейдж и рассказывала. Я прошу описать мне гостей и напитки, которые, по ее мнению, будут подавать на встрече. Она пристально рассматривает меня, принесенную одежду, косметичку, которую я положила в ванной. По спальне уже

видно, кто там живет: на кровати ненадежно накренился обклеенный стикерами ноутбук, рядом стоит огромный запотевший стакан — судя по запаху, с коктейлем. На шезлонге свалена одежда, за старой коробкой от пад-тай виднеется грязное белье. Одежда у нее из массмаркета. Так и видишь, как дети на фабрике обрывают торчащие нитки, а ткань разваливается после нескольких стирок. Надеваю на лицо маску невозмутимости, скрывая презрение.

— Ты сказала, женщины будут разных возрастов? — Пейдж послушно кивает. — Так, если книжный клуб из Бруклина, они могли и правда прочесть книгу. А еще они станут обсуждать мужей, жен, детей, школы, политику. Особенно политику. Десять лет назад? Они бы только глаза отвели, если бы ты завела эту тему. А сейчас на первом месте нарочитый активизм, и неважно, что мужья у них занимаются добычей ископаемых. Такие люди изображают «прогрессивных». Чем они богаче, тем тщательнее будут это скрывать. Вспомни, в каком виде папарацци засняли Марка Цукерберга с женой. Они одеты в мешковатые свитера. Поверь, в этом книжном клубе у всех левые взгляды, правда, участницам не хватает ума сообразить, что они с мужьями

и влияют на неравенство в зарплатах. Они с радостью критикуют Обаму, но чисто по-женски на него беззастенчиво заглядываются — он ведь такой примерный муж. Разумеется, ненавидят Трампа, тем не менее в душе благодарят за налоговые каникулы. О последнем лучше не упоминать. Большинство голосовало за Элизабет Уоррен в две тысячи двадцатом. Они ратуют за силу женщин, однако самые ловкие умеют и покритиковать движение. Их дети, если они есть, питаются всяким там органическим, хотя найдется и участница, которая поддерживает интуитивное питание — правда, не следует ему. Они любят «натуральное» вино, любят хвастаться одеждой, произведенной из местных материалов. То же самое с едой. Они любят хвастаться своими пожертвованиями для людей, которые не в состоянии оплатить залог, а еще тем, как их чуть не арестовали на митингах против полицейского произвола, а сами нанимают охрану для своих роскошных вечеринок и просят не ездить по ночам по «сама понимаешь каким» районам — то есть тем, где живут чернокожие. Большинство участниц клуба белые, хотя может встретиться и темнокожая женщина смешанного происхождения — южноазиатского, например.

Ни при каких обстоятельствах нельзя намекать, что они не работают. Упоминать, что они нанимают слуг, тоже нельзя, разве что няню, и то если она «часть семьи». Будешь слишком умничать, в тебе распознают новенькую и будут относиться свысока. Пусть хозяйка задает тон, даже если она зануда. Я в свое время расстроила немало хозяек дома, не повторяй моих ошибок.

Я перевожу дух, а Пейдж тем временем печатает. Подхожу ближе. Оказывается, записывает мои слова. Я невольно улыбаюсь.

— И как ты все это узнала? — искренне удивляется она. — Ты ведь не из их круга.

Думаю над ответом и выдаю:

— Методом проб и ошибок. Много помогала ВИП-клиенткам «Магдалины».

Смотрела на жизнь своей мечты и мотала на ус.

— Знаешь лучший способ влиться в компанию, всем понравиться? Особенно богачам и сильным мира сего? — Подняв голову, Пейдж жадно внимает. — Спрашивай о них. Притворяйся, что интереснее никого на свете нет. Больше слушай, меньше говори. Нельзя расспрашивать об Одилии напрямую. Пусть тема сама всплывет. Так меня сосед учил, журналист. — Пейдж и это печа-

тает, и я гордо выпрямляю спину. Моя послушная ученица. — А теперь займемся макияжем.

Я веду ее в необъятную ванную. Две раковины, новая душевая кабинка, джакузи. Да уж, от стильного интерьера пришлось избавиться, чтобы уместить всю эту безвкусицу для нуворишей.

Киваю на табуретку у туалетного столика, и Пейдж послушно садится, а сама устраиваюсь на стуле, который стоит скорее для декора.

— Главное — простота. Если поймут, что ты лезла из кожи вон, станешь посмешищем. Нам нужна естественность, так что все смывай. — Пейдж так и делает безо всяких возражений. На полотенце остается черно-бежево-красное пятно, эдакий заживающий синяк.

Я приступаю. Брови у нее кошмарные — чрезмерно выщипанные, слишком длинные, но работать можно. Мы сидим в тишине. Пейдж по-своему красива, если смыть плохой макияж. Неплохие круглые глаза, симпатичные веснушки, хорошие скулы.

— Интересно, у Одилии тоже так было? — тихо спрашивает Пейдж, пока я растушевываю золотисто-коричневые тени. — Было, конечно. Ты же знаешь про ее преображение.

Она распахивает карие глаза, встречается со

мной взглядом; ее глаза так похожи на глаза сестры, я так часто их видела на экране ноутбука, что на миг в зрачках Пейдж мне чудится лицо Одилии, точно она вернулась к жизни и тянется к моей шее.

Вздрагиваю и стираю ватной палочкой лишнюю пудру с ее века.

— Нового не добавим, только лишнее уберем, — говорю я. Не хочу думать об Одилии. Хотя она повсюду, наблюдает за мной из всех уголков ванной, из глаз сестры, невероятно на нее похожей.

Щиплю себя за руку. *Не сейчас, мозг.*

Полчаса спустя на Пейдж льняное платье, коричневые сандалии без украшений, цыплячежелтые волосы собраны в свободный хвост. На лице консилер, чуть-чуть золотисто-коричневых теней и красная помада, больше ничего. Я сняла с нее все браслеты и крестик со стразами. Дала сумочку через плечо для телефона и кошелька, вынула дешевую подделку под жемчуг из ушей. Хорошо выглядит. Естественно.

— Ну вот! — бодро провозглашаю я. — Помочь найти метро? Могу проводить.

— Ты идешь со мной, Вера! — заявляет Пейдж.

— Ну уж нет, — невольно фыркаю я.

Пейдж не смешно. Она не сдвигается с места.

— Ты мне нужна. Будешь держать меня за руку. — Ее глаза широко распахнуты, губы дрожат, вот-вот заплачет; я пячусь, а она следует за мной. Даже дыхание чувствую, до того она близко.

— Как я могу сидеть с друзьями Одилии? Они меня ненавидят. Я виновата в ее смерти. — Голова идет кругом. Прислонить бы ее куда-нибудь. Гадаю, не подсунула ли Пейдж мне наркотиков. От одного ее присутствия в кровь точно впрыснут яд.

— Я уже говорила, что приглашу тебя. Никто так не считает. Никто из тех, кто по-настоящему знал Тома и Одилию. Поверь, — с дрожью в голосе произносит Пейдж.

Я уже собираюсь возразить, как вдруг в голове звучат слова Сэма: «Делай все, что попросит».

— Ладно, пойдем, — со вздохом соглашаюсь я. И выдавливаю улыбку, от которой губам больно.

Меняю туфли на лоферы от Тома Брауна и надеюсь, что блузка-топ не слишком открывает грудь, а пухлые губы и острые скулы, которые меня делают похожей на коварную разлучницу, не так сильно выделяются из-за темных кругов под глазами и отсутствия макияжа.

— Они ведь знают, что я приду? — спрашиваю перед выходом.

— Конечно! — твердо отвечает Пейдж.

И мы отправляемся в путь.

Дом Рути Кэролл не похож на жилище Тома или Беннингтонов. Он победнее и попроще. Не успеваю его разглядеть, как меня уводит на задний двор Ширли — женщина, в квартире которой проводили церемонию. У Ширли пышная грудь и шелковистые волосы, на вид ей лет тридцать с чем-то. Техника на кухне старая, лестница на второй этаж потертая, картины на стене тусклые и скучные, как в туалете бара, только без иронии. Пейдж откровенно разочарована, у нее даже плечи опускаются.

Рути приветствует нас на заднем дворе.

— Рада, что вы пришли! — Она стискивает нас в объятиях. Миниатюрная, с пружинистыми кудряшками, в белой льняной рубашке и брюках. Вряд ли старше тридцати.

Она ведет нас к столику для пикника, на котором стоят множество свечей и кувшин с сангрией. Оставшиеся три женщины тоже здесь, они представляются нам.

— Садитесь-садитесь. Мы в этом месяце читаем «Маленькую жизнь», но раз вы пришли, отложим обсуждение. — Рути улыбается так, точно мы сироп у нее на мороженом, наливает сангрию

и принимается щебетать об утренних занятиях фитнесом.

Я разглядываю женщин, с которыми Одилия проводила время. А они разглядывают меня, удивление на их лицах мешается с отвращением, а Рути тем временем пытается разрядить обстановку болтовней. Они настороже. Что ж, понимаю. Глянуть бы на них с пренебрежением, показать, как они мне безразличны. Но я сдерживаюсь, сливаюсь с остальными, чуточку сутулюсь в кресле, отчего кажусь меньше.

Дом принадлежит родителям Рути. Они сейчас живут в городе Аккорд, там у них второй дом. А этот в полном распоряжении Рути. Она хочет все переделать, однако нет времени — то работа, то свидания. Да и не получается найти декоратора, способного воплотить в жизнь ее мечты о старомодном шике. Ширли сочувственно кивает.

— А как вы все познакомились? — вставляет Пейдж. Удивительно, до чего она настойчива с незнакомыми по сути женщинами, как решительно вступает в разговор. Она постоянно косится на меня, даже неудобно. То ли проверяет, как я, то ли хочет удостовериться, что правильно себя ведет.

— Ну, гордиться тут нечем, — со смехом при-

знается Рути. — Наши парни и мужья работают вместе, или работали раньше. Знаешь, у крупных технологических компаний часто головной офис в Калифорнии. Ну а мы здесь! Дружим семьями.

Значит, они сами или их супруги хорошо знали Тома. От этой мысли в животе урчит, во рту появляется противный вкус.

— А мы с Джоани участвуем в «Древе жизни», поэтому много времени проводим вместе, — добавляет женщина, представившаяся Клариссой. Единственная темнокожая среди белых, как я и предсказывала. Голова у нее бритая, сама она постарше остальных, ближе к сорока. Одета в розовый хлопковый комбинезон.

— «Древо жизни» — это общественная организация, занимается озеленением малообеспеченных районов, — объясняет Джоани, бойкая, слегка высокомерная и беременная, одетая в джинсовое платье для будущих мам. Невозможно определить, сколько ей лет.

— Одилия тоже туда входила. — Ширли бросает ее имя словно лишний кубик льда в полный стакан воды, и нас обдает холодными брызгами. Звенит тишина, все неловко переглядываются.

— Да-да! — наконец отзывается Рути, и все дружно отпивают сангрии. — Там ром, красное

вино, груши, яблоки и кусочки апельсина! — объявляет она второй раз за вечер. К счастью, алкоголь и правда чувствуется.

Ночь идет своим чередом. Я храню молчание, приятно улыбаюсь, открываю рот, только если спрашивают, и прислушиваюсь к Пейдж, выполняю свой долг: слежу, чтобы не оступилась. В общем-то, она неплохо справляется. Следует моему правилу от и до, постоянно задает вопросы. Ошибается лишь однажды: открыто признает, что никогда не поддерживала политиков финансово. Тут я прихожу на помощь: говорю, что она исправно голосует, а это главное.

Кларисса живет в районе Уильямсберг, Джоани — в Трайбеке, а Ширли, естественно, в богемном Вест-Виллидже. Кларисса планирует купить недвижимость на острове Мюстик, и Пейдж с живым интересом ее расспрашивает. Джоани подумывает перевести третьего ребенка на искусственное питание — ее грудь уже достаточно настрадалась. Ширли с семьей намерены переехать из Манхэттена в Хэмптонс, вот только дело всегда ограничивается разговорами, да и дети не хотят уходить из любимой школы.

— Пытаюсь уговорить руководство, чтобы на крыше сделали беговую дорожку — на деньги

Лайлы, разумеется. Пусть школа поддержит начинания Би, она так любит бегать.

Венчурная фирма, в которой работает парень Рути, сейчас инвестирует в акции производителей каннабиса. Рути сворачивает косяк, все по очереди затягиваются. К счастью, обо мне вроде бы забыли. Запираюсь в туалете с телефоном. Когда встаю и смотрюсь в зеркало, понимаю, что заметно опьянела. Жаль, Рути не подавала закусок. Пока мою руки, лениво прикидываю, стоит ли спуститься в винный погреб за бутылочкой. Все равно никто не заметит моего отсутствия.

Выхожу из туалета и тотчас сталкиваюсь с Ширли.

Скрестив руки, она стоит у длинного кухонного стола, протянувшегося почти до ванной. Судя по всему, меня ждет. Машу ей и думаю, не лучше ли молча пройти мимо.

— Я слегка удивилась, когда Пейдж спросила: «А можно позвать Веру?» Не стану врать, странно это, что вы общаетесь. Но ты ничего. Совсем не командирша. Знаешь свое место. Молодец, что дружишь с Пейдж. Ей нужны друзья. — Она затягивается вейпом. — Пейдж о-очень хотела с нами поближе познакомиться. Как только приехала, сразу написала: «Познакомишь меня со своими

подругами, подругами Одилии? Я много о вас слышала!» Очень искренняя. В наше время такое редко встретишь.

У меня голова идет кругом. Пейдж ведь сказала, что все наоборот, подруги Одилии жаждут с ней общаться?..

Натянуто улыбаюсь.

— Хочу помочь Пейдж, только и всего. — Во рту пересыхает.

— Тебе здорово досталось, да? Знаешь… — Ширли указывает на меня вейпом. — Одилия была очень замкнутой. Судя по всему, в подругах не нуждалась. Душу нам не раскрывала. Одно скажу: ей было по барабану, что Том изменяет. Этот урод ей осточертел. Она собиралась от него уйти. А пресса ее выставила преданной женой. Любят там натравить женщин друг на друга. Мы с подругами ничего против тебя не имеем, да и мужья наши тоже. Ничего личного. Тебя ненавидят только всякие неудачники и завистники, любители дешевых сплетен. А родные и близкие к тебе нормально относятся. — Она качает головой, звякают серьги-подвески. — Вот. Хотела сказать, пока мы не вернулись на улицу. Ты ничего. — Она отходит от стола.

— Одилия знала, что он изменяет? — тихие

слова вязнут на пересохшем языке, точно клей.

— Да, там и гадать не пришлось. Конечно, в открытую она не говорила, но я с ней виделась в тот день, когда он… Ну, ты понимаешь. Она знала, что он чем-то недоволен. Я людей насквозь вижу. Зря так много болтаю, особенно если учесть, чем тут все занимаются… Но тебе досталось ни за что, — тянет она. — Впрочем, хватит об этом! Иди веселись! — Ширли неспешно выходит, оставляя после себя клубы дыма.

Голод прошел, как не бывало. Я стою, не в силах сдвинуться с места, и потрясенно гляжу ей в спину.

Глава 7. Одилия

Десять лет назад

Когда Пери закончила, Одилия с трудом себя узнала. Она никогда не была красавицей. Никто бы ее так не назвал. Однако Пери сделала все, что могла с весьма ограниченными исходниками.

Вышла за контур, когда подводила Одилии губы, и они стали пухлее, выделила хайлайтером скулы, и они как по волшебству проступили из детского жирка. Наклеила ресницы, уложила тонкие, тускло-каштановые пряди в «пляжную волну», замаскировала веснушки на носу, сделала брови гуще, придала им красивый изгиб. Одилия почувствовала себя как Энн Хэтэуэй в «Дневниках принцессы».

— Я тебе и платье принесла! — крикнула Пери из спальни.

В дверь резко постучали — это Китти пыталась пробиться в ванную, где Пери с Одилией засели на несколько часов. Одилия открыла и побежала в спальню, даже не взглянув на Китти. На кровати лежало мерцающее атласное платье розового цвета.

— Я не могу его принять, — ахнула Одилия, поглаживая пальцами ткань.

— Конечно можешь! Надевай, я хочу еще пофоткаться. — Пери красовалась в голубом платье до бедра, безупречной формы грудь выглядывала из квадратного выреза вопреки законам гравитации.

Они пили хорошее шампанское на полу, прямо из горла; Одилия чихала от пузырьков газа, смеялась над глупыми фотографиями, которые они сняли на телефон Пери: подруги прижимались друг к другу головами, Пери ложилась щекой на плечо Одилии, Пери с Одилией чмокали друг друга в губы, Пери обхватывала ладонями лицо Одилии.

— Откуда ты знаешь Сандерсов? — икнула Одилия.

— Мой парень хочет, чтобы его отец инвестировал в их компанию. И с младшими Сандерсами я более-менее знакома. Пересекались кое-где в Нью-Йорке, сама понимаешь. — Одилия не понимала, но все равно кивнула. Похоже, Пери заметила беспокойство подруги. — Притворяйся, и все само собой получится. Вот как у меня. Люди любят говорить о себе. Кивай, делай комплименты. И вскоре познакомишься с теми же людьми,

станешь ходить на те же вечеринки.

— Твой парень тоже придет? — Пери мало говорила об этом загадочном человеке, из-за которого и приехала в Вайнек. Одилия знала только, что он помешан на работе. Она не сомневалась: главная в их отношениях Пери, да и как иначе?

— Не-а. Он сегодня в городе. — Пери допила шампанское, встала сама и потянула за собой Одилию. — Давай. Если задержимся, вообще никуда не попадем.

Они пошли пешком, взявшись за руки, и освещали путь фонариками телефонов. Одилия знала короткий путь мимо пляжей — в сущности, по чужим дворам. Океан успокоился, волны странно затихли для такой вроде бы захватывающей ночи.

— Господи, как же с тобой легко, — выдохнула Пери, ногой задевая ногу Одилии, когда они шагали в такт.

— Почему? — хихикнула Одилия. В груди трепетало радостное предвкушение. Что же все скажут, когда увидят ее накрашенное лицо, красивое платье? Китти осталась у телика, по животу у нее рассыпались крошки от сырных крекеров. Одилия поверить не могла, что еще несколько недель назад она так же проводила время в пят-

ничный вечер.

— Ты покладистая. С тобой легко.

У Одилии сердце упало. Ей хотелось быть безрассудной, интересной, потрясающей. Не покладистой. Впрочем, если из-за этого Пери ее выбрала в подруги, пусть так.

Запах костра донесся до них, не успели они завернуть за угол, в воздух взметнулись искорки. В небо шел дым, словно готовилось большое жертвоприношение. У костра подруги увидели барную стойку, многочисленные стопки дров, из колонок раздавалась музыка. Судя по всему, обычная для Сандерсов вечеринка.

Вокруг костра бродили гости, их одежда и волосы сверкали, угольки с шипением вырывались в тяжелый ночной воздух. Пери сжала руку Одилии, длинные ногти впились в ладонь.

Одилия тотчас кое-кого узнала — людей, которые приезжали каждое лето; людей, которым отец помогал со сдачей в аренду, покупкой, а изредка и продажей домов. Она мялась — не знала, здороваться или нет с людьми, за которыми следила годами из своего уголка пляжа, со своей стороны улицы. Они, конечно, не знали о ее существовании, а если и замечали разок-другой, то в глазах этих людей она была лишь песчинкой

среди прочих песчинок.

Пери разглядывала толпу — наверное, искала Аннабеллу Сандерс. Как ни странно, первым к ним подошел не кто-то из семейства Сандерс, а рыжеволосая девушка, которая часто приезжала на лето. «Кэролайн Перкинс», — тотчас мелькнуло у Одилии в голове.

Прежняя Одилия отошла бы в сторону, страх перед другими людьми взял бы верх. А вот новая Одилия… У нее хватало *решимости* представиться.

Только она собиралась протянуть руку, как Кэролайн обняла Пери, ненароком разжав руки Пери и Одилии.

— Пер! Слава богу ты пришла. Без тебя ужасно скучно!

Они принялись болтать, вставляли имена и названия мест, которых Одилия не знала, на языке, которого она понять не могла. Сплетничали, кто пристрастился к выпивке, у кого и когда девичник. Кому дали повышение, у чьего парня пакет акций. Кто недавно купил дом в Лайфорд-Кей.

Одилия терпеливо стояла рядом с Пери и ждала, когда ее представят, готовилась вклиниться в разговор, как только возникнет минутка затишья. Только таких минуток выдалось мало. К беседе

присоединились другие девушки, все обнимали Пери, будто давно потерянную подругу, чмокали ее в щеку, говорили, как она прекрасно выглядит. Одилию медленно, но верно вытесняли из разговора, толкали в тень, в темный уголок пляжа, где не горел костер.

— Пери, идем в дом! Мы тебе кое-что припасли. Но только тебе, — добавила Аннабелла Сандерс, прижав палец к губам — зрачки у нее были расширенные. Она окинула Одилию взглядом с головы до ног, а после схватила Пери за руку и потащила на ярко освещенную дорожку к дому.

— Я ненадолго, — бросила Пери через плечо, вспомнив об Одилии в последнюю минуту, потом с хихиканьем повернулась к Аннабелле, а Кэролайн и остальные гостьи последовали за хозяйкой. Вскоре они превратились в отдаленные силуэты, а потом — просто в неопределенную группу девушек. Одилия стояла одна на песке среди толпы, словно плыла по течению в широком-широком море. Когда она коснулась лица, на кончик пальца упали накладные ресницы, и каждый острый кончик напоминал нож.

Глава 8. Вера

Сейчас

Куин хочет пообщаться с Пейдж, чтобы она в свое время обязательно согласилась на безумную затею Сэма. А я до сих пор не отошла от откровения Ширли, от ее признания: оказывается, Одилия более-менее знала о неверности Тома.

Я поделилась этим с Пейдж, подбирая слова помягче. Она согласилась, что это странно, поблагодарила и обещала расспросить Ширли поподробнее, но, похоже, пока не расспросила.

Когда я вернулась домой, сразу зашла в интернет искать подтверждения словам Ширли. В большинстве статей историю представляли так, будто Одилия ни о чем не подозревала. Она умерла в неведении о прегрешениях мужа, не догадываясь о том, что я ворвалась в ее жизнь, как всадник Апокалипсиса, и разрушила ее до основания.

А судя по всему, Одилия знала! И не просто знала, ей было все равно. Конечно, это ничего не меняет. Но если она простила меня перед смертью, то может, и я могу себя простить. И общество

— тоже.

Я наконец нахожу то, что нужно, на третьей странице «Гугла»: строчку в нейтральном репортаже о случившемся.

«Подруга Одилии, Ширли Кассат, утверждает: роман мужа не был для погибшей тайной, более того, по возвращении из Мичигана она поделилась беспокойством о настроении мужа».

Вот где скрывается правда — в небрежно брошенной строчке, затерявшейся среди других. Подозрительно, что она не получила огласки.

Впрочем, если бесконечно думать над этой намеренной подтасовкой фактов, дойдешь до теорий заговора.

Пейдж хочет встретиться с нами в Бруклинском музее, и мы с Куином идем туда. Он болтает о разных глупостях на работе, о своем задании, о каком-то скандале в «Тик-токе», о последней «отмененной» знаменитости, о линейке средств по уходу за кожей от очередного интернет-гуру. Хоть Куин не признается, он явно хочет писать на более важные темы, как Сэм и говорил. В его словах чувствуются горечь и досада, которых я прежде не замечала.

— Ты напишешь статью, мы все для этого сделаем, — говорю я у лестницы в музей. — Обещаю.

Он останавливается, бросает на меня косой взгляд. Я вдруг понимаю, что частенько нарушала обещания, когда работа отнимала все время. Однако на сей раз я не вру. От меня зависит наше будущее.

Пейдж уже здесь, вернулась к старой одежде — дешевой копии «Лилли Пулитцер» и потрепанному жизнью «Джеку Роджерсу». Зато макияж минимальный, и от старых привычек остался только ярко-розовый блеск, напоминающий о джипе Барби.

Волосы она покрасила и подстригла до плеч. Я не сразу узнаю свой цвет, кофейно-каштановый. Точь-в-точь. К слову, цвет ей не идет. Загар смотрится еще более оранжевым, да и с оттенком бровей не гармонирует. Но все лучше, чем прежняя желтизна.

— Красивая стрижка, — подмечает Куин вместо приветствия, и Пейдж обнажает зубы в улыбке — прямо как Одилия на своем первом фото после преображения.

Мы проходим мимо постоянной коллекции, останавливаемся у портрета Джорджа Вашингтона, у «Мирного царства» Эдварда Хикса и смотрим на причудливые морды животных, цепляющих зрителя взглядом. Не такое уж мирное царство,

честно говоря. Животные словно боятся убежать, навеки застыли в ужасе и растерянности.

А Пейдж разглагольствует, причем слишком громко для музея. Так и хочется ее заткнуть, только боюсь обидеть. Рановато еще.

— Хочу съездить к родителям Рути в Аккорд. Говорят, у них есть такая лошадь, американский квортерхорс. Она в прошлом году выиграла в соревновании по рейнингу — видимо, семья Рути с этого получает деньги. Хотя уход за лошадьми явно дороже. Вот уж не знала, что вы, ньюйоркцы, скачете на лошадях почище жителей Запада. А магазин Клариссы на «Этси»? Просто класс! Она сама делает украшения из металла. Пытаюсь намекнуть, чтобы подарила. Интересно, оптом продает или напрямую? О, а еще у Джоани через несколько недель вечеринка. Она книгу написала! Что-то про воспитание детей…

У поворота в крыло декоративного искусства Куин не выдерживает:

— У вас общий чат, как я понимаю? — интересуется он с недоуменной улыбкой.

Пейдж кивает.

— Еще я переписываюсь с Луизой — ну, с той, у которой сейчас живу. Она классная. — И пускается в историю о том, как Луиза подсказала ей

лучшие рестораны в Коббл-Хилл, лучшую химчистку и лучшую мастерскую по ремонту обуви.

Я вспоминаю о еще одной любопытной детали из разговора с Ширли. Пейдж якобы очень искренняя, хочет познакомиться с друзьями Одилии, а мне-то Пейдж говорила обратное…

Рассеянно шагаю к выставке Ханны Хех и теряюсь среди дадаистских коллажей, бросающих вызов правительству Веймарской республики; они столь беспорядочны и жутки, что кажется, будто приклеенные на ноги головы и отделенные от тел глаза за мной следят.

По пути домой Куин молчалив.

— Пейдж какая-то странная, — наконец выдает он.

Мы проходим мимо домов со швейцарами вдоль Проспект-парка и Восточного бульвара, мимо женщины, которая громко обсуждает бывшего мужа по телефону, мимо детей, бегущих к парку с футбольным мячом.

— По-моему, она притворяется, — добавляет он, затянувшись вейпом.

— Ты о чем? — рассеянно спрашиваю я, погруженная в мысли о картинах Ханны Хех.

— Для нас она создает один образ, для друзей Одилии — другой. Подозрительная она какая-то.

Слишком… старается?

Я лишь пожимаю плечами. Уже спрашивала, говорила ли она с Ширли о том, что Одилия якобы знала об измене — но нет, не говорила. Следует моему совету, хочет для начала усыпить бдительность. Ее можно понять.

— Пусть старается, лишь бы я с ее помощью себя обелила.

Куину нечего на это сказать, и он снова погружается в задумчивость. Из его кармана торчат ключи от квартиры.

— У нее свой план, Вера. Она умнее, чем кажется.

На этом разговор заканчивается. Куин идет в свою спальню, я — в свою.

Глава 9. Одилия

Десять лет назад

С вечеринки у Сандерсов Одилия вернулась одна. Ждала Пери, писала ей, звала, точно подруга могла ее услышать из дома на холме. К ней подошел Рики Сандерс. Пальцы у него так и остались волосатыми — волосы там выросли раньше, чем у других детей.

— Ты! Знаешь, куда она ушла? — Он пролил пиво на песок, попал на голые ноги Одилии. Та тупо уставилась на него, отошла от костра. Парень со вздохом пояснил: — Пери. Куда она ушла? — Одилия вдруг дар речи потеряла. Чего этот идиот хотел от Пери? С минуту он ее изучал остекленевшими от выпивки глазами. — Так это ты? С тобой она хотела меня познакомить? — Одилия отошла еще дальше в тень, а Рики освещало пламя костра за спиной. — Поосторожнее с ней. Та еще сука, — крикнул он Одилии вслед.

Она помчалась в ночь, пока шум вечеринки не сменился шелестом волн, и тогда перешла на шаг; шла домой по камням, красная от натуги и стыда.

Одилия промочила слезами всю подушку. Не выпускала из рук телефон, ждала ответа от Пери. Зашла в «Фейсбук» и «Инстаграм», листала фото Пери. Проводила пальцем по ее лицу на экране, по симметричным чертам, по глазам, выразительным и проницательным даже на размытых снимках в туалетах клубов и баров. Одилия лежала в кровати и подражала Пери в темноте: представляла перед собой камеру, выпячивала нижнюю губу, старалась не морщить глаза при улыбке.

Несмотря на прошлое, Пери легко влилась в компанию богачей, ведь она такая красивая. Уверенная в себе, дерзкая.

Одилии никогда такой не стать.

Она вышла из приложения, отложила телефон, закрыла глаза и призывала к себе Пери, как будто та могла по волшебству появиться в комнате. Лежала в темноте, пыталась руками вылепить себе другое лицо: тянула губы, щипала щеки, постукивала костяшками по переносице.

Когда через шторы начал пробиваться розоватый свет, она уснула. Пери так и не ответила.

Одилия проснулась, когда в носу засвербило от горячего дыхания; она едва не чихнула. Какая-то тяжесть давила на матрас рядом с ней, она это

почувствовала еще до того, как открыла глаза. А когда открыла, увидела блестящие пряди каштановых волос на подушке и приоткрытые губы, дующие в ее сторону. Она моргнула — конечно, ей это только снится, и видение вот-вот исчезнет.

Не исчезло.

— Проснись и пой! — На палец с пурпурным ноготком накрутили прядку ее волос; спальня плыла перед глазами, странно выпуклая, точно Одилия смотрела не в тот конец телескопа. — Ты меня бросила совсем одну, — буркнули надутые губы, влажные, как трава поутру.

Одилия вновь моргнула.

— Это ты меня бросила.

Она обиженно перевернулась на другой бок и прижала к себе подушку.

Рука рисовала маленькие невидимые круги у нее на спине, кровать скрипнула, Пери подвинулась ближе, накрыла ее ухо рукой.

— Ты же не говорила с другими девушками, Оди. Они мне нужны, понимаешь? Их парни и отцы — потенциальные инвесторы в компанию моего парня. Я только на минутку поднялась в дом, а когда вернулась на пляж, ты ушла. Я думала, ты и без меня справишься. — Ласковый голос источал тревогу, в него прокрались низкие нот-

ки, будто горького экстракта ванили плеснули в сладкое тесто.

Одилия перевернулась обратно; теперь они лежали лицом к лицу. Глаза подернулись пеленой, в носу защекотало — верные признаки, что она вот-вот заплачет.

— Почему ты со мной дружишь? У меня-то нет парня, который может инвестировать в компанию твоего парня. К чему тратить на меня время?

Пери коснулась пальцем века Одилии, поймала первую слезинку, слизнула.

— В тебе что-то есть. Все они ужасно скучные. Их ничто не радует. Ничто не вызывает у них любопытства, они пресыщены деньгами, излишествами. А с тобой… С тобой весело. С тобой я настоящая. Дурашливая, чудаковатая, глупая. — Пери расплылась в улыбке. На зубах у нее было пятно от той огненно-красной помады с прошлой ночи. И одежду она не сменила, будто вообще не ложилась спать.

— Как ты сюда попала? — спохватилась Одилия, глядя на Пери. Макияж у нее потек, размазался, будто она плавала. Скорее всего, и правда плавала. И все равно выглядела потрясающе — красавица, которую застал врасплох дождь.

— Колотила в дверь, пока твоя соседка не открыла, — хихикнула Пери. — Не очень-то она обрадовалась. Невозможная зануда.

Одилия в глубине души согласилась.

— Не хочу быть как она.

Одилия гадала, который час, долго ли Пери наблюдала, как она спит. Пери облизнула зуб, испачканный помадой. Похоже, знала, что там пятно.

— Знаешь, чем нам заняться? Есть у меня идея. — Пери радостно поиграла бровями. — Создадим тебе новый образ. И когда я в следующий раз возьму тебя на вечеринку, тебе хватит решимости поговорить с остальными, будешь знать себе цену. — Она нетерпеливо прищелкнула языком. — Я знаю нужных людей. Можем и филлеры вколоть. За мой счет. Точнее, моего парня — ну, ты поняла. Круто получится!

Одилия прищурилась, кое-как удержала руки подальше от лица — хотела мять его, как прошлой ночью.

— Ладно, — прошептала она бездумно. Прежняя Одилия слишком много думала, пора это менять.

Пери спрыгнула с кровати, едва не сбросив подругу на пол.

— Сделаем, что захочешь, обещаю! — И улыб-

нулась белоснежными зубами.

Пери держала Одилию за руку, пока в ее губы входила игла; игла делала их пухлее, меняла форму. Рот Одилии онемел, она не чувствовала уколов. А дома Пери сидела на диване с Одилией, прикладывала пакеты со льдом к опухшим губам, бегала на кухню за новым.

— Что случилось? — ахнула Китти, когда вошла в комнату.

— Она стала красивее, детка. — Пери зловеще улыбалась, пока Китти не вернулась к себе. Потом закатила глаза, и Одилия закатила их в ответ. — Нечего нос совать.

Когда Одилия решила вколоть немного ботокса в лоб, Пери сделала процедуру с ней — показывала, что ничего страшного тут нет. После они заснули в кровати Одилии, стараясь не морщить лбы, как и положено в первые сутки после инъекции.

Пери помогла Одилии определиться с прической — подсказала высветлить пряди. Поморщилась вместе с ней, когда парикмахер состриг дюймов пять волос и превратил длинные волосы в короткий боб.

— Зато скулы видны, — утешила Пери, проведя рукой по влажным прядям.

Одежду они поехали покупать аж за два города, в Спрингвуд, где был роскошный магазин с нарядами от Неймана Маркуса. Накупили там дорогой косметики, одежды от дизайнеров, о которых Одилия даже не слышала. Пери велела брать на размер меньше: так появится мотивация похудеть.

— Я никогда в них не влезу. Никогда, — жаловалась Одилия, натягивая застрявшие на бедрах джинсы за три сотни долларов. После, уже в «альфа-ромео», Пери дала ей так называемую тройную ставку: пачку сигарет, «Ред Булл» без сахара и оранжевую баночку стимулятора «Риталин».

— А как, по-твоему, я все это выношу? — спросила она, неопределенно взмахнув рукой. — Без искусственной подзарядки не обойтись. Потом еще спасибо скажешь. — Пери выехала с парковки, одной рукой держа руль, другой — зажигая сигарету.

Позже, когда они растянулись на кровати Одилии, а сама она давилась «Ред Буллом», ей все-таки стало любопытно:

— Почему твой парень разрешает нам тратить столько денег?

Пери открыла окно, высунула голову, затянулась еще одной сигаретой и выпустила дым в

летнее небо.

— Это вклад в будущее. Не волнуйся.

Не успела Одилия спросить, что это значит, как Пери прыгнула в кровать с сигаретой в руке, подлила в «Ред Булл» водки с тумбочки, глотнула из банки и протянула Одилии:

— Держи. Выглядишь обалденно.

Одилия и чувствовала себя обалденно.

Глава 10. Вера

Сейчас

Беременная Джоани написала книгу — что-то об умении помочь себе — и приглашает меня на презентацию. Думает, мой флер скандальности привлечет больше посетителей?

Сначала я хотела отказаться, а потом Пейдж попросила помочь ей со сборами; такова, видимо, моя новая участь: отныне я стилист и закадычная подружка.

После похода в музей я много времени проводила с Пейдж. Мы гуляли в Проспект-парке, ходили выпить в ее районе, в Манхэттене тоже отдыхали. Мне прямо визжать хотелось, когда она отвечала уличным торговцам часами, и чуть все волосы себе не вырвала, когда она перепуганно смотрела на попрошайку в метро. Еще у Пейдж есть дурацкая привычка заглядывать в окна на первом этаже, шпионить за людьми.

А в остальном она ничего. Приставучая, но по-своему умная и вроде безвредная. Я гадаю, как она жила в Мичигане — сама она говорит, что работала с недвижимостью, а сейчас хочет попробовать

себя в новом деле, когда здесь устроится. Без утайки рассказывает о подругах в родном городе, о ссоре из-за девичника: Пейдж полагалось его организовать, а она решила подольше остаться в Нью-Йорке. Теперь подруги с ней не разговаривают. Она показывает их фото, и я невольно морщусь: прически и тон кожи у них как у Пейдж, когда она только приехала — девчонки из студенческого клуба, пять лет спустя. Ручаюсь, на стене у всех безвкусные декоративные надписи.

— Как тебе удалось? Ну, привыкнуть к жизни здесь? — спросила она, когда мы ели в кафе «Шейк-шак» на Медисон-авеню. Нашли первую точку, с которой все началось, как Пейдж и просила.

Я пожала плечами.

— Привыкла, и все. Когда училась в школе, ездила сюда каждый месяц. Мы с друзьями гуляли по Нижнему Ист-Сайду, ходили в гости к местным знакомым. Конечно, легче тем, кто здесь родился. У них грязь большого города в крови.

Я давно советую Пейдж книги, фильмы, магазины и интересных людей в «Инстаграме» — так у нее появится больше тем для разговора.

Пейдж планирует сюда переехать. Просит помочь с поиском квартиры, когда Беннингтоны ее

выгонят. Я спрашиваю, узнала ли она что-нибудь об Одилии, не напрасны ли наши старания.

— Да, я познакомилась с ее друзьями, это полезно. Хоть немного спокойнее стало, — признается она, когда мы бредем к Верхнему Ист-Сайду через Центральный парк.

— У тебя есть цель? Хочешь узнать что-то конкретное?

Мы обходим Большую лужайку. Пейдж морщится, не замедляет шага.

— Наверное, хочу убедиться, что ничего не могла поделать.

Я киваю, больше к теме не возвращаюсь. Эта ноша мне знакома.

Когда в день презентации Пейдж открывает мне дверь, меня в очередной раз поражают ее прическа, чистое лицо и веснушки, больше не замаскированные слоями тональника. Опускаю взгляд. На ней те же лоферы от Тома Брауна, что были на мне, когда мы ходили на встречу книжного клуба.

— Нашла в секонд-хенде. Разнашивала пока, — объясняет Пейдж с улыбкой. Я неуверенно улыбаюсь в ответ, в переносице пульсирует боль.

Мы поднимаемся в ванную и делаем макияж;

косметика у нас от одних и тех же брендов. Моя выпадает из косметички и рассыпается по столику. Наношу консилер и незаметно подтягиваю поближе, чтобы не смешивалась с тюбиками Пейдж.

— Я так волнуюсь! — щебечет Пейдж, выбирая цвет из палетки теней. — Там куча интересных людей.

Я тоже приступаю к макияжу глаз.

— Лишь бы они не сильно меня расспрашивали.

— Все боишься? — фыркает Пейдж. — Да ладно! — Она шутливо толкает меня бедром. Как-то это унизительно; я даже губу прикусываю, чтобы с языка не сорвалась колкость. — У тебя ведь в последнее время приглашений кот наплакал.

Кладу в сторону кисточку для теней и ищу в зеркале взгляд Пейдж. Судя по всему, она даже не заметила грубости своих слов. Красится себе, довольная. В прежние времена я отплатила бы той же монетой, особенно если человек меня раздражал.

Пейдж закончила; макияж у нее легкий, в уголках глаз — мой фирменный штрих подводкой.

— Угостить коктейльчиком?

Я соглашаюсь и смотрю, как она уходит с теле-

фоном в заднем кармане джинсов. Возвращается с двумя бокалами — судя по запаху, там джин с тоником, в основном джин; дольки лайма плавают в нем, как оторванные части тела.

— Мне нравится Джоани. Ее муж открыл финтех-компанию, которой пользуются все знаменитости. Он знаком с Бейонсе и Джеем Зи. Джоани сказала, что они вместе поужинали в Хэмптонсе.

Я нашла в интернете информацию о мужьях ее новых подруг из книжного клуба. Муж Клариссы работает в инвестиционной компании, связанной со «Снапи», а жена Ширли недавно продала «Снапи» свою компанию. Кровосмешение какое-то.

Достаю одежду Пейдж на этот вечер, все в нюдовых тонах: слаксы от «Роу», вязаный топ, чуть открывающий полоску живота, и мюли от Сюзанны Рэй. Пейдж хорошенько отпивает джина с тоником, затем переодевается.

— А правду в «Твиттере» пишут, что ты спала с мужем той женщины?

Я чуть бокал не роняю от удивления. Давненько не вспоминала это обсуждение в «Твиттере» — я так долго читала и перечитывала его, загоняя себя в ловушку стыда, что мозг попросту стер воспоминание. Раздумываю, насколько честно

ответить, и в конце концов объясняю:

— Только раз. В привычку не вошло.

Не стану врать, отправилась как-то в бар, мечтая о сексе с незнакомцем, и провела ночь с мужчиной, о чем после крупно пожалела. На пальце у него не было кольца — это говорит в мою пользу. Я увидела на экране его телефона уведомление с именем жены и немедленно прервала встречу, но случилось это уже в отеле, когда мы переспали. Могла бы догадаться, раз мы в отель пошли… Вот это уже не в мою пользу говорит.

— И еще… Клянусь, я не знала, что Одилия с Томом были вместе.

— Ой, да мне уже все равно, — отмахивается Пейдж. — Просто интересно, как ты их цепляешь. Мужчин, то есть. Похоже, у тебя неплохо получается.

Отпиваю из бокала; джин обжигает горло, я едва не давлюсь.

— Веду себя уверенно. Ты — самая шикарная сучка в комнате. Пользуйся своей силой. И постарайся не спугнуть. Мужчинам такое не нравится. Улыбайся, подходи к ним первой.

Глупые клише, но действенные. Пейдж кивает, старается все запомнить.

— Тебе легко говорить, ты красотка.

Не спорю.

* * *

Презентация книги проходит в довольно колоритном месте, по соседству с баром, который я часто видела в «Инстаграме» еще до моего фиаско. Книжный магазин с претензией на богемность: оштукатуренные стены с пятнами краски, модное чтиво на любой вкус, от авторов, помешанных на социальной справедливости, до сборников малоизвестных поэтов и иллюстрированных энциклопедий для гостей, чтобы не скучали. Комната, в которой выступает Джоани, забита людьми, я кое-как ее нашла глазами в толпе.

Она шутит, что рожать ребенка и книгу одновременно трудно, а затем принимается читать вслух. Я тем временем ищу знакомые лица. К счастью, все смотрят на выступающую, меня никто не замечает. Среди гостей блуждают любительницы книг со своими спутниками, пожилые в дорогой с виду одежде из натуральных тканей, мужья в шортах и лоферах, подтягивающие крафтовое пиво. Два-три ребенка тоже имеются — они начинают плакать, а мамы на них шикают. Или няни… кто их разберет.

Джоани читает, как обучала дома детей и как

ее трехлетняя дочь (теперь уже пятилетняя) целыми днями закатывала истерики, и учебный план провалился. Как отказалась от гаджетов в обучении и делала все сама — прочла одну книгу о дошкольном образовании, превратила комнату в кабинет и составляла учебные планы там, обычно — с бухты-барахты. А теперь, два года спустя, малютка Кайя первая в садике по чтению, и все благодаря домашнему обучению (Джоани мимоходом бросает, что длилось оно два месяца, а потом наняли репетитора).

Пейдж не слушает. Она шарит глазами по гостям, ищет кого-то. Я слежу за направлением ее взгляда. По дрогнувшим уголкам губ догадываюсь — нашла. Одинокий блондин со щетиной на лице, в коротких брюках, открывающих лодыжки.

Джоани все бубнит, а я говорю Пейдж, что иду выпить, и шагаю к бару — темному уголку, обшитому панелями, с причудливыми витражными лампами и обложками старых книг вместо декора; в меню блюда вроде маринованных яиц и консервированного воловьего хвоста. Сажусь, не упуская рассказа Джоанны, и заказываю настойку на джине с лавандой. Потом выясняю: напитки-то бесплатные, и заказываю второй напиток, еще не допив первый.

Ко мне подсаживается худощавый лысеющий мужчина в толстых очках. Впрочем, на таких мероприятиях непримечательные мужчины обычно самые главные. Он наклоняет в мою сторону стакан воды.

— Вера Макдоналд… Жена говорила, что вы придете. Это она сейчас читает.

Значит, угадала. Финтех-гений, приятель Бейонсе — вот кто платит за мои напитки этим вечером. В свою очередь наклоняю в его сторону бокал.

— Колин Чиррок.

— Да, прямо как утка-чирок, — кивает он.

Я отодвигаюсь подальше, к углу барной стойки.

— А почему не слушаете жену?

Колин тянет руку к полке, набирает вишни; бармен, судя по всему, не против.

— Я раз десять слышал, как она репетирует. И книгу раз десять прочел. Уверяю, она не в обиде.

Я каменею, кладу перед собой руку и отворачиваюсь от Колина. Еще застанут с чужим мужем, этого только не хватало.

— Мы не все ужасные, честно. — Колин понимает, что я делаю и от чего защищаюсь; от этой мысли меня подташнивает, ноги дрожат. — Том

был моим другом, хорошим работником и козлом. Как выяснилось, еще и психопатом. Не все такие, как он. Я не такой. Я хороший муж, никогда не изменял, забочусь о детях, по десять раз слушаю, как жена читает один и тот же отрывок. Верю женщинам.

— А мне-то зачем рассказываете? — Я медленно отступаю к толпе гостей.

— Вы очень молоды, красивы. Не хочу, чтобы отвергали всех мужчин из-за неудачного опыта. — *Какая самоуверенность. Будто мне нужны твои утешения!* — Том оказался темной лошадкой. Он и за вами-то ухаживал, чтобы насолить Одилии. Сам сказал: мол, очень устал от нее и хочет поморочить ей голову. Уж не знаю, что там в итоге случилось, как вы его околдовали, но сначала он хотел лишь отомстить жене.

Колин кладет в рот вишенку, шевелит языком, двигает губами, а я представляю, как он перемалывает ее прямо вместе с черенком.

Комната кружится перед глазами.

— Пойду, пожалуй, — выдаю я с нарочитой беспечностью и направляюсь к выходу. Колин только пожимает плечами.

От злости перед глазами встает красная пелена.

Глава 11. Одилия

Десять лет назад

Июль прошел как в тумане. Вишневый вкус низкокалорийных энергетиков, никотиновые пятна на пальцах, дорожки кокаина в три ночи. Смех, отдающийся эхом от стен спальни, никакого света в комнате, только мерцание экрана, на котором они смотрели то старые реалити-шоу, то ситкомы шестидесятых, то мягкое порно. Все, что приходило Пери в голову. Их выгнали из гостиной, где стоял телевизор — они стряхивали пепел на ковер и не убирали за собой, оставляли следы от влажных стопок с водкой и крошеного риталина на деревянном столе, доставшемся Китти от бабушки.

Одилия каждый день приходила на работу с туманом в глазах и большим стаканам айс-кофе в руке. Никаких больше булочек с Еленой.

— Замечательно выглядишь, — проворковала гигиенист, когда Одилия заметно схуднула.

Не позволять себе ни единой минуты грусти оказалось приятно и легко. Только настроение начинало падать, как Одилия вдыхала крошено-

го риталина, грызла кубик из айс-кофе, выходила покурить. Выяснилось, что жить на стимуляторах куда веселее: Одилия словно взирала на все с небес, сквозь облачко восторга.

У нее никогда не было такой подруги, как Пери. Да вообще близкой подруги. Чем они вообще занимались? О чем вообще разговаривали? В редкие трезвые минуты Одилия даже ответить толком не могла. Сразу после работы она возвращалась домой, а там они с Пери курили одну за одной и смотрели что-нибудь на ноутбуке, сложив ноги друг на друга. Пери весь день спала и просыпалась, только когда приходила Одилия. Та несколько раз видела, как Пери спит в ее кровати, свернувшись калачиком, и красивое правильное лицо в эти минуты было ангельски прекрасно, так и хотелось сжать руками.

По ночам они ходили на пляж, гуляли по берегу и падали на песок с закрытыми глазами, а невидимые волны накатывали одна за другой. Иногда ходили в город; Пери заглядывала в магазины для туристов, нюхала свечи и выходила, купив штук шесть, причем совершенно не нужных. Пери не давала рукам отдыха: курила, тратила деньги, жестикулировала. В редкие минуты спокойствия сжимала руки Одилии — так, что у той аж косточ-

ки трещали и оставались красные отпечатки.

— Если остановлюсь, то и весь созданный мною мир остановится, понимаешь? Мне страшно, — тихо признавалась Пери, и сигарета дрожала в ее руке.

Одилия замечала: даже когда Пери казалась спокойной, общалась с другими, она сжимала и разжимала пальцы, точно проверяла, способна ли еще ими шевелить.

Иногда они катались в машине под кайфом, и шлейф дыма тянулся за ними, как шарф Айседоры Дункан. Ездили бесцельно; Одилия показывала Пери проселочные дороги, и та разгоняла красный «альфа-ромео» до ста миль в час. Подруги вопили от восторга, сердце колотилось где-то в горле, а крики звучали среди пыли, песка и звезд.

Временами они будто превращались в одного человека. Одилия нередко поднимала руку, ожидая увидеть пурпурные ногти Пери. Иногда так и происходило — ей нравилось делать маникюр этого оттенка. Если у Пери дрожали губы, Одилия трогала пальцем свои — проверяла. Руки-ноги превращались в щупальца осьминога, когда подруги валялись на кровати, а мускусный пот смешивался в единый запах, единый дух, пропи-

тывающий спальню.

— Парень по тебе не скучает? — спросила Одилия однажды вечером, когда Пери четвертый раз подряд ночевала у нее, и всякий раз прижимала ее к себе даже среди ночи, когда крепко спала.

— Мы не отдыхать приехали, — пожала плечами Пери. — У него каждый день дела, встречи, созвоны. Увидимся, когда вернемся в город.

Город. Одилия не хотела думать о неизбежном возвращении Пери в Нью-Йорк, к настоящей жизни. *Все это для Пери просто сон.* Эта мысль нередко червячком точила разум Одилии, и требовалось немало усилий, чтобы задвинуть ее подальше, прогнать ее, выбросить из головы.

Одилия вообще существовала без Пери? Вторая непрошеная мысль. Иногда Одилия казалась себе персонажем лихорадочного сна, плодом воображения Пери, созданным по ее велению.

— Моя настоящая жизнь другая, — повторяла Пери в третью ночь их загула, когда беспокойно дымила. — Чем хочешь заняться, Оди, когда уедешь отсюда? Кем хочешь стать?

Конечно, Пери задавала этот вопрос и прежде, но Одилия не смогла подобрать достойного ответа.

— Хочу стать лучше, чем сейчас, — пищала

она. В такие минуты разница между ними была особенно заметной: Пери любила напоминать, чего добилась.

— Я выросла в бедности, ночевала на чужих диванах. А теперь провожу лето в Вайнеке.

Одилию разок так и потянуло рявкнуть: «Да ты до сих пор на чужих диванах ночуешь!», но она сдержалась из любви к Пери. Из любви к тому, как себя чувствовала рядом с ней.

Однажды Пери объявила: они снова идут на встречу.

— Никуда не ходила с того вечера у Сандерсов. Надо показаться на людях.

Собирались они на обед, который проводили на яхте у Фликермана-старшего. Одилия, разумеется, знала Фликерманов, ходила с ними в один лагерь в детстве. Гостей пригласили не слишком много. Пери обещала: будет не так страшно, как у Сандерсов.

И все равно Одилия выпила стопку водки, закинулась риталином, на всякий случай взяла с собой ксанакс. Пери подобрала ей бикини, вышитую накидку, огромную шляпу и солнцезащитные очки, будто замаскировать хотела. После того случая с Аннабеллой Сандерс Одилия впервые надела бикини.

Они сели на яхту «Мэриголд»; Одилия неотступно следовала за Пери и здоровалась с хозяевами. Пери чмокнула всех присутствующих: двоих Фликерманов и двух гостей, смутно знакомых Одилии даже в темных очках.

— Выглядишь потрясающе, — промурлыкала она одной женщине, подражая низкому тенору Пери.

Они сели за стол, накрытый белой скатертью; по обе стороны стояли ведерки с шампанским, блюда с фруктами, граавилохи и рогалики, к которым никто не прикоснулся, кроме двух человек. Зато все поглощали икру в серебряных блюдечках на льду.

— Как вы с Пери познакомились? — спросила Сара Фликерман с дежурной улыбкой. Одилия даже радовалась, что ее не знают.

— Мы познакомились у стоматолога, — просто ответила она, отпив шампанского.

— Странное место для знакомства. — Сара отправила в рот клубнику. — Ты тоже ходишь к доктору Армстронгу? Он мне сделал отличные виниры. — Сара блеснула зубами, подпиленными один к одному.

Она говорила о людях, которых все знали, бросала имена, которые Одилия лишь смутно

припоминала. И все равно кивала, улыбалась, смеялась в нужных местах, запрокидывала голову, и шампанское скользило в горло. Одилия чувствовала: не слишком-то на нее обращают внимание, даже Пери. Но алкоголь на голодный желудок и адреналин смягчали обиду. Теплое солнышко, красивая яхта, прекрасный океан. Одилия влилась в компанию, пусть и совсем чуть-чуть.

Когда посуду убрала прислуга в белых жилетах с вышитым названием яхты, пошли на палубу загорать. Друг Сары по работе выложил дорожку мета, разом вдохнул. Все последовали его примеру, Одилия тоже; мелкие кристаллы жгли сильнее, чем кокаин Пери.

Вскоре гости уже прыгали в океан, лакали соленую воду, как собаки. Она скользила по коже Одилии, как атлас — ей никогда еще не приходилась купаться в столь изумительно чистой воде.

Одилия легла на палубу, даже не обсохнув; солнце жгло кожу. Пупок защекотало что-то влажное, она хихикнула и сквозь прищуренные глаза увидела Пери: подруга слизывала соленую воду. Все рассмеялись над этой выходкой, и Одилия тоже. Поучаствовала в шутке.

— Пойду пописаю, — объявила Пери и потянула

за собой Одилию.

— В воду сходите! — предложил какой-то парень, однако Пери не обратила внимания, завела Одилию в кабинку и села на унитаз, пока та разглядывала себя в зеркале. Рот у Одилии стал тягучим и липким, как жвачка, а зубы непрестанно стучали, скрипел песок. Она наклонилась к фонтанчику и стала жадно глотать воду.

— Дай руку, — вдруг велела Пери.

Одилия глотнула напоследок воды и покорно послушалась. Они стояли вплотную друг к другу в тесной кабинке, и глаза Пери почему-то сверкнули, когда она вцепилась Одилии в руку.

Сперва Одилия ничего не поняла — ее так развезло, что струйка крови на руке показалась ей сном. Она лишь завороженно глядела на крохотный ручеек.

Потом проснулась запоздалая боль. Одилия вскрикнула, подняла взгляд на Пери, а та держала в руке ножницы, которые всегда носила в сумочке на случай, если понадобится отрезать нитку. У Одилии челюсть отвисла; алая кровь на лезвиях походила на лак.

— Зализи. Зализи рану, — пробормотала Пери.

Одилия послушно слизала кровь; слюна приту-

пила боль от пореза.

— Вот и умница, — похвалила Пери. Зрачки у нее были расширенные. Она закусила нижнюю губу и звучно чмокнула Одилию в щеку.

Когда они вышли на солнце, Пери уже спрятала ножницы в сумочку, а кровь остановилась, и только крохотное пятнышко на купальнике напоминало о ранке.

Глава 12. Вера

Сейчас

Я теперь собираю газеты и журналы. Все старые издания, какие только выходили со времен убийства — и «Пипл», и «Нью-Йорк пост», и «Дейли ньюз», и «Дейли мейл». Каждый день приходит новая посылка, до отказа набитая газетами; я сижу в комнате, листаю и вырезаю. Вырезаю заголовки и фотографии Тома, Одилии, Пенелопы, себя самой; боль от слов и снимков превратилась в едва ощутимый укол. Я вырезаю, вырезаю, вырезаю, а после наклеиваю на шелковистую бумагу коллажи, на которых соседствуют наши с Одилией головы, или ем фрукты со страницы, где мое имя смешивают с грязью.

Я погружена в эти безумные коллажи. Куин считает, что я рехнулась. Он бормочет под нос ругательства, когда возвращается домой и заглядывает ко мне, а я сижу с ножницами. И чем дольше сижу, тем больше идей мне приходит в голову. Чем дольше работаю над своим проектом, тем больше статей и фотографий нахожу.

Вот оно, занятие, которого целый год жаждал

мозг. Мое умение планировать, организовывать и воплощать задумку в жизнь отточено до совершенства, но заброшено, покрыто пылью, ведь я больше не работаю. А теперь у меня появилось дело. Цель.

Чем дольше занимаюсь коллажами, тем ближе догадка. Смутный намек на идею, знакомый еще с далеких времен, когда преподаватели в университете подмечали мой острый глаз, мое умение экспериментировать с формами, цветами и тканями. Я набрела на след; вот-вот удастся разглядеть что-то важное. Уверена, эта безумная арт-терапия еще пригодится.

Во мне будто щелкнуло что-то, когда я увидела коллаж Ханны Хех, прочла об оклеветанных женщинах, которым досталось за мужские проступки. Публика все же попросила прощения у Моники Левински и Йоко Оно. Я целую вечность не занималась искусством, но если надо, смогу. И получу не только внимание, но и деньги. Правда, пока не знаю как.

Не могу без этого бесконечного щелканья ножницами, стремления вырезать себя и других. Не могу, потому что внезапно хочу отомстить Тому Ньюберну.

Началось это в вечер презентации книги;

я впала в такую ярость, какой не испытывала со времен убийства и суицида. Конечно, я и прежде злилась. Жалела себя, ведь на мою голову обрушилось столько ненависти! Пряталась от мира, хотела съежиться, пробовала спастись от всеобщего презрения, а в глубине души затаила обиду.

Но эта ярость совсем другая, ядовитая. Она кипит и бурлит, грозится выплеснуться через край и обжечь всех, кто стоит рядом.

Муж Джоани сказал: Том завел интрижку намеренно. Я была лишь пешкой в его браке с женщиной, которую даже не расстроило предательство мужа. Вся моя жизнь разрушена из-за идиота, который всего лишь хотел позлить жену! Он не искал любви, не походил на женатых мужчин, уставших от быта. Нет. Этот психопат желал запутать жену, а сам влюбился в меня, убил ее и себя.

Я вернулась на презентацию книги с натянутой улыбкой; руки тряслись, лед звенел в бокале. Ничего не могла с собой поделать, даже отвела Пейдж в уголок и рассказала об откровении Колина.

— И как мне помогут его мотивы? — недовольно спросила она и ушла подписывать книгу.

Пока Пейдж якобы пытается узнать свою уби-

тую сестру, я стремлюсь разобраться, кем был Том, какой законченный псих мог разрушить столько жизней. Конечно, Одилию не вернуть. И все же хоть какая-то мне помощь. И Куину тоже — он напишет статью, раскроет планы Тома, историю его прошлого, а может, найдет женщин, которых он очаровал, а потом предал.

Поэтому я и пытаюсь днями напролет договориться о встрече с братом Тома. Он преподает антропологию в университете Коннектикута; в годы учебы был звездой бейсбола, а потом занялся наукой. Пейдж права: он ездил в отпуск в Никарагуа, пересидел всю заварушку в Центральной Америке. А теперь вернулся и совершенно не желает со мной встретиться. Впрочем, времени у меня полно, и однажды утром я запрыгиваю в вагон и еду пообщаться с ним лично.

Университет маленький, всюду растут деревья — прямо как с рекламной брошюры: симпатичные общежития, дендрарий, озерцо. Беру в приемной комиссии карту кампуса и с легкостью нахожу кафедру антропологии. Скоро экзамены, в воздухе застыла нервозность, студенты курят у библиотеки, в учебном корпусе повисла мрачная тишина.

Я заранее нашла часы приема профессора

Ньюберна и в джинсах и толстовке сливаюсь со студентами. На всякий случай еще надела кепку — вдруг найдутся любители криминальных передач.

Он занят со студентом, и я терпеливо жду в кресле с потертой виниловой обивкой. Том рассказывал мне о своем брате Брендоне, о том, как завидовал ему в детстве. Интересно, когда Том разбогател, они поменялись ролями? Брендон затаил обиду? Хочу понять ход мыслей Тома, ведь не просто же так он совершил такие чудовищные преступления. Любая информация о детстве подойдет. А потом хочешь не хочешь придется поговорить с друзьями Тома, выудить у них хоть что-нибудь, собрать вместе кусочки головоломки. Вдавить его в землю поглубже, опозорить.

Насколько я знаю, Брендон отказался от публичных заявлений, только выразил сочувствие семье Паттерсон. Надеюсь вытянуть у него хоть немного, помочь Куину написать статью, помочь себе. Надавить на чувство вины — куда ему деваться, если пришла поговорить жертва брата, тем более такая красивая и трогательная, как я.

Студент выходит из кабинета, тогда внутрь проскальзываю я и закрываю за собой дверь. Брендон сидит за большим видавшим виды столом, всюду

беспорядочно разбросаны папки. Брат Тома не сразу поднимает взгляд, что-то подчеркивает красным маркером — вероятно, работу студента.

— Добрый день! М-м… Напомните, как вас зовут? — Брендон явно пытается вспомнить, где меня видел. Он ниже Тома, нос у него кривоват, волосы седеют, на пухлых щеках легкая щетина. Только глаза у них одинаковые, мне даже не по себе становится.

— Вера. Вера Макдоналд. Я знала вашего брата.

Он вздрагивает. Судя по глазам, лихорадочно гадает, как выйти из положения, как быстрее метнуться к двери. Я сижу напротив, как обычная студентка.

— Мне нужна информация, больше ничего. Ваш брат разрушил мою жизнь, и я хочу знать почему, — говорю я просто, мягко, без угрозы в голосе. Добавляю немного дрожи, словно вот-вот расплачусь. — Я не из прессы. Не журналистка. Я всего лишь девушка, ищущая ответа на свой вопрос. — Надуваю губы, хлопаю ресницами, вся сжимаюсь в кресле. Рассказываю: я потеряла работу, друзей, даже родные со мной не разговаривают. Я совсем одна.

Брендон щиплет себя за кончик носа.

— Мне нечего сказать. Я знал совсем другого

человека, не убийцу беременной жены. — Он прикрывает веки, будто хочет, чтобы я исчезла с глаз.

— Так кем же он был? — Я сжимаю подлокотники, аж костяшки белеют. — Прошу, я ничего не понимаю! Из-за него я лишилась карьеры и репутации. Хочу все выяснить и успокоиться, понять: моей вины тут нет. — Слегка перегибаю палку, но вроде клюет. Трудно отказать печальной красавице.

Он пускается в воспоминания о младшем брате, который всю жизнь был слабеньким и странным, отставал в математике и чтении, нагонял программу после уроков. На физкультуре его брали в команду последним, друга нашел только одного, да и то с трудом.

— А потом он поступил в университет, и все переменилось. Он заинтересовался экономикой. Работал не покладая рук, мы с родителями очень удивлялись. У него вдруг появилась цель. Он так и остался странным, зато его приняли в магистратуру, причем на престижное направление. Доучивался в Колумбии, как вы знаете, закончил в двадцать четыре. Во всем хотел быть первым. Стоило его поддеть: «Ты не умеешь в шахматы играть» или «Чтоб ты да боролся?!»,

как он сразу предлагал сразиться в шахматы или врукопашную во дворе. — Брендон перебирает бумаги. — Честно говоря, мы почти не общались. Когда родители умерли, возникли кое-какие сложности с завещанием, наши пути разошлись. Помню, когда он начал встречаться с Одилией, сказал: она его понимает, у нее тоже сестра, которую не обогнать. Полагаю, в мой огород был камешек.

Пейдж?! Неуверенная в себе, одинокая Пейдж и есть сестра, которую не обогнать? Надо бы за ней последить.

— Знаете, он очень изменился, когда стал изучать бизнес. Освоился в обществе, если можно так сказать. Научился располагать к себе. И это парень, который прежде двух слов связать не мог! А тут вдруг начал играть в гольф с людьми, у которых доход в двадцать раз больше моего. Мышцы накачал, сделал стрижку получше. В общем, нашел себя. — Брендон задумчиво постучал пальцами по столу. — Тут без девушки не обошлось. Не помню, как ее звали… как греческую богиню, а какую… Она с этим помогла. И выстроить фирму помогла.

Перехватываю его взгляд.

— Точно не помните, как ее звали?

Он качает головой, беспомощно пожимает плечами и сидит с задумчивым видом — думает, стоит ли продолжать. Я терпеливо наклоняюсь к нему, побуждаю рассказывать дальше. Он со вздохом сдается.

— Ходили слухи, будто отношения у них… со странностями. Он вроде как любил втроем, что-то такое. — Последнюю фразу Брендон выплевывает, точно крошку в горле. — Толком я ничего сам не пойму. Застенчивый, чудаковатый Том, с которым я вырос, никогда не убил бы жену и будущего ребенка. Страшно даже думать, что я жил с чудовищем. Что мы стали такими разными, хотя гены у нас одинаковые.

Раздается стук в дверь.

— Похоже, следующий студент.

Поблагодарив Брендона, я шагаю к выходу.

— Вера! Вы ни в чем не виноваты. Я тоже иногда виню себя. Думаю: может, не стоило исчезать из его жизни? Если бы мы встретились, общались, этого бы не случилось?.. Поймите, не нужно себя мучить всяческими «может». Правда. Надеюсь, вам станет легче.

Он поднимает на прощание руку. Я отвечаю тем же, глядя в его глаза — глаза Тома, — и выхожу.

Глава 13. Одилия

Десять лет назад

Август.

В комнате Одилии стояла влажная духота, лопасти вентилятора лениво вращались, словно не желали создать ветерок. Одилия с Пери ушли на пляж, ближе к восточной стороне, на размытый участок берега. Когда вздымалась волна, участок и вовсе исчезал, и девушек мотало по серым волнам, как два буя.

Океан с его пенистыми гребнями побуждал к откровениям, становился соленой гробницей глубоких тайн.

— Родители меня не хотели, — призналась Одилия Пери. — Я родилась не вовремя. Мама планировала отучиться в магистратуре, повидать жизнь, а не учить детей в провинциальном городке. Они постоянно напоминали, как мечтают обо мне забыть.

В пять лет ее случайно оставили на целый час, как в фильме «Один дома», зато Пейдж лежала в слинге, прижималась к материнской груди.

Девять лет, выступление танцевального круж-

ка, все родители в сборе и достали камеры, только к Одилии не пришли. Домой ее привезла чья-то мама; мать лежала на диване с несварением, а отец ушел с коллегами.

— Солнышко, твоя учительница знала, что мы не сможем прийти, надо было тебе сказать, — утешала она, выпив лекарство.

Разговор, который Одилия случайно подслушала в пятнадцать, когда спустилась на кухню за остатками ужина, а родители сидели в соседней комнате с друзьями.

— Вот пойми ее! Пейдж всегда такая радостная, умелая, старательная. А у Одилии даже увлечения нет, ничего ей не нравится. Как чистый лист, — сетовал отец, слегка перебрав с пивом.

— Ну, она еще подросток. Им ведь ничего не нравится, — напомнил кто-то из родительских друзей.

— Дело не в возрасте. Она всегда такая была. Если бы не волосы, я в роддоме ее даже не узнала бы. Зря потратили такое красивое имя, — разоткровенничалась мать, потом чего-то отпила. — Впрочем, в жизни хорошо устроится. Послушным и незаметным обычно везет.

Пери танцевала в воде как сирена, водоросли обвивали ее шею и руки; она плескала водой на

Одилию, а та сидела на коленях и пыталась поймать рыбку — хотела вытащить на поверхность и глядеть, как задыхается.

Пери поведала Одилии о фотографиях в большом альбоме, который хранила в ночном столике; она звала эти фото грязными, сделала их со своим парнем на камеру с таймером. Любила иногда смотреть на них перед сном, когда не ночевала с Одилией, и трогать себя.

— Наверное, я уже родилась плохой, — прошептала как-то раз Пери; ее лицо наполовину скрывалось в воде, от губ шли пузырьки.

— Тут нет ничего плохого.

Одилия смутилась, захотела нырнуть на дно и отсидеться там, жевать песок и грызть ползущего рака-отшельника. Пери не дала — схватила ее за руку и поделилась другой тайной в тающей беззвездной ночи.

— Моя мать била отца, швыряла в него вещами. Стаканами, рамкам для фотографий. Мы все слышали. Один раз обожгла ему пальцы свечой у нас на глазах — и сказала: научи детей выносить боль. Он даже не моргнул. Очень ее любил. На нас она никогда руки не поднимала. Я однажды видела его в ванной, у него на спине были рубцы размером с монету. Да… боль иногда бывает

притягательна, желанна для обеих сторон. — Пери вытащила из воды усик какого-то растения, откусила, похрустела немного и выплюнула. — С другой стороны, он все-таки с собой покончил. До сих пор не понимаю, связаны ли его жажда боли и его депрессия. — Она нырнула, уплыла от Одилии, и ее темные волосы блестели в затихших водах, точно акулья кожа.

Пери пришлось на несколько дней уехать в город по делам. К врачу сходить, встретиться с агентом насчет рекламной кампании. Она призналась, что в последнее время мало работала, редко съемки посещала. Возраст уже не тот.

— Сильно не скучай, — попросила она, выезжая с парковки у дома Одилии.

«Возьми меня с собой!» — хотела крикнуть Одилия. Хотела броситься под колеса, и пусть ее раздавит. Пусть хрустят кости и разлетаются по асфальту внутренности — все лучше, чем жизнь без Пери.

Уныло тянулись дни. Одилия безвылазно сидела в комнате, дым одинокой сигареты поднимался к вентилятору на потолке. Она не знала, куда себя деть, не могла вспомнить, как жила до Пери. Чем тогда занималась? Работала, ела, спала? Все это ей уже без надобности.

Конечно, на работе ее ждала досужая болтовня, но для этого не нужно *самости* — довольно быть человеком без лица, картонкой. Она и места занимать стала меньше, почти не осталось плоти, на теле появились новые пустоты и впадины.

Когда Одилия возвращалась домой и легкая, как пух, ложилась в постель, ей не хватало тяжести по соседству, тепла другого тела. Она ходила на пляж одна, открывала глаза под водой, глядела на камни и песок. А поднявшись на поверхность, с удивлением понимала: никто не потянет ее за волосы обратно в воду, никто не вытащит рака-отшельника из раковины, не станет глядеть, как он беспомощно болтает клешнями.

В постели, обнимая пропахшую морской водой подушку, Одилия вспоминала людей, с которыми прежде общалась: Китти, других знакомых из старшей школы, детства, которых называла подругами, которых вроде любила. Нет, с ними она только существовала — они были рядом, вот и все. Чем они теперь занимаются? Пьют ворованное пиво на пляже, спят с потными мужиками, болтают ни о чем, равнодушные друг к другу? Выщипывают сверх меры брови, шипят на туристов, на их восковую эпиляцию, ухоженные ногти, безупречную кожу?

В тот день случилась одна странность. Китти, которая месяцами не разговаривала с Одилией, преградила ей дорогу на парковке вместе с Калипсо Роджерс, их общей знакомой из старшей школы — она была красивее их обеих, с шелковистыми белокурыми волосами и проколотым пупком на плоском животе.

— Калипсо говорит, твоей новой подружке доверять нельзя, — высокомерно заявила Китти, пока Одилия пыталась их оттеснить и зайти в низенькое кирпичное здание. — Скажи ей, Калли.

— Она меня очень обидела, — промямлила Калипсо, опустив глаза.

— И? — Одилия закатила глаза и зашла в здание.

— Подожди! — крикнула Калипсо ей вслед.

Одилия не хотела никого ждать, тем более завистливых провинциалок.

А теперь она перевернулась на бок и уснула, спала долго-долго — дольше, чем за все лето с Пери. А когда проснулась часов двенадцать спустя, спальня по-прежнему удручала, по-прежнему терзала необъяснимая тоска.

Одилия закрыла глаза и пожелала: вот бы скорее вторник, когда Пери вернется.

Глава 14. Вера

Сейчас

На неделе заглядывает Сэм и сразу шагает на тесную кухоньку — запекать утку с апельсинами. Такой поднимаются дым и чад, что приходится вытащить батарейку из датчика дыма, иначе он пищит, не замолкая. Пока готовится утка, Сэм заходит посмотреть на мои коллажи. С виду — сумасшедший дом. Зато когда приглядывается повнимательнее, светлеет лицом.

— А неплохо, Ви! Композиция хорошая, цвета отлично подобраны. У тебя меткий глаз. Здорово, что вернулась к творчеству. — Он перебирает страницы.

— Пока сделала двенадцать, никак не могу остановиться. Руки сами тянутся. Я как одержимая.

— Создай сайт, помести их на футболки какие-нибудь. Попытайся продать.

— Тоже подумываю.

Сэм кивает.

— Если понадобится помощь, скажи.

Куин раскладывает стол, Сэм подает утку с рисом и зеленым горошком. Молчание длится

недолго, Сэм спрашивает, как идет наш маленький журналистский проект.

— Вера устроила охоту на Тома Ньюберна, — объясняет Куин. — Хотела бы сама его убить, да он уже умер.

Сэм вопросительно поднимает бровь, а я отрезаю кусочек утки, сочной и розовой.

— Все время узнаю что-то новое. Пейдж меня сводила на две встречи, там столько выложили… — Рассказываю о Ширли, Колине, поездке к Брендону Ньюберну.

Глаза Сэма сияют.

— Да ты Шерлок! Нарой побольше про эти романы втроем. Понимаешь, в чем штука: о Томе никто ничего не выяснил — ни о работе, ни о личной жизни. А ты раскроешь дело! Видно, они не против тебя — приглашают же.

— Вот только Вера уже не общается с Пейдж, — выдает меня Куин, посыпая горошек солью.

— После презентации книги она никуда не звала. И остальные подруги Одилии тоже.

— Сама себя пригласи. — Сэм качает головой. — Ты должна ей навязаться в подружки, забыла? А чем больше времени проводишь с ней, тем ближе становишься к Тому. Спорим, его друзья в чем-то замешаны? Они тебе все про Тома выложат, тебе

можно доверять — внимания прессы ты точно не хочешь.

— Полегче, — вмешался Куин. — Это ведь ее жизнь, а не лайновщина[9].

Сэм отрезает кусочек утки.

— Да ну тебя. Вере нянька не нужна. Обязательно встречайся с Пейдж. Знаю, ты привыкла, что тебя приглашают, а ты сидишь сложа руки, но теперь сама предложи Пейдж посмотреть кино. У нее дома, а не в твоей психушке, где всюду коллажи с ее сестрой. Потом скажи ей: если друзья Одилии позовут, ты всегда придешь на выручку. — Сэм довольно жует.

— И я так хотела. Одна загвоздка: Пейдж я вроде как не нужна. Похоже, сама вливается в компанию, выпытывает информацию о сестре.

Сэм смотрит на меня, как на дурочку.

— Поэтому и надо о себе напомнить. Ты в жизни хоть раз пальцем шевельнула, чтобы сохранить дружбу?

Я задумчиво молчу.

— Так я и думал. — Сэм хватает со стола мой телефон, спрашивает пароль, и я неохотно назы-

---

[9] Сноски: 9

Эдриан Лайн — американский режиссер, знаменитый в основном эротическими триллерами (например, фильмом «Роковое влечение» 1987 г.) В киноиндустрии его имя в какой-то мере стало нарицательным.

ваю цифры. Потом отдает мне.

Привет, Пейдж! Надеюсь, у тебя все хорошо. Хочешь на неделе посмотреть кино? Я бы позвала к себе, но у меня ДУРДОМ. Напиши, как освободишься!

— Я совсем не так пишу, — ворчу я, недовольная лишними восклицательными знаками.

— Вот именно, — парирует Сэм и кладет себе еще риса.

На сей раз Пейдж пускает меня без особой охоты, будто одолжение делает, и даже не смотрит на меня, когда смешивает «маргариту». Я сразу решаю не рассказывать о поездке к Брендону Ньюберну — непонятно, как отреагирует Пейдж. Если ей не все равно.

И все же мое влияние заметно. Выглядит она как типичная жительница Коббл-Хилл: легкий макияж, дорогой спортивный костюм серого цвета. Подстрижена лучше, и руки как-то изменились, есть в них нечто смутно знакомое.

Мы сидим перед огромным телевизором с коктейлями и попкорном; Пейдж непривычно тихая, хорошо хоть фильм стоящий, «Дьявол носит Prada». Она весь вечер с кем-то переписывается.

К финальным титрам я прикончила две «маргариты» и набралась смелости.

— Кто этот везунчик? — спрашиваю, показывая на телефон.

Пейдж впервые за вечер смотрит на меня, краснеет, опускает телефон на стол вниз экраном.

— Ты будешь осуждать, — с мрачной уверенностью бурчит она.

— И не подумаю, — убеждаю я. Хотя вообще буду.

Она отводит взгляд в сторону, вновь переводит на меня.

— Я встречаюсь с Джексоном Ледеки.

Может, послышалось? Главное, не выдать отвращения.

— Встречаешься с Джексоном Ледеки? — тупо повторяю я.

— Знаю, но он был со мной таким милым! Пригласил на жутко дорогой ужин, присылал цветы, водил на вечеринки, знакомил с разными людьми. И секс у нас обалденный. — Она икает со смеху, а у меня аж дыхание перехватывает.

Джексон Ледеки — главный операционный директор в «Снапи», компании Тома. Наверняка это тот высокий блондин, на которого она пялилась во время презентации книги. Я тогда не знала, как он выглядит, но имя слышала, разумеется.

Джексон Ледеки — ближайший друг человека,

который убил беременную сестру Пейдж.

Стараясь не показывать, как меня потряс этот ужас.

— Ну, лишь бы он и дальше был милым! — Я беспечно пожимаю плечами. Вот почему Пейдж так давно не писала, вот почему больше не нуждалась в моей помощи. — Он хорошо знал Одилию?

Похоже, я неплохо сумела скрыть омерзение: Пейдж уже не так скована.

— Да, он классный. Поначалу смутился немного, он ведь связан с моей сестрой, но теперь мы узнали друг друга получше, и ему все равно. На выходных он меня поведет на вечеринку у Беннингтонов, ее проводят в Вайнеке, где я раньше жила. Съездить не помешает.

Вопрос насчет сестры Пейдж пропускает мимо ушей. Тянется обратно за телефоном, и тут я понимаю, что меня смутило в ее ногтях: они бордового цвета и такой же формы, как у меня год назад, когда еще не рухнула моя жизнь. Когда меня еще волновали такие мелочи.

— Ого! — Улыбаюсь шире некуда. — А можно с тобой? Всегда хотела съездить в Вайнек! — Судя по виду, Пейдж прикидывает, брать меня или нет. — Я знаю, где можно добыть одежду по скид-

ке. А еще могу записать тебя в один шикарный салон, сделаешь прическу и маникюр!

В яблочко.

Глава 15. Одилия

Десять лет назад

В воскресенье позвонила Пейдж.

— Сегодня ужин с семьей. В шесть. — Треснула скорлупка, захрустел арахис, любимое лакомство Пейдж.

Хоть какое-то дело. Одилия гадала: родители сами решили пригласить, или Пейдж подсказала? Они давно не видели Одилию, да и она с ними не пересекалась. Дошли до них сплетни, слухи о ее новой подруге? Они одобрили бы Пери? Как все местные, родители Одилии с подозрением относились к отдыхающим. Зато любили их денежки.

Одилия надела лучшую пару джинсов. Пери оказалась права: всего два месяца, и Одилия в них влезла. Сделала макияж, подчеркнула заострившиеся скулы, провела тушью по ресницам. Выкурила сигарету в ванной, пепел стряхивала в раковину. Уложила брови, выщипала торчащие волоски, как учила Пери.

Дома ее встретил яркий свет, накрытый стол, в ноздри ударил запах запеканки с тунцом, и

Одилию затошнило; усохшему желудку вполне хватало никотина и стимуляторов. Она села за свое место и ждала остальных.

Первым вошел отец, покосился на нее.

— Хорошо выглядишь, — заметил он, уселся во главе стола. Больше не произнес ни слова, только газету читал.

Вскоре вошла мать с едой. Попросила Одилию принести из кухни салат. И лишь когда они остались на кухне одни, мать принялась ее разглядывать, пока наливала воды в кувшин.

— Ты другая. Не забудь заправку для салата.

Одилия взяла банку, нервно царапая этикетку.

Наконец все уселись. В последнюю минуту примчалась по лестнице Пейдж — блестящие волосы собраны в пучок, карие глаза оживленно блестят.

— Классные джинсы, — бросила она Одилии и принялась за еду. Никто не удивился, что Пейдж не дождалась остальных.

— У нас новости, — взволнованно объявила мать, передавая мужу салат. Голос у нее дрожал от гордости, она хотела немного потомить остальных. Одилия ссутулилась, отпила воды. Никто и не заметил, что тарелка у нее пустая.

— Я поступила в академию имени Шермерхорн!

Все расходы покроет академия, учиться начну в следующем году с зимнего семестра! — ликовала Пейдж, нанизывая на вилку кусочек запеканки.

Академия имени Шермерхорн была лучшей среди школ-интернатов на Восточном побережье и выпускала президентов, ученых, творческих людей. Ходил слух, будто конкурс там выше, чем в Гарварде. Поступление в Шермерхорн давало удивительные возможности, пропуск в университет Лиги плюща, любую работу, какую ни пожелаешь, и связи с людьми, которые могут исполнить все твои желания, стоит только шепнуть на ушко влиятельному человеку.

— Мы даже не знали, что она подала заявление! Только вчера одобрили! — Отец Одилии поднял стакан с водой, чествуя дочь. — Мы тобой гордимся, солнышко. Конечно, с твоим-то умом помощь в поступлении не понадобилась, а все-таки! Я в твоем возрасте даже договор у врача заполнить не мог!

Все трое взахлеб обсуждали день отъезда, учебники, учебные клубы и команды. Пейдж доела ужин и сидела, положив подбородок на руки — ни дать ни взять мечта родителей. До нее никто из местных в Шермерхорн не поступал. Осенью школа устраивала праздник в ее честь. Пейдж

предстояло отучиться там еще семестр и одновременно проходить онлайн-курсы в академии, чтобы подготовиться к учебе.

— Будешь скучать по Райану? — полюбопытствовала мама, добавив соли в запеканку. Райан, лохматый блондин из школьной команды по футболу, в то время был парнем Пейдж.

Пейдж наморщила носик.

— Найду другого. Мне нравится Райан, но он такой… обыкновенный. Мне нужен кто-то поинтереснее, чтобы становиться лучше вместе с ним.

Отец довольно хмыкнул. Одилия сидела с пустой тарелкой, пустым стаканом, а родители не обращали внимания, только ворковали над младшей дочерью. Даже не взглянули в сторону Одилии, словно шеи не могли повернуть.

Одилия, недолго думая, подняла вилку и с грохотом уронила на тарелку, прервала самодовольную болтовню родных. Те ответили растерянными взглядами — похоже, забыли о ее присутствии.

Одилия переплела пальцы.

— У меня тоже новости, — важно произнесла она. Глаза родных горели нетерпением, они хотели поскорее вернуться к своему разговору.

Одилия улыбнулась, расправила плечи. — Я переезжаю в Нью-Йорк.

Пути назад не было. Ехать так ехать.

Глава 16. Вера

Сейчас

Когда я сижу на заднем сиденье шикарного лимузина, который Джексон Ледеки нанял для поездки в Вайнек и обратно, я вдруг понимаю, почему друзья Одилии так спокойно отнеслись ко мне, хотя я связана с ее смертью. Тут работает особая, больная логика.

Эти люди привыкли к извращенному, ненормальному. Они — мастера забывать, хоронить под грудой денег; под их гладкой кожей скрываются гниющие скелеты, и само их разложение питает почву для новых пороков. Мысль не нова, однако особенно потрясает при взгляде на Джексона и Пейдж. Она уселась на него, закинула ноги ему на ноги, а теперь покусывает подбородок. А он уворачивается, тоже ее покусывает за мочку уха, точно грызун.

Я прошлой ночью прочитала про Джексона в интернете. Перед «Снапи» он работал на другую логистическую компанию, но она развалилась. Развалилась из-за многочисленных нарушений прав человека: складских рабочих увольняли

за перерывы на туалет, зарплаты задерживали, если груз отправлялся хоть получасом позже положенного. За все эти нарушения Джексона Ледеки призвали к ответу в нежном возрасте двадцати пяти лет, а после — оправдали.

Да уж, чего в жизни не бывает. Ну ладно, по крайней мере, мы с Пейдж хорошо выглядим.

На мне короткое черное платье с лентами, от «Бек+Бридж», туфли на низких каблуках, волосы распущены, макияжа самая капелька. Сегодня не нужно привлекать внимания, иначе не выйдет добыть что-нибудь о Томе. Если слишком заметно и ярко одеться, можно всех спугнуть.

Зато Пейдж расстаралась. На ней белое корсетное платье без бретелек, ниспадающее до щиколоток, массивные кроссовки, волосы собраны в небрежный пучок, на шее ожерелье от Беа Бонджаска. «Смоки-айс», помада приятного розового оттенка, ни следа кричащего макияжа. Я написала старой знакомой из салона красоты и подобрала для нее окошко. Сама я, разумеется, туда не ходила больше года. Мне подровняли кончики и сделали укладку. Никого вроде не напрягало мое присутствие.

Наконец мы добрались до Вайнека; Джексон и Пейдж дурачатся, как подростки перед выпуск-

ным, проливают друг на друга шампанское, а я гляжу из окна на город, где выросла Одилия. Час уже поздний, да и лето едва началось, поэтому особого веселья нет. В окнах не горит свет, у бара шатаются несколько гуляк, а в остальном — тишь да гладь. Только волны неумолчно шумят вдалеке, но к этому звуку быстро привыкаешь.

Доехали. Главные ворота открыты — заходи кто хочет. Но нет, за высокой живой изгородью у дома стоят охранники, скрываются в полумраке, словно хотят обмануть бдительность незваных гостей.

Дом не слишком впечатляет. Простой, маленький. Беннингтоны вроде миллиардеры, а про этот дом чей-нибудь богатенький сынок сказал бы: «Сойдет для начала». Спотыкаясь, иду за Джексоном и Пейдж.

— Здесь они принимают гостей, — объясняет он, глядя на меня через плечо. — В главном доме у них ремонт. Это он на первый взгляд такой маленький, а на самом деле тянется до самого пляжа.

В доме нас встречают толпы гостей, тяжелые басы и откровенные картины на стенах; во мне даже просыпается скромность, смотреть противно на бесконечные полотна с грудями, задницами

и вульвами — фантазия озабоченного подростка, а не искусство. Поджимаю губы, а то нахмурюсь.

Луиза Беннингтон, знакомая мне по церемонии памяти, целует Джексона в обе щеки, обнимает Пейдж. Благодаря пластическим операциям ее возраст определить трудно; на ней комбинезон от Рика Оуэнса, волосы вместо белокурого теперь выкрашены в лиловый и ниспадают до талии, а глаза необыкновенно синие — может, линзы?

— Луиза Беннингтон. — Она сжимает мою ладонь обеими руками. — Спасибо, что пришли.

Взгляд у нее пустой — похоже, забыла меня. Не успеваю представиться заново, как она исчезает среди вновь прибывших гостей. Публика разношерстная, все вроде Илона Маска и Граймс. Много одетых в костюмы мужчин с пересаженными волосами, много худеньких женщин с крохотными татуировками на руках. Куда ни кинь взгляд, всюду люди — сидят на стеклянных столиках с энциклопедиями, которые никто не читает; на коленях чужих мужей. Участницы книжного клуба расселись на креслах-мешках, вот только «мешки» сделаны из страусиной кожи.

Чувствую на себе взгляды, слышу шепоток. Кое-кто меня узнал. Незаметно пробираюсь к креслам-мешкам, а Джексон с Пейдж идут к

бару.

— Привет! — Ко мне наклоняется Рути в брюках и топе с закосом на богемный стиль. Так весело чирикает, аж скулы сводит. — Мой парень не смог прийти, тогда я решила взять Джоани с Колином, а они тоже не смогли, она ведь беременна и все такое. Хорошо хоть Ширли с Лайлой нашла. — Она показывает на Ширли, увлеченную разговором с гостем. — Кларисса с мужем курят на улице с Лайлой, скоро вернутся. Здесь много интересных людей. В прошлом году на такой вечеринке мой друг познакомился с поклонником Дэвида Хокни, у него дома пять оригиналов картин с бассейнами. Так он заказал у Хокни картину для моего друга, представляешь? У всех тут найдется похожая история. Оказывается, компания LVMH приобрела «Тиффани» после разговора на этой вечеринке. Ну, про местные постельные шалости ты, наверное, знаешь. — Она болтает и болтает, а я прощупываю почву.

— Слушай, не расскажешь про эти постельные шалости? — интересуюсь я, хотя Рути ушла на три темы вперед. Возможно, тут есть связь с предпочтениями Тома, о которых мне говорил Брендон Ньюберн.

Рути закусывает губу, отводит взгляд в сторону

и двигается ко мне поближе.

— Ну, я ни в чем не участвовала. Ходят слухи, что Беннингтоны раньше зря времени не теряли. Большие были выдумщики в постели. С годами подуспокоились, конечно. Хотя до сих пор ходят друг к другу в гости, меняются супругами.

Хочу еще расспросить — вдруг проболтается о Томе? — но высокая рыжая женщина в винтажном платье уводит ее с кресла-мешка в самое ядро вечеринки.

Будь я в ясном уме, завела бы полезные знакомства, пообщалась с какой-нибудь богатой наследницей, у которой своя линейка обуви. Знаю-знаю, так и надо, однако сейчас не до работы — в таком состоянии даже визитку попросить не получится, не то что очаровать какую-нибудь инфлюэнсершу и выбить местечко в ее компании.

Для начала всем покажу, что я отнюдь не злодейка, потом встану в сторонке с бокалом и дождусь кого-нибудь из бывших коллег Тома, ну а там представлюсь и попробую выведать, о каких таких «странностях» говорил Брендон. Я составила список жертв — кто-нибудь да появится. Самый лакомый кусок это, конечно, мистер Беннингтон собственной персоной. Я его видела

рядом с Луизой — крупный мужчина с густой шевелюрой, вроде бы настоящей. Только они с Луизой вряд ли найдут время со мной побеседовать, им ведь нужно развлекать гостей.

Возвращаются Джексон и Пейдж, протягивают мне бокал, и я выпиваю, не глядя.

— Поброжу немного, — с улыбкой говорю я Пейдж. — Скоро вернусь! — И быстренько ухожу, пока не увязалась за мной.

Протискиваюсь между гостей, беру еще напиток, чтобы занять руки. Многие делают вид, будто увлечены разговором, а сами украдкой поглядывают на меня. Скорее с любопытством, чем с презрением, точно я — акробатка для людей, привыкших к замысловатым развлечениям.

Выбираюсь на улицу подышать свежим воздухом. Там стоят Лайла и Кларисса с мужем; он — коренастый мужчина с бритой головой, как у жены, а Лайла невысокая, еще и без каблуков, топорщатся уложенные гелем прядки. Кларисса курит одну за одной, Лайла почему-то вяжет, только спицы щелкают. Подхожу поздороваться.

— Думаю бросить курить, — объясняет Лайла, показывая на узор. — Вязание помогает.

А Кларисса заметно выпила, размахивает сигаретой перед самым лицом.

— Ты! Ты пришла! — Она поднимает руку в приветствии. — Куда ни глянь, везде ты, тусуешься с нами. Вот странно! Знаешь, Одилия не слишком-то разговорчивая была. Я ее почти не знала, хотя мы «дружили». Такая тихоня, немного с причудами. Вот бы узнать, что там на самом деле случилось. Да уж, кошмарная трагедия. Но, как говорится, не будите мертвого медведя. Или спящего? — Кларисса хрюкает от смеха.

Муж останавливает ее руку.

— Успокойся, Рисса.

И все же в его глазах блестит любопытство, ему забавно, что жена со мной заговорила. Мысленно добавляю его в список людей, которых следует расспросить, и улыбаюсь в ответ.

— Ничего. Я привыкла.

Пробираюсь в дом, пробую присоединиться к разным компаниям. Вечеринка становится громче, развязнее, и с каждой поверхности вновь и вновь на меня смотрит мое же лицо.

Два часа спустя ноги мои устали, волосы разлохматились, тушь растеклась. Занимаю освободившийся шезлонг, пью пятый за вечер бокал и гляжу в темноту. Ни черта у меня не вышло. Столько людей расспросила, даже губы болят от улыбок, вот рту пересохло от волнения. Пого-

ворила почти со всеми из списка, но как бы ни хлопала глазами и ни касалась невзначай бедер, все наотрез отказывались говорить о Томе.

А ведь на презентации Колин мне выложил все просто так, без расспросов. Может, я слишком много о себе возомнила? Может, если не давить, мне и так все расскажут? Поднимаю взгляд на луну, она светит всем одинаково — и убийцам, и выжившим, и миллиардерам, и бездомным.

Я из кожи вон лезла, пыталась себя обелить, — а может, следовало отдаться на милость волн и поглядеть, куда они меня принесут? Может, мне совсем не предназначена великая судьба? Может, этот ужасный случай должен мне послужить уроком, сделать меня другой?

А может, узнавать больше и нечего. Может, Том был обычным человеком и вспылил разок, не зря же все так говорят.

Кто-то со вздохом садится рядом со мной. Гости почти все ушли на пляж, диджей поставил ночной сет.

— Машину часа два ждать, — проговорили у меня за спиной.

Оборачиваюсь и вижу: на шезлонге раскинулся Джексон — волосы растрепанные, на шее засос.

— А где Пейдж?

Он отпивает пива из запотевшей бутылки.

— На втором этаже, вырубилась. Раньше мог отрываться до трех, не меньше, а теперь уже в час голова раскалывается. — Джексон ставит пиво на траву, потирает виски. — Да уж, мы с Томом раньше отжигали… Он вечно что-нибудь выдумывал. Любил пляж в темноте, любил по ночам плавать. Мы напивались и спорили, кто дальше заплывет. Он любил соревноваться, а я всегда трусил, уступал ему. С детства воды боюсь, понимаешь? — Джексон отпивает еще пива, его голос дрожит.

— Скучаешь по нему? — тихо спрашиваю я, понемногу оживляясь.

Джексон глядит на пляж, что виднеется за изгородью.

— Скучаю, сильно скучаю. Конечно, так нельзя говорить, но он мне был вроде брата. Вспоминается, как он сюда ездил… И как с Одилией познакомился, кстати.

— Том сюда ездил? — Я вздрагиваю.

— Ага. Когда основал «Снапи».

Думаю, как бы половчее перевести тему.

— А с Одилией ты близко общался?

Джексон снова прикладывается к пиву, довольно вздыхает.

— Не очень. Она скрытная была. И он тоже скрытным стал. Нет, он всегда был рабочей лошадкой, шел к цели, но после того лета прямо замкнулся.

Набираю в грудь воздуха, подыскиваю нужные слова.

— Так многие говорят. Ну, что она не слишком разговорчивая была. Тому нравились застенчивые девушки?

Джексон качает головой.

— Когда мы познакомились, ему совсем другая девушка нравилась.

Приходится его мягко подтолкнуть.

— Другая? Какая? — Голос у меня мягкий, тихий, вот-вот унесет ветром.

— Безбашенная. Но красотка. Вертела Томом, как ей вздумается. Он мне говорил: у них с Пери — ее так звали — в прикроватной тумбочке лежат разные фотки. Пикантное что-то, иногда втроем. Он их называл как-то странно, «жемчужины» вроде. — Джексон облизывает губы. — Правда, под конец лета все пошло кувырком. Она кучу своих вещей тут оставила, мистер Беннингтон постоянно ворчал.

Он вдруг спохватывается.

— Черт, тебе неприятно слушать, да? — Джексон

проводит рукой по волосам, взгляд становится какой-то испуганный. — Забудь, ладно? Пейдж меня убьет, если узнает, что я говорил с тобой о сестре.

У меня теперь другая цель. Встаю с новыми силами.

— Ничего. Пойду-ка я в туалет. Найдешь меня, когда машина приедет? — И убегаю в дом.

Фотографий здесь нет, не может быть. Десять лет прошло. И все же невидимая рука, призрак Одилии, ведет меня наверх, к главной спальне — кто-то обмолвился, что она за первой дверью слева. И вот она — кричащее розовое уродство, ковры с животными принтами, похожие на гениталии цветы, только не как на картинах Джорджии О'Кифф, а безвкусные.

Не дает покоя смутная догадка, упорно от меня ускользает. Джексон сказал: «жемчужины». Вспоминаю комментарий Тельмы Кей под фото, где Одилия с Томом и еще одной парочкой, Одилия улыбается во весь рот… *Зубы=секреты.*

У двуспальной кровати стоят две огромные тумбы цвета лайма, в каждой по одному большому ящику. На самих тумбах ничего, только лампы муранского стекла с золотыми вкраплениями, поэтому я сразу выдвигаю ящик. Пусто, лишь

снотворное, щипчики для бровей и два старых журнала.

Подхожу к другой уродливой тумбе с огромным ящиком. Вот здесь куча барахла: ватные палочки, мазь от сыпи, сушеные растения, столовые приборы, рулетка, образцы ткани. А еще стопка книг.

Перетряхиваю каждую. «Убить пересмешника», поваренная книга, «Правила», географический справочник по Вайнеку, старая телефонная книга. И пузатый том о зубах: глянцевые фото кошачьих клыков, хищных растений, детских зубов. Акул. Мысли путаются, блики света пляшут перед глазами.

Открываю книгу, судорожно шарю по страницам, ищу в отворотах обложки и наконец нахожу кое-что между страниц о красных клыках спинорога. Осторожно вытаскиваю, переворачиваю.

Крик замирает у меня в груди — увиденное столь же чудовищно, омерзительно и беспощадно, как пасть тигровой саламандры на обложке, как ее острые клыки, с которых капает кровь сородичей.

Глава 17. Одилия

Десять лет назад

Пери вернулась из Нью-Йорка. Одилия пришла с работы и сразу узнала знакомые запахи табака и гиацинтов, а еще резкий запах ацетона, доносящийся из другой комнаты. Она нашла Пери в спальне: та красила ногти на ногах, сидя на кровати, и вытирала лак с кутикул влажным кусочком ваты.

— Не поможешь? — Пери махнула кисточкой. — Не получается ровно.

Одилия послушно села рядом и накрасила остальные пальцы, стараясь не смазать синий лак.

— Салон сегодня закрыт, — объяснила Пери. — Утечка ядовитого газа. Как будто лаки не ядовитые!

Она стала рассказывать о деловых встречах, об агенте, который ей запретил курить, а то глаза пожелтеют. Призналась в порыве откровенности: когда была младше, хотела попасть в журналы высокой моды, ходить по подиуму, заработать имя в модельном мире. Но агент считал, что у нее

данных для этого недостаточно.

— Ну а в остальном я обалденно выгляжу. Безупречно. Он меня назвал безупречной. — Пери осторожно наклонилась, не смазав лака, и чмокнула Одилию в нос. — Спасибо. Спасибо за педикюр.

Одилия улыбнулась, вынула изо рта подруги сигарету и отправила в мусорное ведро.

— Наказ агента, ничего не попишешь. — А сама залезла в сумочку, нашла свою пачку, закурила.

— Ты меня любишь, правда? — прошептала Пери, разглядывая сверкающий синий лак. Даже ногти у нее были безупречные — изящные маленькие полумесяцы, и длина в самый раз. Вот Одилия никак не могла ногти отрастить, на крупных пальцах они смотрелись неряшливыми обрубками.

— Конечно! — ответила она. Конечно, любит. Даже собиралась признаться Пери: она уезжает с ней в Нью-Йорк, она тут не останется. Хотя, пожалуй, стоило подождать, решить сначала, как там обустроиться. Для этого нужна *решимость*, за которую она Пери и уважала.

Потому она и хотела уехать. Тут глубоко копать не нужно; она мечтала: вот бы Пери улыбнулась ей, порадовалась, что сделала из нее другого че-

ловека, дала смелости уехать из родного городка, мечтать о большем. Пусть знает: благодаря ей Одилия едет в большой город, в самое его ядро.

Пери сжала щеки Одилии, сморщила ей губы.

— Больше всех на свете? — Она сощурила глаза, усилила хватку; у Одилии чуть кончик языка не показался наружу. Она поспешно кивнула, и в глазах Пери на миг блеснули непролитые слезы. Миг — и она убрала руки.

— Кстати, сегодня идем на вечеринку. — Пери встала, потянулась, рубашка задралась и обнажила полоску загорелого живота. — Совсем другую. Там все в костюмах. Гости постарше. Тебе понравится, обещаю. Мне тоже. Познакомишься наконец с моим парнем — ждет не дождется с тобой встретиться.

Она метнулась в ванную, хотела успеть раньше Китти. *С тобой встретиться.* Как будто он уже знал Одилию, видел ее раньше. Она пошла за Пери в ванную.

Этот парень так и остался загадочным персонажем, мелькал где-то на обочине жизни Пери, иногда протягивал к ней руку или ненавязчиво давал о себе знать. Одилия видела его фотографии в телефоне Пери, в ее «Фейсбуке» и «Инстаграме». Он был красив классической красотой, слишком

холеный, но это и неудивительно.

Однажды, когда Одилия с Пери возвращались с пляжа, не высушив мокрых волос, Одилия спросила:

— А когда ты поняла, что влюблена?

Она сама однажды любила — мальчика, с которым гуляла летом после окончания десятого класса. Познакомились они на вечеринке. Он хорошо к ней относился, а она рядом с ним радовалась, отдыхала душой, и темы для разговора у них не кончались. Он приехал в Вайнек всего на год. На следующий год перешел в другую школу, в штате Мэн. С тех пор они не общались, однако дружили в соцсетях; там Одилия увидела его фото с новой девушкой. Раньше у нее сердце болело, она думала: а как бы все у них сложилось?.. Теперь прошло. Когда думала о нем, вспоминалась только пустота.

— Знаешь, тут любовь не главное. Понятно, я его люблю. Бабочки в животе, бессонные ночи — все это было. Сейчас мы вроде как деловые партнеры. Удачно сошлись, понимаешь? У каждого своя жизнь, но иногда пересекаемся.

Пересекаются… Какое странное слово. Впрочем, она более-менее поняла Пери: хотя встречались они не только ради удобства, а все-таки оно свою

роль играло. Наверное, в мире Пери так можно, там ведь все позволено. А в мире Одилии женщины жаждали любви, внимания.

Они стояли в ванной Одилии, разложив косметику по раковине и полкам. Зеркало было запачкано кремом, пудрой и румянами, мутные отражения расплывались. Одилия уже набила руку, умела наносить праймер, тонкий слой тонального, хайлайтер, контуринг, подчеркнуть брови, чтобы взгляд стал ярче, ловко подвести губы.

— Скоро опять на уколы, — предупредила Пери, глянув на губы Одилии. И продолжила подкручивать ресницы, густые и объемные. С такими накладные не нужны, и наращивание тоже.

Когда закончили, в ванную метнулась Китти, сжимая руку между ногами.

— Могли хоть дверь не запирать, — пробурчала она, рухнув на унитаз.

— На кухне раковина есть, туда ходи, — прощебетала Пери и взяла бутылку вина из холодильника.

— Знаешь, она тебя боится, — поделилась Одилия, пока они натягивали платья, застегивали друг на друге молнии, прихлебывали вино, заново красили губы и закидывали в сумочки

таблетки, салфетки, ключи. Одилия давно не видела маникюрных ножниц и про себя решила, что все выдумала, что Пери ее не резала, а кровь — так, галлюцинация, навеянная жарким солнцем и наркотиками.

— Знаю. Она сама виновата. Всем не угодишь. — Пери нанесла духи, плечи заблестели от ароматной влаги. Потом хорошенько оглядела подругу. — Ну ты красотка! Завидую ужасно, так и выбросила бы из окна. Но кто тогда станет мне лучшей подругой? Все вокруг притворщики, только о себе и думают. А мы друг друга понимаем, правда?

Одилия глянула на лучшую подругу, на топ и юбку с черно-белыми цветами, на собранные в блестящий хвост волосы, на широкие серьги-кольца.

— Не завидуешь, — мягко возразила она, взяла бутылку из рук Пери и допила остатки.

— Может, когда-нибудь позавидую. — Пери потянулась к Одилии, поправила бретельку на черно-белом платье с короткой юбкой. На высоких каблуках ноги у Одилии стали длинные, от ушей.

Она о таком платье и мечтать не смела. А теперь пожалуйста: стоит в наряде Пери, как

видение, губы смело подведены карандашом, волосы выпрямлены, на глазах стрелки. Совсем не та девушка, что три месяца назад. «Ну и прекрасно», — подумала Одилия.

Пери проехала через ворота и оставила машину парковщику у лакированной входной двери. По фасаду в испанском колониальном стиле вились побеги плюща.

Одилия никого на вечеринке не знала. Никогда не бывала в этом доме, напоминавшем ей грот.

Внутри их встретил тусклый свет, официанты в униформе тотчас предложили шампанского. Посередине стола в фойе стояла ваза свежих цветов совершенно необыкновенных оттенков — их будто привезли из далекой страны нарочно для вечеринки. «А что, — подумала Одилия, — вполне возможно».

Праздновали чей-то день рождения. Неподалеку от входа, в комнате с балками на потолке, бармен смешивал особый напиток под названием «Праздничное безумие» — в сущности, апероль-спритц, вроде того, которым Пери угостила Одилию, когда они только подружились.

Неспешно шагая за подругой, Одилия разглядывала картины и позолоту на перилах лестницы, ведущей на второй этаж. Она уже привыкла к

излишеству, даже слегка пресытилась. Однако этот дом был еще больше, еще богаче прочих, словно хозяин разбогател внезапно и вложил в него уйму денег, ничуть не заботясь о моде и чувстве вкуса. Всюду лежали ковры под зебру, гепарда и тигра, посреди ванной стоял огромный аквариум, в мыльницах лежало ароматное декоративное мыло в виде ракушек, а у входа в соседнюю комнату висела огромная картина маслом с изображением пляжа. Пери с Одилией шли и шли, а комнаты не кончались.

Наконец Пери вывела ее на задний двор. Там у огромного бирюзового бассейна стояло еще больше гостей; на деревьях светились маленькие фонарики, отбрасывали блики на воду. На лужайке росли цветы изумительных оттенков оранжевого и розового — даже на закате таких красок не увидишь. А вдалеке гарцевали пони, мелькали длинные хвосты. Богатство хозяев прямо-таки бросалось в лицо.

«Да когда же их участок кончится?» — подумала Одилия. Он тянулся на мили, горизонт уходил в бесконечность. «Наверное, такая игра света», — решила она. Хотела спросить у Пери, насколько участок большой, а та уже завела беседу с низенькой блондинкой с несоразмерно крупными

зубами; ее впалая грудь в пятнышках выдавала возраст сильнее, чем лицо.

— Луиза, это моя подруга, Одилия Паттерсон. Луиза устроила сегодняшний вечер!

Одилия протянула ей руку, но Луиза лишь глянула поверх ее плеча, будто Одилия и взгляда не стоила.

— У вас прелестный дом, — не сдавалась Одилия.

Луиза что-то пробормотала в ответ и взяла Пери под руку.

— Идем, хочу тебя кое с кем познакомить. Я уже представила им Тома, теперь все хотят увидеть его красавицу…

Они ушли, а Одилия осталась одна с бокалом шампанского. Совсем одна. Как на вечеринке у Сандерсов. Пери явно хотела, чтобы Одилия сама знакомилась с людьми, а не забивалась в уголок. Так поступают *решительные* люди. Только кому Одилия нужна без Пери? Уж точно не этим гостям постарше — они вряд ли напьются, нанюхаются и начнут выбалтывать свои тайны.

Вот она и пошла к пони по необъятной лужайке. Сняла туфли и чувствовала под ступнями густую траву. Все было как во сне, даже острые травинки между пальцев.

Одилия уходила все дальше от гостей; шум вечеринки понемногу стихал, огни дома и бассейна остались позади. Вероятно, сыграло свою роль дорогое шампанское — так или иначе, Одилия стала легкой, почти невесомой. Она давненько заметила: алкоголь и наркотики уже не слишком помогают, голод дает о себе знать. Однако и голодные боли напоминали: взамен она приобрела кое-что важное, о чем не мечтала, пока не испробовала на себе. Елена с работы поначалу восхищалась переменами в ее внешности, а теперь начала догадываться, ведь Одилия больше не ела с ней булочки, а выходила покурить. Впрочем, Одилия не боялась осуждения коллеги. Она стала слишком красивой.

К тому же Пери не принуждала ее, не намекала, что нужно заметно схуднуть, что с торчащими костями ей лучше. Одилия сама все сделала благодаря силе воли, дисциплине, решимости. Да, тело гнило от вредных привычек, зато ребра выпирали.

Наконец Одилия добралась до загона. Издали казалось, что пони бегают на воле, а на самом деле они резвились за металлическим забором возле конюшни.

Пони сверкали в лунном свете, точно детские

игрушки; нескольким лошадкам хвосты и гривы заплели в косы, украсили бантами. Одилия протянула руку, и пони изящно шагнул к ней, обнюхал пальцы. И почему они не спали ночью, неужели их нарочно разбудили? Или существуют ночные пони, как раз для таких мероприятий?

— Они для детей, — послышался голос. Одилия правой рукой гладила шелковистый нос пони, а в левой руке так и держала туфли и бокал шампанского. Она обернулась на звук. На ограждение опирался мужчина, полускрытый в тени. — Его дети любят пони. Правда, им уже не по возрасту, но ему нравится прихвастнуть. Редкий вид, если не ошибаюсь. Надо бы освежить знания о пони.

Мужчина вышел к ней, под лунный свет.

— Ты — парень Пери! — Одилия тотчас его узнала: классической красоты лицо, мужественный подбородок, умение себя подать. Ушел с вечеринки?..

— Верно. — Он протянул руку. — Том. Том Ньюберн. А ты Одилия, — опередил он. Оглядел ее с любопытством, с легкой улыбкой. — Много о тебе слышал.

— Хорошего, надеюсь? — поинтересовалась Одилия чуть ли не игриво.

— Только хорошего. Пери тебя ценит, а это до-

рогого стоит, уж поверь мне. — Том улыбнулся, в холодном свете луны загадочно блеснули зубы.

Одилия единым духом допила шампанское, сдержала отрыжку.

— Я налью еще. — Том подошел ближе, и Одилия почувствовала мускусный аромат одеколона. Пери вроде говорила, что заказала парфюм специально для него в каком-то бутике. — Мне там стало скучновато. Захотелось прогуляться. А тут такая красавица идет по лужайке, вот и пошел за тобой. — Он забрал у нее бокал, ненароком коснулся руки. Наклонился, сорвал диковинную орхидею из тех, что росли по всему участку. — Никому не говори, — прошептал Том, заправив цветок Одилии за ухо. Нежные лепестки щекотали ей висок. — Меня убьют, если узнают про цветок. — Он не убирал руку, касался ее ушка пальцем. Все вокруг будто зазвенело.

— Том, возвращайся. Сейчас вынесут торт. — Голос Пери прервал тишину, и ржание пони, и тайная минута между Томом и Одилией растворилась, как цветок в ее животе. — Вы уже познакомились? Ну и хорошо. — Она взяла Тома за руку, чмокнула в губы.

— Подожди, это твой день рождения празднуют? — Одилия переложила туфли в другую руку,

невольно коснулась цветка.

— Виновен. — Том приобнял Пери за талию. — Пожалуй, пора возвращаться, а то потеряют.

Пери потянула Одилию за руку, и они втроем направились к свету, людям, празднику.

От ногтей Пери на руке Одилии осталась полоса — красная, как ожог.

Глава 18. Вера

Сейчас

Коллажи. Занимайся коллажами.

Я повторяю это как заклинание с того самого дня, как увидела фото, без раздумий его схватила и наспех разложила вещи в ящике по местам.

Теперь фото у Куина в комнате. Только приехала в Бруклин в пять утра, сразу постучала к нему и показала снимок. А до того молча ехала в лимузине с Пейдж и Джексоном, везла в сумочке эту тикающую бомбу.

Куин вышел из комнаты заспанный, со сдвинутыми набок очками. Внимательно изучил фотографию — ни один мускул не дрогнул, даже от такого страшного зрелища.

— Надо отыскать девушек с фото, — наконец заключил он.

Я сказала: одну уже знаю, ее зовут Пери, в «Инстаграме» она Тельма Кей.

— Которая? — мрачно спросил он.

— Та, которая держит другую. — Я закрыла глаза.

Позже Куин постучался ко мне, сел на край

постели. Много часов прошло, а я так и не спала. Куин искал информацию о Пери, Тельме или как там ее.

— Что-то здесь не так, — начал он мягко, стараясь меня успокоить. — Полиция никак не могла это упустить. И уж тем более пресса, если учесть шумиху вокруг дела. — Он провел рукой по одеялу. — Говоришь, фото просто лежало в книге? — Я кивнула. Куин вздохнул, сильнее вдавил пальцы в одеяло. — «Снапи» явно что-то серьезное скрывает, если это фото лежит в спальне у председателя совета директоров. И у них есть что-то серьезное на Тома. Может, потому пресса и повесила все на тебя. Нужным людям заплатили. — Теперь он провел рукой по волосам. — Попробую отыскать Пери, вызвать на разговор. А потом доберемся до этой мертвой скотины и всей его шайки. Обещаю, Вера. — Глаза Куина горят огнем, которого я прежде не видела: он нашел себе цель, дело.

А я занимаюсь коллажами, только о них и думаю. Когда листаю статью «ЮС Уикли» об обновлениях в «Инстаграме», в голову приходит идея. Я ведь могу использовать прежнюю себя! Добавить себя на все коллажи, куда-нибудь в уголок — и неважно, большое фото или нет. Вот

она, недостающая мелочь!

Беда в том, что у меня и фотографий своих больше нет. Когда сменила номер, я не стала восстанавливать допуск к облаку. Раз нужно найти фото, которые не мелькали в новостях, придется заново скачать «Инстаграм», найти селфи и фото, которые Худа заставила выложить в ленте и в сторис.

Конечно, на меня выльется целый поток ненависти. Хотя, может, все и правда забыли. Может, если просто зайду в профиль и ничего не стану публиковать, никто и не заметит. Просто скачаю нужные фото и снова удалю профиль. Нескольких часов вполне хватит.

Так я и делаю, а потом невольно сажусь изучать жизнь, которая принадлежит словно бы другой женщине, похожей на меня.

Не могу оторваться. Прямо как от профиля Одилии. Я как будто смотрю на копию дальней знакомой. Даже язык тела изменился до неузнаваемости. Даже руки держу под другим углом, а выражение лица на селфи принадлежит к другой, давно забытой эпохе.

Теряюсь в самой себе, в разных нарядах и позах. В снимках города и любопытных, красивых вещиц. Вот мертвую рыбу выбросило на берег.

Вот апельсиновая корка крупным планом. Фото, которые приносили мне счастье. Пожалуй, есть в них своя поэзия.

Помню, как меня ругала Худа, просила чаще выкладывать себя. Так и появились эти забавные фото в разных нарядах. Я их терпеть не могла. Нет, выглядела я хорошо, и одевалась тоже, просто я словно напрашивалась на комплименты, а мне чужого одобрения не надо. И все же я выполнила свою роль, причем весьма неплохо. На всех фото из ресторанов, галерей и парков правильное освещение, удачно подобран фон. Я загадочна и соблазнительна, но не отпугиваю, могу привлечь клиентов в «Магдалину», известный своей инклюзивностью бренд.

Худа могла бы и надбавку дать за все это. Впрочем, я сама виновата, не знала себе цену. Скачиваю нужные для коллажа фото, где наряды представлены во всей красе, где у меня яркий образ, где хорошо виден мой фирменный бордовый маникюр.

Я закрыла профиль, как только услышала страшную новость, поэтому он сохранился в первозданном виде, эдакий памятник прежних времен. Ни одного комментария об убийствах. И почему я раньше не вернулась в «Инстаграм»?

Гляжу на фото и вновь терзаюсь какой-то смутной догадкой. Что-то я упускаю, но что?.. Вот я стою перед зеркалом в бутик-отеле «Вайолет», в темно-синем платье-футляре, волосы собраны в пучок, на губах красная помада. Рамка у зеркала резная, с позолотой, в стиле рококо.

Нет, я не думаю об этом, не позволяю себе думать. Открываю «Инстаграм» в еще одной вкладке, захожу в профиль Одилии, смотрю на ее посты, на фото, которые в прошлый раз пропустила.

Вот она перед зеркалом в бутик-отеле «Вайолет», в том же платье, с той же прической, красной помадой, с бордовыми ногтями той же формы. А вот еще фото: она сидит в ресторане в солнцезащитных очках, широко улыбается; снял ее кто-то другой. Она пьет «беллини», розовые пузырьки хорошо видны на фоне белоснежной льняной скатерти. Перед Одилией нетронутое блюдо с морепродуктами — ждет, когда фото будет готово.

Это мне тоже знакомо.

Рука не успевает за ходом мысли. Открываю еще один пост. И еще. Все из разных ресторанов, галерей, баров. Все до боли знакомы. Точно смотрю в зеркало — кривое, в трещинах, вот-вот

разобьется и упадет кому-нибудь на голову, рассечет скальп.

Вздрогнув, закрываю ноутбук. Глаза тоже. Выдыхаю. Нет, мне нужно знать. Знать наверняка.

Вновь открываю ноутбук. Нажимаю на свой профиль, слежу за собственными постами. Вот я на обеде с коллегами, передо мной блюдо с морепродуктами, высоко поднят бокал с «беллини» — за неделю до того, как она села за этот стол, заказала мою еду, сидела как я, подражала мне и осанкой, и взглядом.

Я? Одилия? Поочередно открываю вкладки, совсем путаюсь. Нас уже не различить — увеличенные лица, волосы и черты повторяют друг друга. Одинаковые улыбки, надутые губы, наманикюренные пальцы держат одинаковые телефоны, снимают селфи в одинаковых нарядах, с одинаковыми блюдами, геолокациями, жизнями.

Отбрасываю ноутбук, он падает на деревянный пол с отвратительным треском. Не могу больше смотреть на эту параллельную жизнь, на эту зловещую долину, созданную мертвой девушкой — она не сможет объяснить, почему месяц за месяцем повторяла за мной, хотела мною стать.

Щеки у меня мокрые — оказывается, я плачу,

вся дрожу. Мне страшно. Впервые в жизни мне страшно.

Глава 19. Одилия

Десять лет назад

Том сразил ее наповал.

Да, избитая фраза. При одной мысли о нем Одилию точно били кулаком в живот. Тело дрожало от воспоминаний, они накатывали, как вода в пенной ванне, только слишком горяча была в ней вода. Его образ неотступно ее преследовал, пристал к мыслям, как кусок пленки, что бы она ни делала, куда и с кем бы ни пошла.

Одилия искала любой предлог съездить в город, зайти в магазины, куда прежде и заглянуть не смела. Искала его в каждом лице прохожего, на каждом пляже, искала под бейсболками мужчин знакомую линию подбородка, серьезный взгляд. Впервые за лето сходила в продуктовый, блуждала среди полок, молилась — вот бы он явился, врезался в нее тележкой для покупок, оставил синяк.

На вечеринке Том знакомил ее с гостями, звал подругой, не обращался с ней, как с пустым местом. Когда рассказывал, объяснял ей про людей, которых она не знала, про темы, которых не по-

нимала, про места, которых не видела. Постоянно подливал ей шампанского, хотя вообще-то праздник был в честь его дня рождения.

Когда подали торт, музыка стала веселее и громче, все сняли обувь и надели купальники, Том, протянув Одилии кусочек торта, положил руку ей на поясницу.

— Спасибо, ты очень хорошая подруга для Пери.

Господи, ну и взгляд! Том будто раздевал ее глазами, а его прикосновение горело на пояснице, даже когда он убрал руку.

Безумие. Они обменялись всего словечком-другим. Она не знала его характера, предпочтений, тайн, любимого цвета или животного. И у него была девушка.

Ее лучшая подруга, между прочим.

Одилия начала врать Пери, будто после работы ей нужно помогать доктору Форсайту. Говорила: Китти уехала, и пока Одилии нет, квартиру некому открыть. К счастью, Пери не попросила ключ.

На самом деле она хотела спокойно подумать о Томе, лежа в кровати и глядя на вентилятор на потолке. Между ног становилось влажно, хотя она даже не прикасалась к себе. Один только образ Тома возбуждал — вот он стоит в лунном

свете перед дурацкими пони, и зубы у него белые, блестящие, как у лучших пациентов Форсайта.

Дня через два после вечеринки, когда она наконец встретилась с Пери вечером на пляже, та спросила, что Одилия думает о Томе. Одилия до крови прикусила щеку.

— Он приятный. Если ты с ним счастлива, то и я счастлива.

Кивнув, Пери рассказала об их первом свидании, как случайно вырубила его: они играли в теннис, и она угодила мячом прямо ему в висок.

Одилия хохотала вместе с подругой, хотя ничего смешного тут не видела. До чего нужно быть красивой и уверенной в себе, чтобы ударить Тома Ньюберна по голове — и все равно попасть на второе свидание?! Постоянное самолюбование, атласная кожа и смех начали Одилию раздражать. Когда Пери ее касалась, она ежилась.

Одилия проигрывала в голове встречу с Томом. Почему он так ее притягивал? Может, всему виной сама обстановка: волшебная ночь, сказочный пейзаж?

Или запретность такой любви?

Одилия до сих пор чувствовала каждое прикосновение, помнила каждый серьезный взгляд. А так уж ли он был красив? Она не помнила его

черт. Когда вызывала в памяти детали, пробовала собрать в единое целое, ничего не получалось. Остались одни чувства, подспудное желание узнать его, узнать саму себя.

Через четыре дня после встречи с Томом она сделала кое-что необычное. Написала парню из старшей школы. Лежала на голом матрасе в квартирке, которую он делил с другими парнями, и внутри у нее все болело от секса насухую. Но ей нравилась боль. Боль на время вытесняла из мыслей Тома.

Одилия отпросилась с работы, не отвечала на сообщения Пери, валялась в квартире с похмельем. Курила одну за одной, не заправляла постель. Ненавидела себя. Ненавидела за любовь к парню, с которым быть не могла. За любовь без причины — он лишь уделил ей чуточку внимания. Она вроде обладала *решимостью,* разве нет? А люди решительные не валяются дома в тоске. Они не дают себе размякнуть, они меняют себя и свою жизнь.

На второй день безделья и хандры Одилия наконец ответила Пери:

Извини. Отравилась морепродуктами. Целый день рвет.

Пери не обиделась, она и так догадалась, что

Одилия заболела. Но они с Томом в последнюю минуту решили организовать вечеринку, без Одилии никак нельзя. Партнер Тома уезжал на лето, вот и решили потусовать на прощание.

Она давненько дружила с Пери, а так и не побывала у нее дома.

Служанка принесет тебе платье, надень. Я бы сама принесла, да некогда, готовлюсь.

Одилия ожидала получить бесформенный мешок, монашеское одеяние: вдруг Пери поняла по их с Томом вежливой беседе, что Одилия окончательно и бесповоротно в него влюбилась?

А принесли кремового оттенка платье с тонкими бретельками, полупрозрачное и необыкновенно легкое; оно замечательно сидело на костлявой фигурке Одилии — она даже надела его пораньше. Не платье, а нежный десерт.

Одилия не привыкла собираться без Пери, без разговоров и тесноты. Тишина ее поражала. С другой стороны, приятно было помолчать, занять все зеркало, одеваться спокойно, без запаха Пери, ее груди, стука зубов.

По дороге Одилия пыталась держать мысли в узде. Едва поднималось волнение от предстоящей встречи с *ним*, как она щипала себя за руку, и вскоре на коже горело несколько алых следов.

Она так увлеклась самоистязанием, что даже не заметила, как подъехала к очередному особняку за живой изгородью.

Одилия припарковалась, толкнула ворота, прошла по каменной дорожке к широко открытой двери — заходи, кто хочет. Она знала: участок купили недавно, дом построили по новому проекту. Не такой уж роскошный — дорогой, конечно, пляжный, в стиле Стэнфорда Уайта, но все равно. Он оказался меньше, чем Одилия ожидала, гараж был всего на две машины, а передняя часть дома выглядела какой-то сморщенной, словно ее достраивали в спешке.

Но войдя внутрь, она поняла. Все деньги вложили в искусство, полотна с обнаженными женщинами, фотографии, картины, наброски. Раздвинутые ноги, груди огромные, как в аниме. Пери говорила, что полотна они взяли напрокат у инвесторов в компании Тома, сама она дизайном дома не занималась. И все же Одилия глядела на полотна, где златоволосые женщины ласкали себя, опустив глаза, и думала о Томе. Что бы он мог с ней делать…

Она вонзила в руку ногти до крови.

Вечеринка набирала обороты, намного более буйная и свободная, чем предыдущая. Музыка

играла современная, гости пришли молодые, свежие. Одилия издалека поприветствовала Кэролайн Перкинс — рыженькую с пляжной вечеринки, — но та не обратила внимания, пошла прямиком к горкам кокаина на столике в углу комнаты. Новое лицо Одилии смотрело со множества зеркальных поверхностей — стен, столов, створок шкафчиков, потертых под старину. Она присоединилась к гостям, вдыхающим белый порошок на диване. Среди них было два парня — гладко выбритые, волосы уложены гелем. Они откинулись на спинку дивана, держа в руках бокалы, и с интересом смотрели, как Кэролайн махом справляется с дорожкой.

— Я тебя знаю? — спросил один парень. Лоб у него уже блестел, глаза выпучились.

Одилия пожала плечами.

— А хочешь узнать? — спросила она дерзко и вдруг поняла: руки занять нечем, выпивку не взяла.

— Да-да. — Он представился Джексоном. — Ты у нас хвостик Пери, правильно? Она тебя повсюду таскает, потому что девчонки с ней не общаются. — Он расхохотался над собственной остротой, облился пивом.

— Полегче, не груби так. Кокса предложи, —

протянул его друг. Глазки у него были маленькие, нос — неправильной формы. Одилия видела этого парня несколько лет назад. Как-то раз он упал в обморок в бассейне. Его отец решил судиться.

Джексон наклонился, выложил для Одилии дорожку. Кэролайн ушла искать приключений.

Одилия села на колени перед слишком низким столом, вдохнула резко, едва не закашлялась.

— Поглядите на нее! Умница! Ну, рассказывай, как ты сюда попала, хвостик Пери? — спросил Джексон, пока второй парень ушел за алкоголем для Одилии. А когда вернулся, Одилия им рассказала, как там очутилась и почему. Поведала им все о дружбе с Пери, будто решила наговориться за долгие часы тишины в квартире, и прерывалась только на напиток, который принес второй парень; горькое зеленое пойло вязло на языке, она такого еще не пробовала.

Они вообще слушали? Впрочем, какая разница?

— Я ее люблю. Она много для меня сделала, а я, если честно, хочу ею стать. Понимаете? Она свободная, дерзкая. И я хочу такой быть. Я ей завидую, но это нехорошо, она ведь обо мне заботится… А с другой стороны, где ее черти носят? Даже не подошла ко мне! Знает ведь, я тут но-

венькая… Поможете ее найти? Вы-то ее видели? Прямо типичная Пери, взяла и бросила меня! А может, оно и к лучшему? Надо быть самостоятельной. Как думаете? Пойду поищу ее…

Встать не получилось. Она ерзала в кресле, боялась резко дернуться — вдруг разорвется сердце? Все над ней потешались, переглядывались между собой, будто клоуна увидели. Накатила паника: а вдруг они правы, вдруг Пери потому с ней и подружилась, хотела посмеяться над ее провинциальным доброхотством, собачьей преданностью? Господи, какая же она дура!..

Спины ласково коснулась теплая рука. Знакомый голос шепнул на ухо:

— Пойдем отсюда, пусть сидят.

Второй парень, который не Джексон, попросил быть осторожнее — а кого, непонятно. Хотя неважно, ведь Он пришел. Он пришел, прикоснулся к ней, и все страхи остались позади.

Том привел Одилию на закрытую часть пляжа, осторожно придерживая, чтобы не упала на узкой тропинке. На свежем воздухе ей стало легче, голова прояснилась.

— Опять ушел со своей вечеринки?

Том улыбнулся. Луна скрылась за облаками, на него падал только свет из дома.

— Душновато стало. А я люблю ночной океан.

— Прямо как Пери. Она тоже любит ночной пляж, — горько бросила Одилия и прижала ладонь ко рту, будто оскорбила подругу.

— Да, как Пери. Правда, она у меня научилась. Выросла у моря, а до меня никогда не ходила на пляж после заката. Не в ее природе, понимаешь?

Странные получились слова. Будто Пери животное какое, и ее поведение зависело от времени года и суток.

— А где она? Я не могла ее найти.

Том пожал плечами, сел на песок.

— Не знаю. Потерялась. — Он провел рукой по песку, и Одилии вдруг стало неловко нависать над ним. Она тоже села. — Думаю, Пери хотела, чтобы мы нашли друг друга, — медленно выдохнул Том. Шум океана едва не поглотил его слова.

Одилия наклонилась к нему; голова гудела от наркотиков, алкоголя, голода и усталости последних дней. Том не отодвинулся. Напротив, коснулся ее губ своими, и Одилия не сразу поняла: вообще-то наоборот, она первой подалась к нему, нашла его губы.

«Решимость», — подумала она. Этот шаг потребовал от нее больше решимости, чем вся короткая, скучная, серая и бесполезная жизнь.

Часть третья

Глава 1. Том

Полтора года назад

Не так-то просто оказалось ее очаровать. Заманить.

Сначала он изучал ее «Инстаграм»: места, куда она часто ходила, где заказывала выпить после работы. Она часто указывала местоположение, и он мчался в нужный бар, сидел там с пивом и надеялся, что она придет, а он попросит у официанта ее счет и все оплатит.

Конечно, он мог проще решить вопрос. Заплатить хакерам за ее личную информацию, обратиться к полезным знакомым, войти в ее жизнь тайком, не бегая по разным местам. Просто ему нравилась охота. Он по ней соскучился. В наше время все слишком просто. Богатство и власть сделали его жизнь нестерпимо скучной.

И наконец свершилось. Она пошла выпить с коллегами. Пила «грязный мартини», волосы распустила, сделала пробор посередине, как в последнее время любила его жена. Встала, походя улыбнулась, закатила глаза на чью-то шутку. Шла уверенно, выпрямив спину. Собранно. Вот

оно, подходящее слово. Она собранна, идет точно к цели, смотрит только вперед.

У стойки ей не пришлось подзывать бармена пальцем. Он сам поторопился ее обслужить; она так неспешно наклонилась над стойкой, всем видом говоря: она не только привыкла к особому отношению, она его требует.

«Прямо как я», — подумал Том, отпив виски со льдом.

Она попросила оливок. Бармен вытащил круглые зеленые глазки с полки за баром, аккуратно разложил на стеклянном блюдце. Том смотрел, как она следит за движениями бармена, скользит взглядом по другим добавкам — вишенкам, долькам лимона и апельсина. Получив блюдце с оливками, она тотчас положила одну в рот, на миг прикрыла глаза от удовольствия, украдкой выплюнула косточку в салфетку и понесла оливки к столику. Вот он, нужный момент.

— Какой мартини вы пьете? — спросил Том. Вообще-то, он и так уже знал, но не рассказывать же ей.

Она окинула его взглядом, прищурилась, точно не могла разглядеть в тусклом свете.

— Тайный рецепт. Ни с кем не делюсь, тем более с незнакомцами в баре. — И, развернувшись на

каблуках, пошла обратно к друзьям и коллегам.

Его щеки горели, как от пощечины, бармен с жалостью отвел глаза.

Тем вечером он смотрелся в увеличительное зеркало жены, терзаемый смутным страхом, которого не чувствовал уже много лет. Неужто теряет хватку? Давненько он не искал женского внимания, — его и так было хоть отбавляй. Наверное, виски седеют? Или морщины на лбу появились из-за бессонных ночей и детского плача? Неужто плазмотерапия от облысения не помогает?

Он с подростковых лет не страдал от таких ударов по самомнению. А главное, из-за чего? Обидела небрежная фраза от женщины, которую не так-то просто оказалось привлечь? А кто она вообще такая? Почему имела над ним такую власть? Она напомнила ему одну бывшую — та же непоколебимая уверенность в себе. Ему стало страшно. И в то же время этот страх опьянял.

На следующий день он пошел в головной офис поговорить с Саем Мастерсом, двадцатилетним компьютерным гением, которого нанял руководитель технического отдела. Сай страшно удивился, что стоит наедине с генеральным директором, и почесывал от волнения свое пры-

щавое лицо.

Том сразу перешел к делу, не стал тянуть время. Он хотел, чтобы его слушались, но поменьше видели, особенно в последнее время, и все чаще подолгу сидел в домашнем кабинете, со звукоизоляцией и без окон — в эдаком подземелье.

— Тебе нужно добраться до базы данных этих приложений. Никто ничего не узнает, с юридической точки зрения не подкопаешься. Найди вот это имя. — Он показал список приложений, показал имя.

Сай пробежал названия взглядом.

— Вы хотите, чтобы я порылся в приложениях для знакомств? — недоуменно спросил он. Потом вспомнил, с кем разговаривает, опустил глаза и принялся барабанить пальцами по столу, беспокойно облизнул губы.

— Не забывай, ты подписал договор о неразглашении. Результаты пришлешь сегодня. — Он бросил дверь открытой, и Саю пришлось закрывать.

Том шагал торопливо, чтобы не приставали с разговорами. Когда он вышел, на улице шел снег.

Глава 2. Вера

Сейчас

Город взмок от жары, лето с внезапной жестокостью вытеснило весеннюю прохладу, хотя стоит только середина июня. Я будто пробираюсь сквозь густой туман, влажность тянется за мной шлейфом. По шее стекает пот. Лениво гадаю, стоило ли мазаться солнцезащитным кремом, наносить толстым слоем, как делали родители, когда я была маленькой. На асфальте, как говорится, хоть яичницу жарь.

Мне нравится жара, нравится ее беспощадность. Она, как грубый скраб, счищает слои лжи, обнажает суровую правду. Несколько кварталов я иду в тени, потом вновь выхожу на солнце; оно припекает плечи. На небе ни облачка.

Я дважды, трижды проверила свою находку, свое открытие. Ненадолго поверила: моя жизнь так крепко переплелась с жизнью Одилии, что я переношу свой опыт на нее, не могу нас различить. Но нет, сомнений не осталось. Она меня знала. Поначалу я думала: она пыталась ему намекнуть, что знает об измене, нарочно публи-

ковала копии моих фото, эдакие злобные намеки. Только публикации начались раньше, заметно раньше. За много месяцев до моей встречи с Томом — уже тогда она следила за моими образами, повторяла каждый мой шаг. Зачем? Для чего? Таких совпадений не бывает. Но ведь он нашел меня в приложении! Не искал меня сам. Правда же?

И за каким чертом они втянули меня в свои дрязги? Они умерли, с них не спросишь. Впрочем, кое-кого расспросить можно, хотя и тут надежды мало.

Поднимаюсь на крыльцо и даже не думаю позвонить или постучать — в цветочном горшке наверняка спрятан запасной ключ Беннингтонов, не дали же они свой. Да, вот он, хорошо зарыт. Толкаю дверь и погружаюсь в прохладный полумрак. Слава богу, кондиционер работает, осталось лишь привыкнуть к темноте. Я словно в подземелье очутилась. Хоть отдохну от палящего солнца. Правда, кондиционер очень уж усердный, скоро в доме слишком похолодает. Какая бы жара ни стояла на улице, волей-неволей потянешься за свитером.

Зову Пейдж, пытаюсь найти. Она и правда превратила дом в какую-то гробницу, приготовилась

к страшному пеклу. А я предупреждала: жара в Нью-Йорке это вам не шуточки. Нигде нет такой влажности, вони потных тел и мусора, а загрязненный воздух вкупе с влажностью превращает улицу в ад.

Наконец, нахожу ее в кровати — крепко спит, завернувшись в два одеяла. Рядом остатки коктейля — судя по всему, давно растаявший лед. Не слишком-то изящно она дремлет. Рот открыт, к уголку прилипли волосы. Неподвижна, похожа на труп; челюсть отвисла. Слегка всхрапывает. Хорошо хоть Джексона здесь нет.

— Пейдж, — тихо зову я. Слишком тихо. — Пейдж! — кричу прямо в ухо.

Она вскакивает, испуганно озирается и замечает меня.

— Ой, привет. Что случилось? — Пейдж шарит по прикроватной тумбочке, находит наконец полупустую бутылку воды, залпом допивает. Взгляд проясняется. — Извини, что вырубилась у Беннингтонов. Честно говоря, даже не помню, как доехала. — Она икает.

Сижу на краю постели, подбираю слова. Во мне просыпается непривычная застенчивость. Не подумала, что такую новость трудно сообщить с уважением к Одилии, к ее памяти. Я не под-

готовилась, не нашла подходящих выражений. Наверное, придется показать.

— Можно твой ноутбук?

Пейдж медленно кивает, поднимается; волоски у нее на ногах встают дыбом от холода. Отдает мне ноутбук, и я сразу берусь за дело: захожу в «Инстаграм», открываю свой профиль, открываю профиль Одилии. Наблюдаю за лицом Пейдж. Она и бровью не ведет. Скорее всего, сама немало времени провела на страничке Одилии в своих непонятных попытках воссоздать ее жизнь.

Тогда я показываю. Переключаюсь между вкладками, все объясняю без слов. Когда фотографии кончаются — всего их десять, — я внимательно смотрю на Пейдж, пытаюсь прочесть выражение на ее лице.

— Твоя сестра меня знала. Следовательно, и Том знал. Не совсем понимаю, что к чему. Конечно, это ничего не меняет. И все равно странно. — Судорожно подыскиваю слова, потому что Пейдж хранит молчание. — Уверена, Одилия ничего плохого не имела в виду. Мы обе знаем, кто настоящий виновник, кто злодей. Но она ведь твоя сестра. Можешь подсказать, что это значит?

В комнате становится прохладно, даже холодно, а жужжание кондиционера вдруг кажется

слишком громким. Пейдж устало выдыхает, точно целый месяц терпела. Встречается со мной взглядом, скрещивает ноги на кровати.

— Вера, я знала. Знала. Поэтому и захотела с тобой встретиться.

Мы сидим за большим обеденным столом из стекла и оникса, и Пейдж мне все рассказывает.

Правда, сначала делает себе «кровавую Мэри». Начинает запросто:

— Вера, я тебе врала о причинах. Но давай начнем сначала. Одилия меня в общем-то ненавидела.

Пейдж подтверждает намек Брендона Ньюберна: она и правда была в семье звездочкой, с самого рождения — родители о ней мечтали и завели ее осознанно. Ей с детства все удавалось, а вот Одилию задвинули в тень.

— Думаю, последней каплей стало мое поступление в академию имени Шермерхорн. Она уехала из города, когда меня приняли. — Пейдж опускает взгляд на коктейль, помешивает сельдереем. — Я там продержалась всего семестр. Курила травку, вот меня и выгнали, пришлось с позором вернуться в Вайнек. Потом папе дали работу в Мичигане, мы переехали. Полагаю, он тоже меня стыдился. Еще бы, вырастил малень-

кую звездочку, а она так накосячила! Иначе бы он из родного города не уехал.

Пейдж хрустит сельдереем, зеленые волокна застревают между зубов, а я гадаю: при чем тут я, при чем тут подражание Одилии?

— В Мичигане было неплохо. Я поступила в местный университет. Когда окончила, стала работать с недвижимостью, как папа, только в округе Блумфилд-Хиллс. С недвижимостью высокого класса. Получалось хорошо. Я с детства поглядывала на людей, у которых было по два дома. Или по три. Мечтала о такой жизни, но догадывалась: нужно мыслить масштабнее. Вот и придумала бизнес-план. Что если бы мультимиллионеры со своими домами для зимнего отдыха, домами у озера, домами на пляже, домами-инвестициями вошли в элитный клуб, который позволял бы им меняться домами, когда в них никто не живет, а так обычно и бывает? Типа как «Эйрбиэнби», только суперэксклюзивный.

Глаза Пейдж горят, уголки губ ползут вверх. Ей приятно все это мне рассказывать. Надеется, что я поддержу?

— Я из кожи вон лезла, чтобы устроить встречу с одним инвестором, который кое-чего добился с приложением для фитнеса. А он говорит: «Идея

хорошая, но если хочешь продать элитный товар, нужно и выглядеть соответствующе, разбираться в образе жизни целевой группы, а я не уверен, что у тебя получится. Вот если бы ты уговорила какого-нибудь топового инвестора из Нью-Йорка или Сан-Франциско, я бы тоже вложился». — Пейдж рассеянно помешивает коктейль огрызком сельдерея. — Не самые приятные слова, но я не сдавалась. Я поняла, о чем он, и позвонила Одилии, она ведь знала нужных людей. Хотя мы близко не общались, я надеялась, что она ради меня подсуетится. Она сказала: «Хорошо, займись бизнес-планом, а я передам Тому и его знакомым». Так я и сделала. Несколько месяцев искала полезных людей, общалась со специалистами, вносила правки в план. Потом Одилия приехала в гости к родителям, и я подумала: «Вот она, прекрасная возможность показать свою работу».

Пейдж опять вынимает сельдерей и жует с такой яростью, что в мою сторону брызжет сок.

— И знаешь, что потом? Она даже не посмотрела. Пообещала показать Тому, а сама знаешь, что сказала? — Пейдж прищуривает глаза, чеканит гневно: — «Пейдж, тебя никто не станет слушать. Твой инвестор прав. Тебе в этом мире не пробиться. Ты одеваешься не так, не имеешь нужного

опыта, в тебе нет класса. Попробуй пробиться через постель, это твой потолок». — Она роняет последнюю фразу, кривя губы. — Вот и все. Столько труда, и такой плевок в лицо. Я ее упрашивала, умоляла. Не могла же я просто взять и отправить проект Тому! Я едва его знала. Одилия и слушать не стала. «И вообще, не хочу зря трогать Тома». А ведь он ей муж!.. Я страшно разозлилась и решила добиться своего без ее помощи. — Пейдж вздрагивает — то ли от этой истории, то ли от холода, то ли от коктейля. Кто знает.

Она раз за разом подглядывала, как Одилия снимает с телефона блокировку, следила, как танцуют над экраном пальцы сестры, и со временем разгадала пароль, вот только Одилия никогда телефон не оставляла. И тут Пейдж улыбнулась удача.

Было воскресенье, Одилия прикорнула на кровати в гостевой спальне, а телефон лежал на подушке. Пейдж потихоньку его стянула, ввела пароль и отправила бизнес-план Тому от имени Одилии. Любопытство оказалось сильней, и Пейдж залезла в приложения сестры. Зашла в «Инстаграм», открыла сообщения. Ничего особенно не обнаружила, зато в «Сохраненном» нашла целый склад фотографий из одного и того же

профиля. Снимки, точь-в-точь похожие на посты Одилии в последнее время.

Пейдж не слишком удивилась: подумаешь, сестра вдохновляется чьим-то профилем. Странновато, но ничего ужасного. Подписчиков у меня было много, как у небольшого инфлюэнсера.

Пейдж это вспомнила только потом, когда узнала мое имя, увидела мое фото в новостях о смерти сестры. И сразу рассказала детективам: ее сестра знала любовницу мужа, следила за ней месяцами, надо все изучить повнимательнее. Больше никому не рассказывала — ни друзьям, ни семье. Вопрос ведь очень щекотливый.

Сложись все иначе, будь в деле несколько подозреваемых, то копнули бы глубже. Однако копать не стали. Дело было очевидное, его хотели поскорее закрыть.

— Он меня разыскал, — шепчу я. В ушах звенят слова Колина Чиррока, которые меня так рассердили: Том изменил жене нарочно, хотел позлить. Потираю виски. — Пейдж, почему не сказала?! Ее друзья знают, что она за мной следила?

Глаза Пейдж холодно блестят. Мне как-то не по себе, точно пришла на бой безоружной.

— Больше никто не знает. По крайней мере, я ничего не слышала. О таком молчать не ста-

нешь. — Она отпивает коктейля, пачкает рот красным. — Том умер через неделю после моего письма. Не знаю даже, успел ли прочесть. Прошел уже год, а толку нет. Одилия по щелчку могла все устроить, а я из кожи вон лезла, и ничего. А потом поняла: можно использовать тебя. Если Одилия считала тебя светской дамой, копировала тебя, то ты вполне можешь провести меня в свой мир. А заставить тебя легко — ты ведь передо мной виновата.

— Могла бы просто сказать, — с трудом произношу я. — Помогла бы.

Пейдж меряет меня долгим взглядом.

— Когда мы только познакомились, ты сказала, что не любишь помогать. Мы обе прекрасно понимаем, что сыграть на твоем чувстве вины было надежнее. Мы не такие уж разные. Обе целеустремленные. Обе выросли, глядя на жизнь мечты. Тебя полезно было изучить. Да и сейчас полезно, чего уж. — Она преспокойно вытирает губы тыльной стороной ладони, словно нет ничего удивительного в ее равнодушии к смерти сестры, в ее деловом подходе. Впрочем, я и правда не слишком удивилась. — Тут дело совсем не в Одилии. Она уехала десять лет назад и жила жизнью, о которой я мечтала. Я тоже хочу так

жить. Я заслужила. И своего добьюсь. Джексон на следующей неделе представит меня одному инвестору. Я многим тебе обязана, Вера. Спасибо. — Она расправляет плечи. Похоже, гордится, что во все меня посвятила, сбросила с души груз.

Мне хочется кричать. Моя прическа, ее прическа. Моя одежда, ее одежда. Мои пальцы, ее пальцы. Все украдено безумными сестрами.

Я обнимаю себя руками. Это уже слишком. Мое притворство, ее притворство. Притворство Тома, Одилии. В голове пульсирует боль, «кровавая Мэри» пахнет менструальной кровью, темной и зловонной.

Но перед уходом я хочу кое о чем спросить Пейдж — как выяснилось, куда более коварную и расчетливую, чем я думала. Достаю фото Пери, Тома и неизвестной девушки. Пейдж вздрагивает, подносит ладонь ко рту.

— Знаешь эту девушку? — Показываю на ту, которую держит Пери.

Пейдж кивает.

— Откуда у тебя фото? Где взяла?

Я обхожу вопросы молчанием.

— Кто это?

Она называет имя.

Хватаю фото, иду к двери.

— Никому ни слова о фотографии, ясно? Если не хочешь, чтобы рассыпалась твоя драгоценная новая жизнь.

Пейдж торжественно кивает.

На пороге мне в голову приходит еще мысль.

— А ведь Том меня нашел в приложении для знакомств. Вроде бы случайно, но, похоже, нет. Как так получилось?

Пейдж смотрит на меня чуть ли не с жалостью, словно я сморозила глупость.

— Это же Том Ньюберн. Основатель «Снапи». Наверное, взломал приложение и нашел твой аккаунт.

Глава 3. Том

Полтора года назад

Он заказал им обоим семгу, однако Одилия к своей почти не прикоснулась. Они впервые ели без ребенка. «Хватит звать ее ребенком! — возмущалась Одилия. — Ей почти три года!» Том детей не хотел. Они обсудили вопрос еще перед свадьбой и вообще во многом пошли друг другу на уступки.

А теперь Одилия заявила: она беременна вторым.

Когда они только договорились насчет детей, она по нему с ума сходила. Стоило лишь коснуться ее руки, спины, и она сразу таяла. Привести кого-то еще в их счастливый дуэт, испортить уже тогда упорядоченную жизнь? Нелепость. Правда, со временем Том понял: все меняется. Какой бы покладистой ни казалась женщина в начале отношений, это чаще всего притворство. Его жена хотела ребенка. Добилась своего. Захотела еще. И снова добилась. Наверняка перестала принимать противозачаточные.

— Я ведь тебе такой нравлюсь, голодной и

хрупкой, как олененок? Даже когда беременна? — Одилия безотчетно коснулась живота, хотя он еще и не вырос. Отпила газированной воды. Первые слова, которые он услышал; вообще она говорила давно, мягкие губы смыкались и размыкались, как у куклы чревовещателя. Но лишь эта фраза достигла ушей, а остальные слова потонули в шуме, точно шепот.

— Конечно. Не хочу тебя видеть пухлой провинциалочкой. Но ты совсем отощала. Вроде так сейчас не модно? — Честно говоря, он похудения не заметил. Просто в последнее время любил ее подначивать, напоминать, в кого она превратилась благодаря его деньгам. И кем была. Если бы не он, так бы и вкалывала в каком-нибудь занюханном зубном кабинете. Не лучшее поведение с его стороны, однако удержаться не получалось. После такой-то новости.

— Я за модой не успеваю, — пробормотала Одилия, отпив еще воды и жадно глядя на его шампанское. Уже выпила на той неделе разрешенный врачом бокальчик.

Она его теперь ненавидела? Том часто думал, как назвать ее чувство — ненавистью или безразличием? А если бы он исчез, порвал с ней, велел управляющему финансами лишить денег

ее, ребенка, второго ребенка, вычеркнуть их из завещания, забрать ее долю в компании? Тогда бы она тоже недовольно бурчала? Или валялась бы у него в ногах? Или, как думал он в самые тягостные минуты, радовалась бы без него и его денег? Наслаждалась бы свободой?

Она точно мысли его прочла; подняла взгляд, подцепила вилкой кусочек семги, принялась задумчиво жевать розовую плоть.

— Хочу уехать ненадолго. Увидеться с семьей. — Одилия откинулась на стуле, словно подначивала, проверяла, помешает ей муж или нет.

Он знал, почему она так себя ведет, почему его наказывает.

Он чуть не утопил ребенка. Купал ее и отвлекся на телефон. Одилия заглянула всего минут через пять, а ребенок оказался под водой, пока Том не отрывал глаз от экрана. Одилия закричала, вырвала телефон у него из рук, достала тонущего ребенка, и малышка зарыдала во все горло, захлюпала носом.

— Совсем рехнулся?! — прорычала жена, унесла девочку и оставила его в ванной с разбитым телефоном.

Том чувствовал себя отвратительно. Вот, ока-

зывается, на что он способен, когда забывает за собой следить. С тех пор он еще сильнее отдалился от Пенелопы. Если он даже искупать ее не может, что уж говорить об остальном? Об отцовстве в целом? Надо исправиться, а вот как, он не знал и думать не хотел. Поэтому и бросил равнодушно:

— Ладно.

Он тоже подцепил кусочек рыбы, прожевал, запил шампанским. Не стал поднимать шум, уговаривать остаться, признавать: он теперь сам себя боится. Не стоило вносить еще больше смуты в наперед продуманную жизнь.

— И все? — тупо спросила Одилия. — Даже не спросишь, надолго ли еду? Между прочим, я и Пенелопу с собой беру. — Она до сих пор верила, что может его шантажировать девочкой.

Он лишь пожал плечами.

— Поступай как хочешь. Не моя забота. — Противный голосок внутри подстрекал помучить ее, разозлить хорошенько. Поглядеть, как нахмурится — она всегда хмурилась, когда расстраивалась, не понимала чего-то, терялась.

— Надо же, а раньше была твоя… И вообще, я разрешения не спрашиваю! — Одилия промокнула губы салфеткой.

На самом деле, еще как спрашивала. Когда они только начали встречаться, сразу обговорили: жить они станут уединенно, без шумихи. Из-за прошлого Тома им нужно тщательно отбирать друзей. Конечно, она тогда не знала всей правды о его грешках, слишком была влюблена и не понимала, от чего отказывается.

Они сидели молча; прищурившись, Одилия смотрела на еду, вилкой гоняла ее по тарелке.

— Знаю, тебе плевать, но я уже купила билеты. Мы уезжаем в марте. Обратный билет я пока не взяла. Поживу у родителей. Найти меня труда не составит, если захочешь. — Она смерила его сердитым взглядом. Вид у нее был усталый, даже изнуренный, точно ей всю душу вымотали. Когда она такой стала?

Столик он выбрал хороший, в уголке зала — вдали, так сказать, от обезумевшей толпы. Одилия себя чувствовала отрезанной от всех. Собственно, он ее в каком-то смысле и отрезал — от семьи, от знакомых из родного города. С другой стороны, она сама хотела от них отдалиться, позабыть о прежней жизни, прежнем лице. Он ее не принуждал.

Том оплатил счет, вывел ее из ресторана, вызвал такси. По утрам он ездил с личным води-

телем, а по вечерам предпочитал независимость, чтобы персонал не знал о его передвижениях. Разумеется, жене это не нравилось. Она побаивалась ждать водителя на улице. Даже спустя годы не привыкла к жизни в большом городе, до сих пор сверялась с картой на телефоне, давала мелочь бездомным. Избегала метро. Он лишь посмеивался над своей провинциалочкой.

Том хорошо помнил, когда свет в глазах жены потух, когда она поняла: жизнь ее мечты не так уж и хороша, а муж совсем отдалился из-за работы. Случилось это во время ее первой беременности: Одилия ждала от мужа заботы, а потом поняла свою ошибку. Они сидели перед телевизором; ее потный, покрытый венами живот отвратительно торчал — непрошеный, неприятный гость. Пожалуй, так и о ребенке можно было сказать.

Она закинула ноги на стол. Тоже, разумеется, неопрятные, разбухшие, потные. Ее ступни всегда вызывали у него оторопь, походили на жилистые куски ветчины в лавке мясника. Одилия почесывала лодыжку шишковатым пальцем левой ноги.

— Убери ноги со стола, — не сдержал Том отвращения.

Конечно, она привыкла к его приказам, ценила

его любовь, его попытки превратить ее в женщину, достойную любви Тома Ньюберна. Но тогда в его словах не сквозила гадливость. Она тотчас подняла на него обиженные глаза, эдакие лужицы слез, не успел он даже исправиться, подобрать выражения помягче. Потом встала с дивана и ушла наверх вместе со своим огромным животом. Несколько дней с ним не разговаривала. А когда заговорила, голос у нее дрожал от раскаяния и смятения. Это он ее такой сделал.

Теперь по дороге домой она молча смотрела в окно. Том достал телефон, посмотрел на плоды трудов Сая, двадцатилетнего хакера. Та девушка сидела только в двух приложениях: эксклюзивном, для людей определенного положения, и еще одном, где женщина пишет первой. Последнее, конечно, не подходило.

Пока жена сидела у него под боком, Том создавал профиль — расставлял ловушку, дрожа от восторга. О, как жена его возненавидит, как вскипит! А ему только того и надо.

Заслужила. Своим предательством.

Глава 4. Вера

Сейчас

Все это слишком. Я вновь иду на дно, только теперь не прячусь на севере штата, а режу свои фотографии на кусочки, и маленькие бумажные полоски моей кожи, волос и глаз разбросаны по всему полу. День за днем приклеиваю себя на коллажи, хотя раньше и не подозревала, что нужна на них. Фильтры «Валенсия», «Гудзон», «Джакарта» едва различимы на зернистых изображениях. Моя кровать превратилась в мавзолей для крохотной меня, прежней меня, более здравомыслящей меня. Сплю мало, и то на диване.

— Они вот это хотели со мной сотворить? — кричу я Куину, показываю на фото, украденное из тумбочки Беннингтонов. Камера стоит на углу кровати, дает почти полный обзор. Пери широко улыбается, даже десны видны.

Я сотню раз смотрела на это фото, видела очевидный восторг в глазах Пери, ужас на лице Калипсо Роджерс — девушки из Вайнека, имя которой подсказала Пейдж. И непроницаемое лицо Тома. Тела у всех изящные — груди Пери сочные,

напоминают затвердевшее тесто для печенья, Том поджарый, на груди удалены волосы, — он нависает над девушкой, над их драгоценной жертвой. Пери едва ли не смеется, вырезая над лобком девушки вытянутый треугольник, похожий на клык; маникюрные ножницы сверкают белым в свете лампы. Голова Калипсо свесилась с края постели, зубы у нее стиснуты, рот изумленно открыт, а в глазах животный страх — кажется, он просачивается через фото, вот-вот схватит меня в когтистые лапы. Том приготовился, хочет в нее войти.

Мы поначалу думали, что фото делал четвертый участник, но в уголке виден край зеркала, там отражается штатив.

— Они вот это хотели со мной сотворить? Одилия с Томом? Я здесь Калипсо? — повторяю я.

Разумеется, Куин не знает ответа. Он может только найти объяснение происходящему, отыскать как можно больше информации, собрать в одну историю, которая нам поможет вытащить Тома из могилы и наказать всех, кто его покрывал.

После разговора с Пейдж мы подумывали сходить в полицию. Но Куин заподозрил: здесь что-то сильно нечисто — возможно, и полиция

замешана. Он хочет добраться до сути сам.

Никогда не видела его таким собранным — он погружен в поиски, в свою работу. Он знает все о «Снапи», об их планах на первичное размещение акций, имя каждого основателя, каждого инвестора. Знает, какие носки носит мистер Беннингтон, в какое общежитие его определил Гарвард. Куин хочет показать черновик статьи начальнику. Мы оба помешались: он на статье, я — на своем безумном, одиноком занятии.

Мы не рассказывали Сэму о фото. Куин запретил обсуждать его с другими, даже Пейдж показывать не стоило. Не хочу ее больше видеть: коварство Пейдж напоминает, до чего легко обвести меня вокруг пальца. Стоило ей немного польстить мне, попросить моей помощи и совета, — и я поверила в чистоту ее намерений, приняла за чистую монету образ бедняжки, которая скучает по сестре.

Да, она использовала меня в своих целях, пока я использовала ее. Вроде бы смешно, только неприятно, что я попалась на уловку из собственного арсенала.

Впрочем, неважно. Мы откопали кое-что поинтереснее слезливой истории о нашей с Пейдж невероятной дружбе.

И потом, она не торопится мне писать. Слишком

увлечена Джексоном и встречей с инвестором, все глубже погружается в мир, о котором так мечтала, использует мертвую сестру так же, как использовала меня.

Отличная идея для коллажа. Добавляю туда Одилию, мою близняшку, моего двойника; мы держимся за руки, кружимся в веселом смертельном хороводе посреди моря заголовков и других элементов, которые я добавляю понемногу на коллаж — обглоданных косточек, кусков пищевой пленки на наших крохотных головах, точно нас вновь и вновь душит Том, пресса, да и сами мы друг друга душим.

— Мерзость какая, — замечает Куин, когда я делаю последние штрихи.

— В этом и суть. — Я разглаживаю кусочек пленки на своей бумажной улыбке. Я ее подкрасила алым фломастером и наклеила вверх тормашками, превратила в зловещий оскал. Занимая руки, я отвлекаюсь от упорного вопроса: почему эти люди одержимы мной, что во мне такого?

Я лишь хочу вернуть былую невозмутимость, найти выход из безумия. Хочу превратить себя в мученицу, а потом заработать на мученичестве деньги, добиться власти. С каждым коллажем я приближаюсь к цели.

Думаю о матери, ее придирках, ее безграничной самовлюбленности. О ее высоких требованиях, жажде совершенства. В первые годы жизни передо мной стоял пример женщины, которая думает только о себе, безоговорочно считает себя пупом земли.

Иные дочери на моем месте взбунтовались бы. Назло матери превратились бы в невзрачную серость, загнали бы себя на задворки жизни. А я другая. Я хотела быть особенной, купаться во внимании — уж такой меня воспитали. Мать меня научила, что жить можно только так. А погляди теперь, куда это меня привело, мам. Погляди, куда привело.

Прокалываю в своей голове дыру-стигмат и смотрю, как топорщится бумажная плоть.

Глава 5. Том

Полтора года назад

Вера создала отличный профиль в приложении для знакомств — остроумные ответы, элегантные и сексуальные фотографии, которые и фигуру показывают, и подчеркивают чувственность, и оставляют простор для воображения. Большинство мужчин не могли ее оценить по достоинству, разве только за очевидную красоту, и она явно повстречала немало болванов, неспособных понять ее шутки и отсылки.

К счастью, Том совсем не такой.

Он понял: написать ей в приложении куда лучше, чем рисковать и выслеживать ее в баре. В наше время женщины не доверяют незнакомцам, поэтому проще выложить все карты на стол, удостовериться, что они оба свободные люди и хотят встречи. Пусть увидит его при свете дня, а не гадает в сумраке бара, нормальный он или нет.

Том указал профессию, возраст, добавил фото, раскрыл о себе все. Все, что хотел, разумеется. Фотографии выбрал красивые, но сдержанные, чтобы не спугнуть. Он навел справки. Долго

изучал ее профиль, статьи о бренде, в которых ее цитировали. Уроки Пери даром не прошли, он сумел разгадать, что Вере нравится, чего она ищет в мужчине. От ее самоуверенности даже не по себе становилось. Если она и добилась успеха благодаря мужчинам, то хорошо это скрывала.

Правда, от ее снимков сквозило одиночеством, она точно пряталась от других за туманной завесой. Вроде бы сидела в компании друзей, но на поверку это оказались коллеги, люди из модной индустрии Нью-Йорка, в которой Вера становилась все заметнее.

Нет, «одиночество» — не то слово. Она не подпускала к себе людей, однако одинокой не была. Она не лезла из кожи вон, когда создавала профиль — конечно, фото выбрала роскошные, но вполне естественные. Просто показывала кадры из жизни, в отличие от его жены: та очень старалась, любила приукрасить.

Том понял: если хочешь добиться внимания Веры, нужно ей немного уступать — она не из тех, кто зависит от мужского одобрения, в отношениях она хочет играть главную роль. Она хочет иметь власть над мужчиной, возможность сделать ему больно, если захочется.

Ее поза, невозмутимость и жизнь на широкую

ногу выдавали эту слабость, жажду власти в отношениях. Использовать такую женщину не получится. Надо держать себя в руках, не выдавать собственной тяги к власти.

И как он научился такой проницательности? Хороший вопрос. Для человека, которого не слишком-то волнуют окружающие, он неплохо умел распознавать чувства других. Конечно, тут не обошлось без Пери. Она всему его научила.

Жена уезжала в Мичиган с ребенком. Дом пропах солнцезащитным лосьоном для жаркого лета на Среднем Западе, хотя она тщательно убрала все туалетные принадлежности в пакеты с застежкой-молнией и разложила по сумкам.

— Могла бы и горничную попросить, — заметил Том, пока Одилия сворачивала вещи и клала в вакуумную упаковку, чтобы осталось побольше места в сумках. Похоже, надолго уезжала. И на сколько же? Впрочем, он спрашивать не стал.

— Я хочу сама. Хоть что-нибудь для себя сделать сама. Мама знает хорошего гинеколога, хотя, конечно, тебе плевать. — Она обиженно намотала провод фена на ручку, взяла косметику с туалетного столика и положила в сумку, вышитую ее инициалами. — Такое чувство, что меня не существует. Неужели не понимаешь? И с

Пенелопой то же самое. Может, если уеду, хотя бы второму ребенку повезет. — Она распрямилась, дерзко посмотрела ему прямо в глаза. Он уже привык к этому взгляду. — От тебя, знаешь ли, помощи мало.

Одилия пошла к малышке в комнату, принялась ворковать — наверное, жаловалась, как противный папочка ее обижает. Он ей преподнес на блюдечке чудесную жизнь, а она вот так ему отплатила? Холодом? Возмутительно, если подумать, а Том в последнее время нередко об этом думал. Потому и добивался другой женщины.

Несколько месяцев назад он тихонько вытащил зарядку из телефона жены, пока она спала, и спустился в свой домашний кабинет. Пароль он знал, а она даже не догадывалась. Одилия меняла пароль каждый месяц, но не сумела провести Тома — он по движению пальцев догадывался, какие цифры она жмет. Когда привыкаешь к чьим-то пальцам, умеешь по ним определить чувства и мысли человека, разгадать такое несложно.

Судя по цифрам, это был чей-то день рождения, чей — непонятно. Она частенько использовала даты рождения — матери, ближайшей на то время подруги, дочки. А когда-то и его. Обычно он залезал в ее сообщения, проверял, с кем она пере-

писывается. Мог заглянуть в электронную почту, историю поиска. Ничего особенного не находил. Его жена оказалась до безумия скучной. Однажды он наткнулся в истории на порновидео, где женщина испробовала на мужчине фаллоимитатор, но этим изобретательность Одилии и ограничилась. Даже с подругами она переписывалась до жути тоскливо: решала с ними, где выпить вина, спрашивала, как ухаживать за дочкой.

И все же он решил подглядывать за женой, пусть и не находил ничего интересного. Этому его тоже бывшая научила: если пускаешь кого-то в свою жизнь, не теряй бдительности, думай наперед, не поворачивайся спиной.

На сей раз он нашел в телефоне новое приложение. Вроде бы для медитации — человечек на иконке глядел в безмятежное небо. Однако чутье подсказывало открыть приложение. Ловушка может быть везде. Даже в заурядном приложении на айфоне.

Приложение действительно оказалось для медитации, с упражнениями на разное время дня. А еще был раздел для заметок, где неудачники без друзей могли записывать, как изменилось их самоощущение через неделю или месяц медитации. Ну и бред!.. Том нажал на значок дневника

и вдруг понял, что сидит в полной темноте. Даже не подумал включить свет.

Одилия вела записи каждый день. Он прокрутил до первой, сел в кресло с откидной спинкой и принялся читать, ожидая какой-нибудь банальщины: она, мол, стала лучше спать после долгой медитации и чашечки куркума-латте… Однако он ошибся. Серьезно ошибся.

Фух, надеюсь, Том не прочтет. Он проверяет мой телефон, но, надеюсь, сюда не заглянет. Он со мной почти не разговаривает, а если и разговаривает, то как робот, точно меня вообще нет. Вспоминает про меня, только когда что-то нужно. И что я в нем могла разглядеть, кроме жадности? Раньше мне нравилась его решительность, его властность меня заводила. Но тогда он хотя бы меня замечал. Теперь это позади.

Беда в том, что он умеет подбирать слова, очаровывать людей. Такой ловкий, везде проскользнет. Даже противно. После него вся будто липкая. Иногда как засядет в своем дурацком логове, так и хочется шею свернуть. Подойти со спины и придушить.

Раньше было не так плохо. Даже хорошо было, верно? В понедельник после той глупой презентации я застала Джоани с Колином, они ругались

— ругались всерьез, потому что Колин купил билеты на отдых как нарочно на день рождения ее бабушки. Приятно было посмотреть для разнообразия. Конечно, потом Джоани передо мной извинилась. Ей стало очень стыдно. Она забыла обо мне, вспылила. Я сказала: ничего, у всех случаются ссоры, у нас и похуже бывают.

А разве нет? Я ему совсем не интересна, он только надо мной потешается и следит, чтобы общалась с теми, с кем он разрешил. Пенелопа его ни капли не волнует, здесь тоже ничего нового. Господи, он у меня все отнял, я — пустое место, никто. Я ради него всех бросила, даже лучшую подругу, Том казался мне очень искренним. А на деле такая же фальшивка, как и все в этом городе. Вот бы он исчез! Меня одно его присутствие раздражает! А как сопит во сне! Терпеть не могу. Невыносимый человек.

И так далее, и так далее — разделывала его, как мясник свинью; он лежал со вспоротым брюхом.

Как ни странно, он ничего не почувствовал. Словно наблюдал со стороны, читал клевету о каком-то другом муже.

Но этим не кончилось, нет.

Все. Я отыскала Пери. Похоже, она сменила номер. Не знаю, что на меня нашло. Мне так…

одиноко? Я знаю, какая она, знаю, что она сделала. И все равно скучаю. С ней я радовалась жизни. Порой кажется, будто я сто лет ничего не чувствовала.

Это предательство стало последней каплей. Тогда он захотел разорвать жену на куски, сожрать ее без остатка.

Десять лет назад Том с Пери любили немного помучить женщин во время секса. Уже через полгода после знакомства они стали приглашать случайных девушек, которых находили в баре. Но легкие победы не приносили радости.

Однажды, когда они остались вдвоем, Пери взяла в постель маленькие безобидные ножницы.

— Порежь меня, милый.

Он рассмеялся, забрал ножницы — буквально игрушечные, — и разрезал воздух.

— Я серьезно. — Она протянула к ножницам сильную руку. — Проколи кожу.

Он снова рассмеялся, повесил их на мизинец; в сравнении с его пальцами лезвия были совсем крохотные.

Взгляд Пери потемнел, она вырвала ножницы, у Тома даже палец хрустнул. А потом вонзила ему в бедро, оставила порез размером с монетку. Он понять ничего не успел, а она уже вылизывала

кровь горячим языком, затем поцеловала его окровавленными губами. Это бесстыдство, а не сам порез, его безумно завело. Он захотел еще.

Вскоре Том начал фантазировать, как сам причиняет боль другим.

— Я все устрою для тебя. Для нас, — прошептала Пери.

Поначалу он не поверил. А она устроила, и фантазии воплотились в жизнь.

Пери бесстыдно ставила себя на первое место, но делилась с Томом своей властью, и ему тоже так захотелось. Он всегда фантазировал, как подчиняет себе девиц, которые ему отказали в школе, кривили ротики при одной мысли о свидании с Томом Ньюберном. А с Пери он мог исполнить свою мечту.

Она поставляла девушек и другим мужчинам. Влиятельным мужчинам. Делилась остатками своих постельных побед с богачами, которые слюной исходили при мысли о сексе со стройными молодыми девушками — не проститутками, а обычными девушками, которых отыскала для них Пери. Том и эти мужчины хотели развратничать с девушками, которых могли запросто встретить в повседневной жизни. Хотели скромных, домашних.

Том и эти мужчины платили девушкам за молчание. Поначалу все шло гладко — в основном потому, что Том любил Пери. Любил то, как себя чувствовал рядом с ней. Радовался, что она видела в нем задатки. Что стал намного сильнее с тех пор, как она появилась в его жизни. Однако никогда не признавался: Пери его слегка пугала. Можно ли так бояться женщины?

Он познакомился с ней в клубе, когда последний год учился в бизнес-школе и пошел развлечься с коллегами из венчурной компании, куда позже устроился работать.

Том в ту пору только-только освоился в жизни. Он лишь на курсе экономики понял: чтобы добиться успеха, необязательно быть здоровяком и колотить соперников. Если упорно трудиться, упорнее остальных, можно стать первым, обойти отца и брата. Обойти всех, кто издевался над ним в детстве.

В клубе он хорошо нюхнул, перепил текилы. Легче не стало. Хотелось поскорее сбежать от грохота музыки и чужих голосов, подпевающих незатейливой песне.

Похоже, она издалека почувствовала его растерянность, подошла к нему, стройная красавица, и предложила потанцевать, потянула на танцпол,

подальше от столика с выпивкой, которую заказали друзья. Движения Пери были сильными, ритмичными, как биение его сердца; она прижалась к нему, и у него сразу встал, как в тринадцать, когда он смотрел в подвале отцовское порно, записанное поверх боксерских матчей — мать их ненавидела и трогать кассеты не стала бы.

— Расслабься, — прошептала Пери ему в ухо, облизнула мочку, проскользнула языком внутрь. И Том расслабился, мгновенно. Танцевал в ее объятьях с закрытыми глазами, наслаждался музыкой, движениями тела Пери.

Вскоре они начали встречаться. Она помогла ему привлечь инвесторов для «Снапи». Научила, как говорить с людьми, как получить нужное. Она в него верила, верила в его упорство.

Пери быстро прискучил даже дикий садистский секс, мимолетные встречи с перепуганными, растерянными девушками, которые не понимали их с Томом, не понимали их желаний. Они и соглашались-то робко, дрожащими голосами. А Пери хотела привести в отношения третью, которая подчинялась бы ей, но не зажималась.

И нашла Одилию.

— В ней что-то есть, — убеждала Пери. — Она нам поможет, сблизит нас.

Одилия прекрасно ей подходила: кроткая, милая, податливая — такой можно вертеть, как хочешь. Только для начала нужно было втереться ей в доверие, привязать.

Позже Том познакомился с Одилией, и Пери потеряла обоих.

Она пришла внезапно — вспышка желания, какой Том не испытывал много лет, даже с Пери. После поцелуя на пляже они с Одилией начали видеться тайно, в обеденные перерывы, второпях занимались сексом в машине, как подростки, подстраивались под непредсказуемое расписание Пери. Одилия была совсем не такой, как она — мягкой, наивной, покорной. Ни одна женщина так на него не смотрела. Снизу вверх, точно он мог все на свете. А еще она была очень старательна, жаждала внимания, как собачка. С Одилией он понял, на что способен без Пери. Он больше в Пери не нуждался.

Да, когда-то ему нравилась ее властность, ее готовность исполнять его темные, тайные желания. Однако вскоре восхитительная новизна улетучилась, он пресытился. Захотел нормальной домашней жизни, тем более что продвинулся в профессиональном плане. Рискованные садистские удовольствия больше не будоражили.

Знакомые любили Пери, потому что она была им полезна, но они тоже вскоре от нее устанут.

Однажды в укромном уголке парковки Том открыл Одилии неприглядную правду. Одилия сидела на нем; оба были без одежды, тяжело дышали друг другу в лицо. Том откинул сиденье, отодвинулся.

— Можем не прятаться, она сама этого хочет, — тихо признался он, отвел глаза.

Одилия удивленно моргнула, нахмурилась.

— Ты о чем?

Он поднял глаза к потолку, разглядывал серую обивку салона.

— Пери это все и задумала. Не хватает только ее самой, с нами. Она хотела тебя подготовить, пригласить в наши отношения, чтобы мы над тобой доминировали. — Одилия слезла с него, голая села на водительское сиденье; ее лицо помрачнело, руки стиснули руль, словно она собиралась завернуть за куст и увезти их прямо в океан.

— Но я этого больше не хочу. — Том повернулся к ней лицом. — Мне нужна только ты.

Одилия молча смотрела вдаль. Потом надавила на середину руля; клаксон завыл, распугал всех птиц на деревьях.

— Эта тварь меня использовала, — пробормота-

ла она, глядя прямо перед собой. — И тебя использует. Пери тебя таким сделала, Том. Со мной… со мной ты станешь другим, — решительно заявила Одилия, подвинулась к нему. — Хочешь быть со мной? — В ее голос вернулась робость, мольба, точно она боялась ответа.

Том твердо посмотрел на нее, кивнул.

— Да.

— Тогда мы ее бросим.

И бросили. Если подумать, то довольно жестоко — отвели ее на пляж за домом Беннингтонов и приперли к стенке. День выдался на удивление хмурый, дождливый.

— Я вас создала, — яростно проговорила Пери. Том думал, она швырнет им вслед камень, возьмет на берегу побольше и швырнет. Но нет. Пери не сдвинулась с места, стояла прямо и гордо, несмотря на первые капли дождя, только волосы ее шевелились на ветру. — Я думала, вы меня любите! — Голос ее растворился в шуме волн.

А после она исчезла из их жизни, из Нью-Йорка. Одилия поняла: Пери ее обманула, сдружилась с ней якобы от чистого сердца, а сама хотела обхитрить. Теперь Одилия считала ее злодейкой, которой не место в их с Томом жизни, пусть она их и свела. Правда, Одилия не подозревала,

что Том заплатил Пери. Превратил в очередную девицу, которой воспользовались и отправили восвояси.

Наедине с собой Том иногда вспоминал об этом и стыдился. Стыдился того, что они с Пери делали, винил ее за этот стыд, ведь она вытащила на свет его запретные желания, заставила их воплощать.

Когда Том и Одилия поженились, он установил жесткое правило: во-первых, общаться они будут только с ограниченным кругом лиц, чтобы не всплыли старые прегрешения Тома, а самое главное — они не будут вспоминать Пери, общаться с ней, искать ее.

Одилия это правило нарушила.

Глава 6. Вера

Сейчас

Куин нашел Калипсо Роджерс.

Без особого труда. Неудивительно, с таким-то именем. Но она его заблокировала. Чего он только ни пробовал, а она всякий раз избегала разговора с ним. Правда, однажды ему на электронную почту пришло письмо:

Уважаемый мистер Сан!

Хватит. Прекратите. Уверяю, с вами никто говорить не согласится. Никто об этом ничего не знает. У меня своя жизнь. Если и дальше будете меня беспокоить, я напишу на вас заявление. Вы не оставляете мне выбора.

— Если никто якобы ничего не знает, то почему откажутся со мной говорить? Есть же причина.

Я захожу в соцсети Калипсо. Симпатичная, живет хорошо. «Мазерати», безвкусный особняк, дочки-близняшки, усатый муж. Переехала в Колорадо, не работает. Муж занят в сфере медицины. Родители из Вайнека, рабочий класс. Родители мужа владеют заправочной станцией в Южной Каролине.

И откуда у нее «мазерати», гараж на четыре машины? Гадать можно сколько угодно, разговаривать с нами она не хочет.

Под конец июня Куин вдруг спросил:

— Ты еще злишься на Тома?

К его большому недовольству, коллажами я теперь занимаюсь в гостиной, и на ковре повсюду бумага, клей, глаза и уши.

— Очень. Зла, как никогда. И на Одилию тоже. Зла на всю айтишную братию, которая покрывает мужчин вроде Тома. Зла, что ничего плохого не сделала, но потеряла работу. У нас ведь в обществе как все устроено? Не приведи бог у женщины насыщенная личная жизнь! Я такая злая, весь город спалила бы одним выдохом, как дракон.

Куин опускается на колени, заглядывает мне в лицо.

— Ты не против, что я этой историей занимаюсь?

Кладу на пол ножницы, смотрю ему в глаза.

— Если бы не эти дебильные коллажи, я бы дыру в земле пробила, честное слово. Разумеется, не против. Я на все согласна, лишь бы дальше спокойно жить.

Куин покорно кивает и уходит к себе — наверное, продолжать поиски.

Я и правда очень зла, просто в ярости. Хорошо, что Куин так увлечен. Но чем сильнее погружаюсь в себя, в свое искусство, тем лучше понимаю — статья должна быть обо мне, а не о «Снапи». Что бы там Куин ни нарыл, прежде всего пусть восстановит мою репутацию. Его статья должна помочь в первую очередь мне. Я ведь нашла фото, направила его в нужную сторону. Он передо мной в долгу.

Теперь он ищет Пери. Только ее нигде нет, даже под именем Тельмы. Помню, Брендон Ньюберн упомянул, что у нее имя какой-то греческой богини, если мы об одном человеке говорим, конечно, однако Куин все равно ничего не может найти. Встречалась с Томом и исчезла… Может, из-за него и исчезла.

В отчаянии пишу Пейдж, прошу узнать у Джексона, какая у Пери фамилия. Он говорит, что знать ничего не знает. Так бы и дала самой себе оплеуху; ну почему не спросила его, когда была возможность? А теперь даже если спрошу, он ответит то же самое. Джексон защищает Пейдж, а мы с Куином сверяемся с картой, разорванной на куски. Однако Куин не сдается. Говорит, все равно ее вычислит, и я верю.

А я тем временем осторожно, очень осторож-

но делюсь в «Инстаграме» своими коллажами — теми, которые не слишком очевидно обо мне и Одилии. Я создала новый аккаунт, полное имя не стала указывать. Поддержка есть. Как и предсказывал Сэм, люди хотят купить футболки, кружки и сумки с моими принтами.

А у меня планы посерьезнее.

Лежу как-то с ноутбуком на животе, публикую свои работы в «Инстаграме», а Куин врывается без стука. Даже не знала, что он дома. Потный, красный, словно бежал из самого офиса.

— Нашел ее! — восклицает он, задыхаясь от бега, да и вейп ему пользы не приносит. — Персефона Тельма Кей Барнс. А теперь Персефона Таннер, жена наследника «Таннер индастриз». — Глаза его маниакально блестят. — Компания, которая производит боеприпасы! Их упоминают во всех новостях о стрельбе в школе или военных действиях США. У нее доход в несколько миллиардов, Вера! Это не фото, а бомба!

Я приподнимаю брови.

— И она вот-вот взорвется.

Глава 7. Том

Полтора года назад

Он несколько дней злился на Одилию. Вряд ли она вновь начала общаться с Пери. Но попробовала же — и от этого у него в голове будто раскрутился винтик, на котором держался рассудок. Как она смеет так его оскорблять, подрывать основы их брака? Выходит, его чувства и борьба с собственными слабостями для нее ничего не значат? Как она смеет против него идти?

Том сидел в домашнем кабинете, закусив костяшки, и думал: Одилия ответит за то, что разбередила старую рану, принесла ему столько боли. Он найдет способ с ней поквитаться.

Эти ехидные, злобные записи не возмутили бы его так, если бы она не предала его, не нарушила их договоренность. А она предала его.

Перед отъездом жены в Мичиган Том снова взял ее телефон, залез в дневник.

Листал, пока не нашел кое-что любопытное, даже увлекательное. Эта запись начиналась не с жалоб на него, как все остальные, а с приятных слов. Как будто вернулась прежняя девушка —

искренняя, полная надежды.

Я из любопытства туда зашла. Честно! Я в прошлые выходные ездила на отдых в Хадсон-Вэлли, позаниматься йогой и привести в порядок мысли. Там встретила одну женщину, надоедливую до ужаса. Болтала и болтала! Раньше мне такие нравились, я просто молча кивала и слушала.

В общем, она весь отдых только и говорила о себе. Упомянула дочку, которая живет в Нью-Йорке. Она руководит модным брендом, добилась больших успехов, и если поискать ее в «Гугле», ее имя выпадет на первой же странице. Так и сказала. Все хвасталась, хвасталась, вот я не выдержала и спросила, как дочку зовут. Она только того и ждала. А потом болтала дальше, меня даже не замечая. Встреться с ней назавтра, не вспомнит. Вот до чего самовлюбленная.

Мне стало скучно. Вообще там нельзя пользоваться телефонами и другой техникой, но кому какое дело? Не зря же там вайфай. Зашла я к дочери той женщины в «Инстаграм» и застряла на несколько часов. Потрясающая девушка. Всегда мечтала такой стать. Никак не могу выбросить ее из головы. Она такая… не знаю… безупречная! Идеальные наряды, идеальное лицо, идеальная манера себя держать. Похоже, профиль она ве-

дет сама. Есть у нее чутье, умение публиковать правильные посты в правильное время.

Смотрю и… оживаю? Есть чем вдохновляться. Может, если приложить усилия, то стану, как она? Заманчивая мысль, верно? Я хочу стать ею. До того хочу, даже страшно. Не буду подписываться на нее с основного аккаунта: не хочу, чтобы она знала, какая у меня скучная серая жизнь. Конечно, ей и дела до меня нет, у нее много подписчиков. Но как представлю, что она заходит в список, видит меня и презрительно фыркает… Каждый день захожу в ее профиль и слежу, чем занимается. Ничего сложного, он ведь открытый. И к тому же необходим по работе, поэтому вряд ли она закроет доступ.

Она мне напоминает Пери — та же уверенность сочится из крошечных фотографий прямо мне на руку. Впрочем, не стоит думать об их сходстве. Нельзя о ней думать, тем более что она не ответила.

Кроме нее, я не встречала такой решительной девушки, как Вера, Вера Макдоналд. Жаль, решительность не заразна. Да что там — жаль, что нельзя влезть в ее шкуру. Хочу с ней встретиться. Хочу подружиться. Только не сейчас, еще рано. Это дело небыстрое. Надо поучиться, стать ею.

Стать, как она. Я когда-то уже пыталась. На этот раз не буду отвлекаться, дойду до конца. Добьюсь, чего хочу. Мне хватит решимости проникнуть в мир Веры. Предложу ей дружбу, когда стану совсем другим человеком. Она придет от меня в восторг. Это я себе обещаю.

Глава 8. Вера

Сейчас

Куин испробовал все. Ни один журналистский трюк не помог в поисках информации о Тельме. Пери. Неважно. Он нанял частного детектива, профессионального хакера, использовал полулегальные способы… В «Гугле» ее не нашли. Она убрала свое имя отовсюду, замела все следы прошлого, точно и не существовала на свете.

Куин признался: он едва не сошел с ума, так часто смотрел на эту омерзительную фотографию, что чуть ли не видел в уголке собственное лицо. Задумался, жива ли Пери вообще — может, умерла, как Том и Одилия?

И все-таки он ее нашел. Ничего особенного, просто кое-какие сведения: она замужем за Дариусом Таннером, живут неподалеку от Атланты. Ни о детях, ни о недвижимости ни слова. Персефона — женщина скрытная. И Дариус, наследник Таннеров, тоже.

Куин в восторге. Фото миллиардерши с теперь уже мертвым богачом, с жертвой их садистских развлечений! Пикантная история, безусловная

победа. Карьерный успех Куину обеспечен. Статья докажет жестокость Тома, покажет, какой он был психопат, восстановит мою репутацию.

У меня как-то мелькнула мысль, которой я с Куином не поделилась: а может, лучше шантажировать Пери? Выбрать деньги, а не статью. Построить карьеру и репутацию на деньгах. Однако Куин благороднее меня. Он хочет уничтожить «Снапи» и пособников Тома, раскрыть мерзость, что скрывается за ослепительным блеском. И пусть у облеченных властью богатеев, покрывающих друг друга, отнимут прежнюю жизнь. Как отняли ее у меня.

Куин собирается показать фото и сведения о Персефоне начальнику, а он, если повезет, найдет еще источники, и Куин сможет дополнить начатую статью.

Сейчас выходные, я у мамы в гостях, а великое разоблачение состоится в понедельник. Мы с мамой давно не разговариваем, но она мне написала: сказала, что скучает, да и в Нью-Йорк скоро придет жара, поэтому лучше мне отдохнуть с ней, в Хадсон-Вэлли. Я бы отказалась, только кондиционер сломался, духота в городе нестерпимая, вот я и ответила на мамино сообщение.

Она меня встречает как ни в чем не бывало, а

я возвращаюсь к заточению в мерзкой спальне с вишенками на обоях, одноглазым лебедем, к включенному на всю мощность кондиционеру и вентилятору, который тщетно гоняет воздух, не в силах прогнать жару. Лежу на кровати. По мне ползет муха; сгонять ее лень, поэтому пусть ползет, как по трупу.

Правда, на сей раз мама развлекается не одна. Посещаю с ней утренние занятия йогой, пью отвратительные смузи, по ее совету хожу к знатоку нетрадиционной медицины. За обедом в ее любимом веганском ресторане ем с ней веганский сыр из кешью, похожий на птичье дерьмо, и спрашиваю, почему она меня такой воспитала.

— Ты такой родилась, Вера. — Она отпивает черного чая. — Хотя, конечно, я мечтала, чтобы ты твердо стояла на собственных ногах. Мечтала, чтобы ты чего-то добилась в жизни. Я вот в твоем возрасте очень старалась, да не вышло. Правда, я не совсем такое будущее для тебя представляла.

— Ты старалась? Как? — спрашиваю я, отодвигая тарелку с микрозеленью.

— Я работала в сфере связей с общественностью, пока не забеременела твоим братом. И работала, между прочим, неплохо. Ну а потом, как стала матерью, постеснялась возвращаться к прежней

жизни, привлекать к себе внимание. Позже я сильно пожалела и для тебя хотела иного. Чтобы ты не просто жила, а сама распоряжалась своей судьбой. Чтобы ты была хитрее, все продумывала наперед, поднялась на вершину. Доброта не так уж нужна человеку. Добрые люди ни черта добиться не могут, все волнуются, что думают о них другие. И потом, чем успешнее ты, тем лучше смотрюсь я. Обе в выигрыше. — Она помешивает чай, глядит на залитый солнцем тротуар. — Хочу тебя кое с кем познакомить. Встретила одну женщину на йоге. Она поможет.

— Господи, мама! Хватит. — Я закатываю глаза.

— Она специалистка, разбирается с громкими скандалами, — настаивает мама. — «Отменили» знаменитость, бизнесмена, политика? Она все исправит.

Мама крутит на запястье браслеты, поднимает повыше.

— Мне помощь не нужна. Ты сама сказала, я в состоянии о себе позаботиться.

— Знаю, знаю. Соглашайся ради меня, ладно? Она в курсе твоей истории. Хочет зайти сегодня поговорить.

Я опять едва не закатываю глаза.

— Ладно, ладно! Но если она из духовных гуру,

которые будут меня спасать каким-нибудь шаманством, я больше в гости не приеду.

Мы возвращаемся домой, и мама уезжает куда-то по делам — скорее всего, к новому любовнику. Просит меня подождать «специалистку», и я валяюсь в постели в ожидании звонка в дверь. Жаль, нельзя маме рассказать: всего через несколько дней моя жизнь и так изменится навсегда.

Наконец с улицы доносится шорох шин, и я встаю в ожидании звонка. Потом все-таки спускаюсь, приоткрываю дверь.

Прислонившись к машине, на улице курит одетая в ослепительно-белое Персефона Таннер; волосы у нее коротко подстрижены, а ногти алые, как языки.

Персефона Таннер сидит за столом на кухне моей матери, курит, открыв все окна нараспашку.

Увидев ее, я попятилась в дом, заперлась, думала позвонить в полицию. Персефона не растерялась. Тихо постучала в дверь.

— Вера, я тебя не трону. Обещаю. — Голос нежный, словно шелк, как у героини старых фильмов, заманивающей мужчину в свои сети. И потом, разве не все они сначала так говорят, а потом нападают с ножом, грабят, поджигают дом? Я отказывалась открыть, сжимала в руке теле-

фон, готовая позвонить Куину или экстренным службам. — Хочу кое-что прояснить, и только, — упрашивала она. — Хочу помочь. Я тобой восхищаюсь, Вера. Я видела твои работы. Купила сумку с твоим принтом. У тебя острый глаз. — Она умолкла: ждала, пока лесть подействует. — Правильно, что осторожничаешь. Клянусь, я пришла с миром.

Я чуть приоткрыла дверь, попросила поднять руки, вытащить все из карманов и сумки, как на досмотре. У нее были только очки, сигареты и зажигалка. Даже телефон не взяла.

Разумеется, никаким восстановлением репутации Персефона не занимается. Персефоне позвонил мистер Беннингтон, сказал: некто украл из дома откровенную фотографию; она спросила, какую, а он замялся: «Ту, которую ты просила сжечь».

— Ясно же, любовался ею на ночь. Извращенец.

Десять лет назад они с Томом останавливались в этом доме, как и сказал мне Джексон. Занимались групповым сексом, немного необычным — все по взаимному согласию, хотя со стороны выглядит ужасно. Иногда делали фотографии. Она уехала в конце лета в большой спешке, за-

была фото. Позвонила мистеру Беннингтону, попросила уничтожить снимок, иначе его помощь пройдет даром и «Снапи» конец, если люди узнают о странных предпочтениях Тома. Мистер Беннингтон пообещал тотчас сжечь фото.

Разумеется, соврал.

Стряхивая пепел в мамину статуэтку ручной работы, Пери признается: она испугалась. У нее теперь совсем другая жизнь, ребенок, муж, помешанный на скрытности. Вот уж чего ей не нужно, так это той фотографии по всем новостям. Она ведь хорошо постаралась, замела все следы романа с Томом, ее даже никто не искал, когда случилось убийство.

«Кто-то пытается тебя шантажировать», — мрачно произнес мистер Беннингтон. А ее специалисты по кибербезопасности заметили: некто Куин Сан пытается нарыть информацию. Когда она узнала, кем работает Куин и кто я такая, сразу все поняла.

— Согласна, тебе здорово досталось. Я бы тоже на стену лезла, если бы меня обвиняли в преступлениях какого-то неудачника, а он еще и умер, и я даже не могла бы собственноручно его убить. Тоже искала бы скелеты у него в шкафу. — Она тушит сигарету о свою импровизированную пе-

пельницу, тянется рукой к упаковке, подумывая закурить еще одну. — Честно говоря, на тебя не просто так набросились. Ручаюсь, у «Снапи» полно грязных секретов, и совет директоров не хотел, чтобы они всплыли. Не удивлюсь, если Беннингтон или какие еще самодовольные павлины подкупили полицию и пиарщиков, а они уж все внимание перевели на тебя. Они в каждой бочке затычка. Мне ли не знать, сама за таким замужем.

Черты у нее поразительно симметричные, как у мраморной статуи, глаз не отвести. Она завораживает, увлекает, даже губы двигаются по-особенному. Я невольно вслушиваюсь в ее слова, точно под властью чар, гипноза.

— Я тебе сочувствую, но всему есть предел. Сначала я хотела тебя шантажировать, чтобы отдала фотографию. — Она смеется. — Поэтому сюда и пришла. Выследила твою маму, записалась на йогу, надеялась там ее разговорить. Разговорила — не то слово. Она не умолкала: рассказывала, какая ты сильная, как ты на все готова ради успеха, как она собой гордится за то, что тебя вырастила, хотя в свете последних событий… — Пери-Персефона постукивает ногтями по столу, *тра-та-та,* как пулеметная очередь. — Тут я кое-что получше

придумала, чем шантаж. Или подкуп с помощью денежек моего мужа. Понимаешь, мы с тобой не такие уж разные. Я вижу себя в тебе, в твоей решимости. — Умолкнув, она берет меня за руку, переплетает наши пальцы и объясняет, что мне нужно делать. Что нам нужно делать.

Глава 9. Том

Полтора года назад

Он смотрел, как Вера ходит по галерее — изящно и в то же время целеустремленно. Каждый шаг был не случаен. Конечно, он того и ожидал, не зря заходил в ее профиль. Однако в реальной жизни это зрелище буквально захватывало. Завораживало.

Том не привык встречаться с женщинами своего уровня; он терялся и дрожал, будто вновь стал десятилетним мальчишкой, которого последним взяли в команду по софтболу. Секрет таился не только в красоте, хотя и это важно. Она была потрясающе сложена, черты замечательно гармонировали, а теплая кожа сияла. Хотя истинная сила Веры крылась в решительности — она говорила, ходила и ела так, как ей хочется. Брала желаемое, чего бы это ни стоило, и шла по головам, если придется.

Он хотел пустить в ход свое слегка запылившееся обаяние, влюбить ее в себя, а потом похвастаться победой перед женой. *Погляди, на что я способен. Погляди, кого я украл прямо у*

тебя из-под носа. Имеешь право вернуть в нашу жизнь Пери, да? А посмотри теперь, как могу отомстить я. Что ждало Веру в конце его забавной игры? Ну, об этом он не думал.

Теперь его решение казалось жалким ребячеством, попыткой подорвать и без того шаткий брак. Во плоти Вера оказалась еще привлекательнее, чем в интернете. Понятно, почему Одилия так ею одержима, так отчаянно ей подражает. Ему уже не хотелось отпускать Веру. Он угодил в ловушку собственной лжи: рассказывал ей о своих убеждениях, принципах, притворялся мужчиной, который способен Вере понравиться. А после захотел стать таким ради нее — добрым, ласковым, в чем-то робким; сильным, но ранимым.

Он хотел ее впечатлить, вот в чем беда. Отчаянно стремился показать себя с хорошей стороны, убедить ее: он не опасен. Конечно, билеты на выставку Вера сочла бы бестактным подарком, очевидной попыткой понравиться. А он стремился дать ей необычный опыт, уникальный опыт. Вот в чем суть, вот в чем отличие. Ему важны были ее чувства и мысли.

Наутро Том любовался, как она спит в постели его жены — губы приоткрыты, в уголке скопилась

слюна. Он хотел засунуть туда палец, и пусть посасывает влажным ртом. Но одернул себя, тихо встал с постели. Принес ей поесть, как добрый внимательный мужчина. Когда-то он так уже делал. До Пери, до Одилии.

А когда вернулся, они лежали голыми вдвоем, яичный желток капал на простыни, на подушки просыпался кунжут с бейглов. Том прикусил губу Веры, слизнул авокадо у нее с носа, и она тихонько промычала, подвинулась к нему — Том не удержался, поцеловал ее веки, нос, губы. Она вскружила ему голову, он медленно, но верно тонул. Опять все, как с Пери. Увлечение, которое вдруг закончилось, когда появилась Одилия — предсказуемая и послушная, прямо как на заказ.

— Чего ты боишься? — внезапно спросила Вера, устремив на него немигающий взгляд.

Том приобнял ее, коснулся поясницы.

— Ничего. Ничего не боюсь, — ляпнул он, не подумав.

Спина Веры чуть заметно напряглась. Он сказал что-то не то. Настоящий Том, которого он решил скрывать, поднял свою уродливую голову.

— Точнее, я боюсь за близких. За дочь.

Он заглянул в укромный уголок души, где скрывалась истинная натура. Да, мысль об утрате

Пенелопы отозвалась слабой пульсирующей болью — вероятно, рудиментарное чувство, просто инстинкт. Ребенка он не хотел, почти не знал дочку, да и не слишком стремился узнать. Досадный случай в ванной тому только подтверждение.

Вера чуть отодвинулась и подняла голову, чтобы лучше его видеть.

— Ты обманываешь, да? Я не просто так спросила. — Она легла набок, поглядела на него снизу вверх. — Знаешь, чего я боюсь? — Она провела рукой по волосам у него на груди. — Боюсь потерять все, чего достигла. Карьеру. Стать бессильной, униженной, потерять веру в себя. Потерять себя.

Если бы он придвинулся ближе, ее черты расплылись бы в пятно.

— Этого не будет. Не делай глупостей, вот и все. Не делай поспешных выводов. — Он застенчиво улыбнулся, но не получил улыбки в ответ.

— Так чего ты боишься? — спросила она уже громче, с напором, будто они не лежали совсем близко.

Том привстал, закинул руки за голову, посмотрел вбок, на Веру.

— В чем-то мы с тобой похожи. Мне тоже нужна власть. А если ее отнять, меня не станет. Не знаю, кем тогда буду.

Вера коснулась губами его губ.

Когда она порвала с ним по телефону, он не сразу понял. Стоял у входа в закрытый клуб, собирался на обсуждение новой сделки, а ноги вдруг стали ватными, сердце рухнуло чуть ли не в пятки. Только на второй-третий раз он понял смысл написанного.

Том догадывался, что этим кончится. Не дурак же. Вера его избегала, молчала в ответ на сообщения, мольбы о прощении. На днях он все зло выместил на дверной ручке в домашнем кабинете — так яростно ее повернул, что сломал механизм. Пришлось закрываться на задвижку, а она не слишком хорошо работала.

Нет, получить такое сообщение, такой отказ… Очень больно. Как резкий удар в живот. В нем пробудилось забытое с детства чувство, еще с тех времен, когда его толкали сверстники, когда на детской площадке писали мелом оскорбления в его адрес, когда в седьмом классе девочка вывела на клочке бумаги красной ручкой: она никогда не пойдет с ним на танцы, уж лучше умрет, уж лучше ее мама тоже умрет. С тех времен, когда за ужином родители смотрели лишь на Брендона, а Тому слова не давали сказать, и он сгорбившись сидел над мясным рулетом и водил вилкой по

горке пюре.

— Ты как с того света явился, — хохотнул Даррен Беннингтон, когда Том вошел на совещание, и все остальные рассмеялись.

Совет хотел, чтобы Том вернулся в головной офис на полный день. Компания занялась прямыми продажами, и без Тома было не обойтись. Его оборудование со всеми данными собирались перевезти из домашнего кабинета в головной офис.

Он сидел на совещании, сжав кулаки, отвечал заикаясь, а в мыслях проигрывал каждое слово из сообщения Веры. Все кончилось совсем не так, как надо. Том влюбился и ждал, что все пойдет точно, как он мечтал, перерастет под его присмотром в подлинное чувство. Да, планировал он другое, однако хотел, как теперь выяснилось, именно этого.

Даррен молол языком, а Том пытался вспомнить, когда Вера к нему охладела. За ужином в ресторане, куда они прежде ходили с женой? Он зря поторопился; только за столиком понял: друзья Одилии могут их застукать. Разволновался, сказал Вере. Надо было держать рот на замке.

Когда он говорил по телефону о Пенелопе, Вера тоже отстранилась. Подумаешь, семейная ссора! И потом, Вера ведь не знала, какие слова звучали

на том конце провода. Вряд ли женщину, привыкшую ставить других на место, оттолкнул бы маленький приступ злости. Да Том и голос-то повысил, чтобы немного покрасоваться: он ведь и на работе, и дома играл важную роль. А Вера убежала. Ей не понравилось, Одилия этого якобы не заслужила.

— Том? — спросил его кто-то. Что ж, пусть повторят, ничего страшного. Том покрутил головой, похрустел шеей. — Прости, что?

Видимо, спрашивал его Даррен: судя по взгляду, хотел дать ему в нос. Однако сдержался, сохранил лицо. Все смущенно заерзали в креслах. Впрочем, какая разница?

Даррен повторил вопрос, а Том опять задумался о сообщении. Руки тянулись к телефону: может, если долго разглядывать серо-черный пузырь текста, как Священное Писание, удастся извлечь какой-то смысл.

Домой он вернулся поздно — заглянул по дороге в какой-то унылый бар, не ходил в такие еще с университета. В прихожей чуть не споткнулся об открытый чемодан, и косметика из бутылька брызнула на пол, как гной из инфицированной раны. Вернулась жена. И почему-то злилась. Стояла на кухне, и живот ее раздулся больше

прежнего, нелепо смотрелся на худом теле. В прошлом году они поменяли мебель: поставили шкафчики с дверцами-жалюзи, новый стол, холодильник последней модели. Да и газовая плита плоховато работала, пришлось заменить. Глупая, ненужная трата: все равно они кухней практически не пользовались. А теперь Одилия что-то взбивала в миске, да так яростно — того и гляди мышцу потянет.

— Пенелопа заснула. Иди хотя бы поздоровайся с ней. А то она забыла, как родной отец выглядит, — процедила Одилия, не поднимала глаз от миски.

Том подошел поближе, в нос ударил запах лука. Попытался прижать ее к себе, она все равно не подняла глаз, продолжала ожесточенно взбивать белки.

Том приподнял подбородок Одилии, нежно поцеловал в губы.

— Отвяжись, — прорычала она, оттолкнула его миской.

Том послушался, ушел в угол кухни.

— Я кое с кем встречаюсь, — мягко промолвил он. Слова сами сорвались с губ. Он повторил с наслаждением: — Я кое с кем встречаюсь.

Одилия наконец перестала взбивать, прижала

миску к груди.

— Кто бы сомневался! — Она закатила глаза. — Я и в первый раз услышала, не глухая.

Одилия поставила миску, включила плиту; заплясало синее пламя под сковородкой с антипригарным покрытием, в которую Одилия все равно налила масла.

Том сжал руку в кулак.

— Не хочешь узнать, с кем?

Она добавила лук.

— Не очень. Господи, ты такой скучный! С тренером по фитнесу? Наверняка какое-то клише. Уж извини, ты не настолько интересный, чтобы искать любовницу вне привычного круга общения.

Лук зашипел на сковороде. Том сжал в кулак другую руку.

— Ты меня совсем не знаешь.

Одилия вновь закатила глаза.

— Я знаю, что ты слабый. Пери пробудила самые болезненные стороны твоей натуры, а ты ей позволил. Ты вздорный, бессильный, самолюбивый и жалкий человек, Том. И мне жаль несчастную, которую ты на сей раз очаровал. Слава богу, это не я. И слава богу, что у меня хватило смелости все высказать. — Она достала большой нож, перец. Вынула сердцевину, принялась резать. — Не

спросишь, как я съездила?

Он слушал ее, открывая и закрывая рот, стискивал зубы от каждой нападки.

— С Верой. Я встречаюсь с Верой. С Верой Макдоналд. Тебе не хватило смелости с ней познакомиться, узнать ее получше. Вот я и узнал ее за тебя.

Одилия с грохотом уронила нож. А когда посмотрела на Тома, он чуть не бросился за ножом, а то, пожалуй, она опередила бы, такой яростью сверкали ее глаза, отражая тусклый свет. *Она меня сейчас убьет.* Ее лицо исказилось, губы сжались, точь-в-точь готовая к броску змея.

Сработала пожарная сигнализация: лук в раскаленной сковороде дымился. Одилия заплакала.

Глава 10. Одилия

Полтора года назад

Она составила план.

Поначалу это было просто желание. Мечта, за которую она цеплялась, пока лежала в гостевой спальне в Нови, а поясница болела от тяжелого, округлившегося живота, и Пенелопа лежала рядом, розовыми губами посасывая пальчик. Одилия посмотрела на расписанный облаками потолок и тотчас перенеслась в те бесконечные ночи, когда вот так лежала в доме детства и мечтала, жаждала, надеялась стать другим человеком.

Пока взгляд блуждал по нарисованным по трафарету облакам, ее вдруг осенило: а ведь она вернулась к исходной точке, вернулась в мягкие объятия скуки, неподвижности. Вроде бы все изменилось, а посмотришь — ничего.

Одилия приехала в Мичиган в надежде, что дома у родных она научится ценить новую жизнь, роскошь, богатство, друзей в высшем свете. Но нет, она по-прежнему себя чувствовала картонной фигуркой, которую вот-вот унесет ветром, по

которой можно топтаться грязными башмаками.

И только воспитание дочери дарило ей капельку самоуважения, радости, хоть какую-то возможность распоряжаться. Поэтому четыре года назад она не раздумывая, без всяких сожалений пошла к своему гинекологу и удалила спираль. Мечтала превратить маленькое существо в человека, каким сама отчаянно хотела стать.

Родители вечно жалуются: время летит слишком быстро, детство ребенка — невинная, мимолетная пора, которой не успеваешь как следует насладиться. Для Одилии же детство Пенелопы тянулось с черепашьей скоростью. Она мечтала о дне, когда можно будет наконец заняться настоящим воспитанием, обучать дочь жизненным урокам, а не коротеньким словам. О подросшей девочке мечтала, не о малышке, чтобы воспитать ее непохожей на себя. А на деле Пенелопа уже в три года была слишком ласковой и послушной. Другие матери охали и ахали над кротостью девочки, а Одилия ждала от дочери своеволия, надеялась хоть как-то проявить себя, распоряжаться, а не жить тихо и незаметно, не быть в глазах Тома пустым местом — его вообще не заботило, есть она или нет.

Загадывала: пусть второй ребенок плачет и зовет ее ночи напролет.

Она зашла в тупик, опять стала невидимкой, превратилась для Тома в досадное недоразумение, с которым он обменивался парой слов, когда не сидел в домашнем кабинете-гробнице. А в последнее время еще и в козла отпущения, — муж изводил ее при первой же возможности.

Когда они познакомились, Одилия им очень дорожила, радовалась, что важна ему, что такой светский человек ее любит. Позже, когда переехали в Нью-Йорк, ей даже нравилось быть его бумажной куклой; она охотно позволяла себя одевать, украшать, слушалась его. Доверяла ему, а он вроде бы ценил ее, хотел сделать лучше.

Со временем она устала, захотела самостоятельности. Захотела решать за себя. Давным-давно перестала стремиться к решимости, самообладанию Пери. Десять лет спустя она вспомнила о прежних мечтах. Том теперь либо пренебрегал ей, либо презирал. А она молчала, ничего не делала.

Потом Пенелопа чуть не утонула в ванне, и в Одилии закипела злость, выплеснулась на поверхность. Одно дело равнодушно относиться к ней, жене, и совсем другое — к ребенку. После

такого тревожного звоночка любой мало-мальски чуткий муж и отец перестал бы так много работать, больше ценил бы семью.

Только не Том.

Одилия сказала подругам — женщинам, с которыми выпивала, читала книги и дружила лишь потому, что их мужья работали с ее мужем, а он общаться с посторонними запрещал, — что собирается к отцу, недавно перенесшему операцию. Насчет операции она не соврала, хотя вообще-то отец себя прекрасно чувствовал. Это Одилии не помешал бы врач, даже мать намекнула. «Что-то с тобой не то», — мимоходом обронила она, ибо Одилия даже взрослой заслуживала лишь небрежного замечания.

Одилия проводила дни в Нови, разговаривая с Верой Макдоналд.

Или, скорее, с внутренней Верой.

Тебе нужно изменить свою жизнь, Одилия. Избавиться от мужа. Живи сама по себе, независимо. Том тебе мешает. В жизни столько всего интересного, Одилия! Столько возможностей себя проявить. Тому не нужна жена, которая может быть собой. Помоги себе сама.

Она спорила с Верой, объясняла: это исключено. С какой стороны ни погляди, она в проигрыше.

Из-под власти Тома выбраться невозможно. Она слишком слабая. Бесхребетная. Зависимая финансово.

А помнишь консультацию с юристами перед свадьбой?

Да, Одилия помнила.

Тогда вспомни пункт: в случае смерти супруга, все его имущество переходит к тебе и детям.

Одилия застыла, сжала одеяло.

Нет, нет, этого пункта я не помню.

Еще как помнишь, — ответила Вера. — *Том к тебе равнодушен. Любит командовать. Он — жадная свинья, его только бизнес волнует. Ему даже на дочь плевать! От него ни окружающим, ни родным никакой пользы, так зачем ему жить?*

Одилия отпрянула от Пенелопы, и дочка хныкнула во сне.

Он ведь человек. Живой человек. Отец моего ребенка. Никто не заслуживает смерти.

Вера ненадолго умолкла, потом ответила:

Верни себе свободу. Тут ничего сложного нет. Тебя никто ни в чем не обвинит. Представь все так, будто он покончил с собой, будто не задался новый проект, и он впал в тяжелую депрессию, ни с кем не делился своими тревогами. Такой че-

ловек, как Том? Пф-ф, люди скажут: он не хотел попросить помощи. Постыдился.

Простой выход из положения. Он умрет, исчезнет из твоей жизни, а ты начнешь с чистого листа.

Одилия смотрела на облака на потолке. Они плыли, как настоящие облака в настоящем небе. Она повернулась лицом к Пенелопе. Дочка мирно дышала, ее сердечко билось. Как у нее, как у Тома.

Она не собиралась это делать. Конечно, нет. Просто все время проигрывала в голове веселый фильм. А когда закрывала глаза, погружалась в его ритм, словно превращалась в другую Одилию — женщину, которая без всякого шума убьет мужа, унаследует его деньги, поплачет на похоронах крокодиловыми слезами. Приятный был фильм, она улыбалась, да так радостно, даже стала гулять на солнышке впервые после приезда в Мичиган.

Она не хотела кровавого убийства. Да, злилась на Тома, может, и ненавидела. Но не до такой степени, чтобы желать мучительной смерти. Нет, пусть тихонько уснет вечным сном. Отравление угарным газом. *Простой выход,* как и сказала Вера.

Она все продумала еще до возвращения в

Бруклин. Том каждый вечер проводил в домашнем кабинете, жутком подземелье, к которому она не подходила. Иногда там даже спал. Окон нет. Звукоизоляция. С газовым камином, чтобы сидеть, как средневековый рыцарь, и слушать рев пламени, — Том его зажигал каждый день до самого мая. Одилия зайдет в его кабинет, поколдует над камином, чтобы выделял угарный газ. Том всегда запирается, вот и пусть там сидит, а они с Пенелопой будут мирно спать в другой комнате в полном неведении. Он ничего не поймет — разве что перед тем, как потеряет сознание.

И все же она просто смотрела фильм. Лишь когда Том с обычной жестокостью обмолвился о своем романе с Верой Макдоналд, в голове Одилии что-то будто треснуло, и рассудок ее вылетел, как пылинка на ветру. Одилия всегда была здравомыслящей, уравновешенной, печальной, немного одинокой, и реальность от вымысла отличала. Например, понимала, что голос Веры в голове — ее собственный. И все-таки после того признания она стала желать Тому смерти.

Голос Веры умолк, его вытеснила ненависть к мужу. Одилию злила не измена, нет. Том отнял у нее то, что ей принадлежало по праву — любимую подругу, пусть и воображаемую. Запятнал

единственный образец совершенства в ее противоречивой, несчастной жизни. Он испортил нечто драгоценное.

Поначалу она думала: врет, хочет вывести из себя. Когда Том уснул на диване, она взяла его телефон, залезла в сообщения. Прочла их переписку. Об одном Том однозначно солгал: в тот день Вера его вообще-то бросила. Одилия на всякий случай позвонила по этому номеру: вдруг Том под именем Веры сохранил номер какой-нибудь своей девицы, лишь бы позлить Одилию. Она молилась, чтобы никто не взял. Никто и не взял, но после щелчка автоответчик сказал голосом Веры — более низким и хриплым, чем Одилия представляла: она не может ответить, лучше ей написать.

Тут Одилию осенило.

Она взяла телефон Тома в кровать; он выпил снотворного и все равно ничего бы не заметил. Накрывшись одеялом, она еще несколько раз позвонила Вере. Тишина. Оставила ей несколько сообщений — длинных, подробных и горестных посланий с признаниями в любви, просьбами принять обратно. Каждое было безумнее предыдущего. Том якобы не знал, как без нее жить. Через два часа Вера заблокировала ее — точнее,

Тома, — и Одилия удалила сообщения, спустилась вниз и положила телефон на место — Том всегда спал с ним чуть ли не в обнимку, как с плюшевым мишкой.

Теперь записка. Подделать почерк Тома было не так-то просто, одна-единственная ошибка могла ее погубить. Одилия задумалась, поставила себя на место Тома. Много писать нельзя. Все знали о его сдержанности. В итоге решила печатать. «Кто в наше время вообще пишет предсмертные записки от руки?» — мысленно съязвила она, печатая текст, а после удалила файл — за два дня до исполнения своего великого плана. Ограничилась несколькими предложениями, свернула записку и положила в ящик стола, где Том держал запасные зарядки. Пусть все запомнят, как он страдает по девушке, которая его отвергла, и желает всего наилучшего жене, к которой на самом деле равнодушен. Он бы взбесился, если бы узнал.

В ванной Одилия отрепетировала перед большим зеркалом, как будет звонить экстренным службам посреди ночи, когда почувствует запах серы. Она играла голосом, тренировала испуганный взгляд, давила из себя слезы «ужаса».

В день исполнения своего плана она пошла на

ужин с Ширли.

— Как поехала усталой, такой и вернулась! Чем ты там занималась? — Ширли попивала шардоне, цвет которого напоминал Одилии глаза бешеной собаки. Вообще они встретились обсудить сбор денег для благотворительного фонда.

— Понимаешь, папа в больнице, я была с ним. Боюсь, отпуском это не назовешь. — Она расстелила на коленях салфетку.

— Бедняжка! Прости, если обидела. Так долго сижу с детьми, уже забыла, как с людьми разговаривать.

— Ничего, ничего. — Одилия отпила воды, украдкой оглядела ресторан. Все казалось тусклым, точно восковым. — Как Лайла?

Ширли закатила глаза.

— Да по-старому. Месяц почти дома не появлялась. Зато когда дома, все внимание уделяет мне. Тут жаловаться не на что. Правда, детей избаловала до ужаса. И как-то слишком увлеклась покупкой кроссовок, — болтала она.

Одилии нравилась Лайла. Сильная женщина с серьезной работой. Способна на искренние чувства, каких они с Томом не испытывали друг к другу даже в лучшие времена.

— Том не слишком рад моему приезду, — вдруг

выпалила она, когда улучила минутку. Тоже неслучайно.

Ширли прищурилась, дернула бокал с вином, едва не уронила. Они дождались, пока официант подаст салат и уйдет.

— Почему ты так думаешь? — Она отрезала кусочек стейка, красный сок потек на зелень.

— Ведет себя странно. Ты же знаешь Тома, он своих привычек не нарушает. — Ширли кивнула. — А в последнее время сам не свой. Может, что-то случилось, пока я ездила в Мичиган.

Она тоже приступила к салату. Жареные креветки и на вкус были, как воск.

— Спросишь у него, почему так? — Сыр с плесенью в салате Ширли размяк в мясном соке.

Одилия выдержала паузу.

— Не знаю. Я ведь совсем недавно приехала. Не хочу набрасываться с порога.

Ширли кивнула, допила вино.

— Надеюсь, ничего серьезного. Вот уж чего тебе не надо, так это мужа, который не может немного пожить один. Уезжать и волноваться каждый раз, что убежит…

Одилия кивнула, допила воду. Язык, восковый, как и все в ресторане, прилип к небу.

Вернувшись, Одилия прогулялась по дому —

больше в нем не будет *его* запаха. Она завязала на шторах кисточки, которые заставил купить дизайнер, пригляделась к стене с нарисованными вручную трельяжем и фонтаном. Провела ногтем по дурацкому кухонному уголку, на котором настоял Том, хотя они не готовили. Долго смотрела на царапину от ножа на мраморе, проверила ее пальцем.

Потом взяла стакан воды и села во дворе. Стоял чудесный весенний день. Даже куртка не понадобилась. Дети бежали из школы домой, о чем-то беззаботно болтали радостными голосами. Скоро няня приведет Пенелопу из бассейна. Скоро Одилия вдохнет запах хлорки, от которого никак не удавалось избавиться, как бы дочку ни мыли после плавания.

Одилия зашла в кабинет Тома, широко открыла дверь — пусть проветрится напоследок.

Перед тем, как приступить к исполнению плана, она все хорошенько изучила в библиотеке Нови. В газовом камине, как у Тома, можно было перекрыть выход угарного газа, и поправить это получилось бы, только когда огонь уже не горит. Он в таких случаях из синего становится желтым; Том вряд ли это заметит. Одилия не сомневалась, что он потеряет сознание прежде, чем почувству-

ет неладное. Комната без окон, щель под дверью совсем тонкая, вряд ли газ просочится в другие комнаты. Датчик дыма слишком далеко и не сработает, но Одилия на всякий случай вытащила батарейки.

«Снапи» перенесла его компьютер из домашнего кабинета в головной офис: новое правило гласило, что сотрудники не должны больше работать из дома. Том ждал, когда доставят какой-то новомодный ноутбук, однако все равно запирался в кабинете. Работал над «секретным проектом, не связанным с технологиями». Одилия только глаза закатила.

Перекрыв выход угарного газа в резиновых перчатках, чтобы не оставить следов, она заказала на ужин питу с фалафелем. Услышала, как вернулся Том — хлопнула входная дверь, скрипнули ботинки. Она терпеть не могла этот скрип. Том налил себе попить, выдохнул после первого глотка. Одилия не хотела его трогать. Зачем? Прощальных слов она не припасла.

Одилия уложила Пенелопу спать, прочитала ей сказку, погладила по голове и смотрела, как у дочки слипаются глаза.

— Ты хочешь жить втроем — только мама, Пенни и маленький? — прошептала она, погладила

пальцем кончик ее носа, переносицу. Пенелопа мерно дышала во сне.

Одилия спустилась на второй этаж, прислушалась, не скрипят ли дверные петли в кабинете. Выпила таблетку от аллергии, чтобы успокоиться — у них есть легкий снотворный эффект, а настоящее снотворное врач запретил. Затем сидела в темноте и смотрела, как пляшут очертания предметов. Ничем заниматься не хотелось, все казалось каким-то ненастоящим. Она ввела пароль — день рождения Веры, — но даже телефон не мог ее отвлечь. Наоборот, яркий экран и громкие звуки раздражали.

Пока она ждала, у нее кончилось терпение. Хотелось поскорее закончить дело. А вдруг Том все же догадается, заметит желтое пламя, успеет выйти из кабинета? К чему рисковать?

Одилия оставила телефон на диване, поднялась в спальню, взяла снотворное у Тома с тумбочки. Спустилась и налила ему пино-нуара, невольно заглядевшись на водоворот в пузатом бокале, который Тому вздумалось купить. Растолкла снотворное айфоном Тома и насыпала порошок в бокал. Тот опустился на дно бокала, и Одилия тщательно все размешала, пока гранулы не растворились в напитке.

Она пошла в кабинет с бокалом в руке, едва не пританцовывая по дороге, насколько позволял растущий живот и легкая вялость после таблетки от аллергии.

— Я принесла тебе вина, — пропела Одилия и даже не заметила, как закрылась дверь, а ручки не было, ее выломал Том.

Он лежал лицом на кипе бумаг с чертежом какого-то загона, вроде бы для тех удивительных пони со сверкающими боками, которых они гладили в ночь знакомства. Том уже потерял сознание, хриплые выдохи вырывались из обмякшего рта.

Одилия улыбнулась.

А потом услышала, как щелкнул за спиной заедающий замок.

Эпилог

У меня сегодня свидание.

Он кинорежиссер, тощий, в очках, с редеющими рыжими волосами, с виду совершенно заурядный. Мы познакомились в обычном приложении, для всех — почтальонов и моделей, барменов и финансистов. Возможно, и убийц. Впрочем, они, как мы знаем, встречаются везде.

На мне серый кашемировый топ — сегодня обещали ветер, — черные широкие джинсы, сандалии на платформе и длинное шелковое пальто лаймового цвета. Поначалу я хотела одеться незаметно. Не так-то просто ходить на свидания, когда твое лицо повсюду: и на дешевой тряпке из супермаркета, и на кроссовках за полтысячи долларов. Но заурядность — это не мое.

Правда, свидание пройдет быстро. Мы с Пери задумали выпустить вторую коллекцию от СЕФ, поэтому дел по горло. Забавно, сколько плодов приносит возрождение карьеры. Худа постоянно звонит, просит поработать вместе; я, разумеется, не отвечаю.

Когда Пери отыскала меня у мамы, она сказала,

что теперь хочет заняться искусством и модой. Чем она только ни увлекалась — технологиями, автомобилями, кулинарией, нефтедобычей, — а так и не смогла найти деятельность, которая отвечала бы ее стремлению к красоте.

Пока не встретила меня.

Пери когда-то работала моделью — не всерьез, не в сфере высокой моды. Теперь, когда она заводила разговор о новом модном бренде или художественной выставке, от нее лишь отмахивались, несмотря на связи. Миллиарды не принесли ей *класса*. Сколько себя ни переделывай, все равно она простая девчонка из Флориды с неплохой грудью и пышными волосами, и пробилась она в высший свет лишь потому, что сопровождала на мероприятиях мужчину гораздо старше себя.

Только в моде и искусстве люди еще обращали внимание на ее прошлое, на ее профессиональные достижения. Из-за такого строгого отбора Пери еще сильнее хотелось пробиться в этой сфере, всем доказать: ей никакие препятствия не страшны, она способна создать уникальные товары, которые тотчас раскупят, да еще в лист ожидания запишутся. Она способна влиять на культуру.

Вооруженная моими коллажами, знанием

внутренней кухни и мастерством, Пери теперь могла исполнить свою мечту, попасть в желанную сферу, заслужить уважение и восхищение. Так и случилось. С помощью ее денежек мои коллажи оказались в престижной галерее.

А потом она запустила СЕФ: она «дизайнер», креативный и генеральный директор, а я — операционный директор. Она — лицо бренда, а я — исполнитель. Настоящая власть у меня, я тяну за нужные ниточки. Для первой коллекции вдохновением послужило мое искусство: концептуальные платья, туфли и брюки с принтами, основанными на моих коллажах — немало брендов так сотрудничали с художницами вроде Яёи Кусама и Микалейн Томас, либо с правообладателями картин Кита Харинга и Жан-Мишеля Баския. Мы наняли дизайнера, которого выгнали из парижского дома высокой моды, и он руководит пошивом как таковым.

Первую коллекцию СЕФ так быстро распродали, что нам пришлось заключить контракт с еще одним производителем. Это, конечно, случилось уже после бешеной популярности моей выставки в интернете; после того, как я заслужила признание критиков по всему миру. Даже Марк Райден с женой, Марион Пек, выразили восхищение. Всем

интересна женская ярость, если она прекрасна, если она не вырывается с листа бумаги.

За год я принесла Пери куда больше денег, чем она надеялась, а мы только начали. Прекрасная девушка, пострадавшая от несправедливости, — выигрышный образ, особенно если у нее поддержка в несколько миллиардов. И потом, сейчас ведь модно вставать на сторону злодеек — на самом деле оболганных жертв СМИ. Скоро люди забудут, что я была любовницей Тома Ньюберна. Уже забывают потихоньку. Все благодаря Пери и моему упорству.

А следующая коллекция и следующая выставка будут на другую тему. Пока не знаем, на какую. Мы только начали все обдумывать.

Когда Пери мне это предложила, сидя на маминой кухне, я не смогла отказать. Женщина, в распоряжении которой весь мир, просила помощи в деле, которое я люблю, в котором разбираюсь, которое способно меня поднять на высоту, какая Худе и не снилась. И взамен Пери просила лишь о молчании. Глупо было бы строить из себя праведницу и отказать! Я с самого начала хотела продавать свои коллажи, а Пери мне помогла, вот и все.

В каком-то смысле она и правда специалистка.

Не деньгами меня подкупила, а предложила карьерную возможность. Только сначала мне пришлось отговорить Куина от статьи о Томе, солгать: в гостях у мамы во мне что-то переменилось. Я знала: Куин не станет жаловаться, он преданный друг, да и задумал он статью ради меня, ведь я с ума сходила от ярости.

Я предложила ему написать статью об «Инстаграме» Одилии, на тему двойников. Пусть расскажет, как они с мужем были безумно мной одержимы. Как одержимость и привела их к смерти, а моей вины тут нет. Последнее особенно важно. Предложила провести журналистское расследование о соцсетях и подражании, их порой смертельной опасности. Фото от Сэма, как и обещала. А чтобы Паттерсоны отвязались, пусть напишет, как мы с Пейдж сдружились, нашли утешение в общем горе. Бред собачий, но лишь бы звучало красиво.

У Пейдж все хорошо: Пери легко от нее откупилась, помогла с бизнес-идеей — между прочим, у нее сейчас контракт с крупным агентством недвижимости и компанией, которая ищет нужные локации в Голливуде. До сих пор встречается с Джексоном, живут они в безумно дорогой квартире в стиле лофт. К счастью, волосы у нее теперь

золотистые. Хотя временами в ее «Инстаграме» мелькают фото в платье, как у меня, и ногти у нее бордовые, той же формы. Боюсь, этому не будет конца. Ну теперь подражание мне хотя бы льстит.

Конечно, я хотела, чтобы Куину досталась минута славы. Пери обещала незаметно похлопотать о его статье. Она завирусилась, а Сэм стал довольно известным фотографом — в прошлом месяце у него заказали серию портретов, фото жертв домашнего насилия. Еще мы с Куином записываем подкасты, подумываем принять участие в фильме. Пери не позволила «Снапи» помешать нашему успеху. И потом, про «Снапи» и речи не ведется — только об Одилии, социальных сетях, опасностях интернет-популярности.

Хотя Куин вроде бы доволен, я подозреваю, что в глубине души он немного обижен, — я не дала ему изобличить порочных богачей. Он хотел положить конец «Снапи», писать о серьезных журналистских расследованиях, не статьи о поп-культуре. В каком-то смысле я отняла у него будущее в определенной сфере — вернувшись из Бруклина, тайком пробралась в его комнату, сожгла ту фотографию и удалила все копии на компьютере.

Конечно, он умен и догадывается: я заключила сделку с дьяволом. Вслух он этого не говорил, но понимает: мои просьбы забыть о «Снапи» и неубедительные объяснения не просто так начались. Он в курсе, что я работаю с Пери, однако не знает, что моя выставка и его статья приобрели славу благодаря ей. Хотя, наверное, догадывается. Я ему сказала, будто она позвонила и предложила сотрудничество — в общем-то, неудивительно, она ведь коллекционирует предметы искусства и лично заинтересована в моей истории.

Но временами, когда я ерзаю без сна, перед мысленным взором появляются глаза Калипсо, полные ужаса. И на краткий миг я сомневаюсь в своем выборе. Вряд ли общение с этой женщиной подарит мне душевный покой, счастливую жизнь. Возможно, когда-нибудь я столкнусь с последствиями своего неуемного честолюбия. А потом миг проходит, погружается в забвение, как та фотография.

Иду на свидание и гадаю: читал ли он обо мне в «Гугле», а если да, то о какой версии меня? Впрочем, какая разница? Одилия и Том — часть моей жизни. Жизни, где я наконец-то добилась власти и влияния, о которых всегда мечтала.

Я уверенно иду к нему навстречу.

Благодарности от автора

Вау, еще одна книга! Начать над ней работу было особенно трудно, поэтому поблагодарить нужно немало людей. Во-первых, моего агента Стивена Барбра, бога среди людей. Я бесконечно благодарна за тебя и твою поддержку моего творчества. Мне также повезло работать с замечательными людьми в «Инквелл» — например, с Марией Уилан и Алексис Херли. Вы настоящие рок-звезды!

Спасибо моему чудесному редактору, Эйприл Озборн — книга удалась благодаря ее мудрым советам и пониманию моих персонажей. Спасибо всей команде бренда МИРА за ее неустанный труд на благо читателей. Мне очень повезло с Жюстин Ша, первоклассным рекламным агентом, а еще с Эшли МакДональд, Аной Люкстон и Линдси Ридир, настоящими знатоками в сфере маркетинга.

К слову о рекламных агентах: я бесконечно благодарна неутомимой Сэнди Мендельсон и ее команде, включая замечательную Кэролайн Коннорс, Сару Пейн и других сотрудников агентства «Хингслер-Мендельсон».

Спасибо Стеф Хаммет — ты помогала мне на обычной работе, когда я чуть с ума не сошла, пытаясь все успеть. Ты лучшая!

Я всегда восхищалась участием своих друзей. Ни один писатель не может похвастаться такой командой поддержки! Особенную благодарность выражаю Сабрине Томпкинс, Майклу Изелину и Келли Риссман: они бесконечно выслушивали мои голосовые о сотрудниках строительной компании «Астерикс-Лэнд», пока я трудилась над книгой. Ребята, вы очень терпеливые и помогли мне поскорее выпустить свое детище хотя бы просто потому, что терпели мои монологи о личной жизни.

Спасибо Мередит Гроссман, без нее я бы сошла с ума! Я также благодарю Боба Ховена и Марка Абрахама, которые очень помогли с техническими вопросами.

И наконец спасибо, спасибо и еще раз спасибо всем моим родным. Мам, пап, без вашей поддержки я бы ничего не добилась. Люблю вас.